

ЛЕВКОСИЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. А. Беллев

ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ

Николай Александрович Беляев
Избранные труды
Серия «Антология юридической науки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11155935
Н.А. Беляев. Избранные труды: Юридический центр Пресс; Санкт-Петербург; 2003
ISBN 5-94201-214-8

Аннотация

В сборник избранных трудов Н. А. Беляева по уголовному и уголовно-исполнительному праву включены монографии «Уголовно-правовая политика и пути ее реализации», «Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях», «Предмет советского исправительно-трудового права», главы монографии «Уголовное право на современном этапе: Проблемы преступления и наказания», теоретические положения которых остаются актуальными, а также ряд научных статей, представляющих интерес для современного читателя.

Для преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и всех интересующихся вопросами уголовного права.

Содержание

Предисловие	5
Понятие, сущность и содержание уголовно-правовой политики[1]	8
§ 1. Понятие уголовно-правовой политики	8
§ 2. Содержание уголовно-правовой политики	17
§ 3. Принципы советской уголовно-правовой политики	20
§ 4. Основные направления и задачи борьбы с преступностью	37
§ 5. Критерии отнесения деяний к кругу преступлений (криминализация и декриминализация деяний)	50
Реализация уголовно-правовой политики	69
§ 1. Уголовное право и его совершенствование	69
§ 2. Уголовно-правовая политика и вопросы общей части уголовного законодательства	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Николай Беляев

Избранные труды

80-летию Николая Александровича Беляева ПОСВЯЩАЕТСЯ

© Н. А. Беляев, 2003

© Р. М. Асланов, А. И. Бойцов, Н. И. Мацнев, И. М. Рагимов, предисловие, 2003

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003

* * *

Николай Александрович Беляев

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Головного совета по юридическим наукам Министерства образования России

Предисловие

Исполняется 80 лет со дня рождения и 50 лет научно-педагогической деятельности Николая Александровича Беляева – доктора юридических наук, профессора кафедры уголовного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Он родился 23 августа 1923 г. в Ярославской области в крестьянской семье, которая в середине 20-х годов переехала в Ленинград. Здесь в 1940 г. Н. А. Беляев окончил среднюю школу, оказавшись в числе представителей того поколения, чьи дальнейшие жизненные планы были безжалостно перечеркнуты войной.

В июле 1941 г. Н. А. Беляев призывается в ряды Красной Армии и направляется на Ленинградский фронт, а в сентябре 1941 г. переводится на Волховский фронт в 286-ю стрелковую дивизию, в составе которой воюет на рядовых и сержантских должностях до 9 мая 1945 г. В составе этой дивизии он освобождал захваченные врагом земли России, Украины, Польши, Австрии и Чехословакии. Победу он встречает в звании старшего сержанта в г. Праге.

Мужество и доблесть, проявленные им в годы войны, отмечены Орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя медалями «За отвагу», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Праги» и другими наградами.

Демобилизовавшись в 1947 г., Н. А. Беляев возвращается в Ленинград и поступает в Ленинградский юридический институт им. М. И. Калинина, в числе студентов которого в то время нередко можно было встретить бывших фронтовиков. Это было прекрасное поколение людей, прошедших страшную войну, но не искалеченных ею нравственно, рвущихся к знаниям, но не имевших порой ничего, кроме военного обмундирования, чтобы ходить на лекции. Это были мужественные люди, познавшие на войне цену человеческой жизни, и потому, быть может, столь чуткие к судьбам других людей, но не щадившие себя в отстаивании разделяемых идеалов.

После окончания Юридического института в 1951 г. Н. А. Беляева приглашают в аспирантуру этого же института. В мае 1954 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему: «О преступлениях против социалистической системы хозяйства по современному уголовному праву» и приступает к педагогической работе на кафедре уголовного права Юридического института в качестве ассистента.

В 1954 г. Юридический институт им. М. И. Калинина был объединен с юридическим факультетом Ленинградского государственного университета, и Н. А. Беляев становится ассистентом кафедры уголовного права. Здесь он проходит практически все ступени университетско-преподавательской деятельности: с 1961 по 1964 г. является заместителем декана юридического факультета по научной работе, в 1964 г. после защиты докторской диссертации избирается профессором и заведующим кафедрой уголовного права, а с 1968 по 1973 г. – проректором Ленинградского государственного университета по учебной работе.

Все более обширным становится и круг его научных интересов. В последовавших за кандидатской диссертацией исследованиях Н. А. Беляев не замыкается в рамках Особенной части уголовного права. Его все более привлекают проблемы исправительно-трудового права, Общей части уголовного права, а вслед за тем и более глобальные проблемы уголовной политики.

Итогом стало опубликование свыше 100 научных работ. В их числе три крупных монографии: «Предмет советского исправительно-трудового права» (1960 г.), «Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях» (1963 г.), «Уголовно-правовая политика и пути ее реализации» (1986 г.). Кроме того, с авторским участием Н. А. Беля-

ева и под его редакцией было подготовлено более 20 учебников, учебных пособий и монографий по уголовному и уголовно-исполнительному праву, а также криминологии. Среди них прежде всего следует отметить 5-томный ленинградский «Курс советского уголовного права» (1968–1981 гг.), на протяжении десятилетий остававшийся в СССР (наряду с аналогичным курсом Института государства и права АН СССР) самым фундаментальным научно-учебным изданием, и кафедральную монографию «Уголовное право на современном этапе: Проблемы преступления и наказания» (1992 г.), получившую диплом 2-й степени в университетском конкурсе научных работ.

Столь же широкой является и хронология этих работ, которая насчитывает более 45 лет, вобравших в себя разные исторические периоды развития нашего Отечества. Поэтому при формировании настоящего сборника, по необходимости ограниченного определенными рамками, было непросто отобрать среди них те, которые бы должным образом отражали всю творческую биографию крупного ученого и в то же время представляли интерес не только для тех, кто занимается историей криминалистической мысли. После некоторых размышлений мы решили, во-первых, отдать безусловный приоритет работам, написанным Н. А. Беляевым вне соавторства, как наиболее точно характеризующим его научные взгляды, а во-вторых, избрать среди последних для включения в настоящий сборник те работы, теоретические положения которых остаются актуальными и сегодня.

За основу структурного построения сборника взят тематический принцип, хотя и хронологический принцип здесь также присутствует.

Открывает сборник изданная в 1986 г. монография «Уголовно-правовая политика и пути ее реализации», которая является заметным вкладом в разработку проблем уголовно-правовой политики. Освещая эти проблемы, Н. А. Беляев основывался на том, что теоретическая база уголовно-правовой политики должна послужить фундаментом для разработки законодательства, направленного на успешную борьбу с преступностью.

Главы, принадлежащие перу Н. А. Беляева в кафедральной монографии «Уголовное право на современном этапе: Проблемы преступления и наказания», опубликованной в 1992 г., затрагивают те проблемы уголовно-политического характера, которые приобрели актуальность в конце 80 – начале 90-х гг., когда отечественное уголовное законодательство столкнулось с необходимостью кардинального реформирования в связи с происходящими в стране социально-экономическими и политическими преобразованиями. Кроме того, при выборе этих глав мы также учитывали мизерный тираж, которым была издана указанная монография, давно ставшая библиографической редкостью.

Статья «О системе хозяйственных преступлений», опубликованная в 1956 г., представляет главным образом исторический интерес. Она написана в связи с разработкой Уголовного кодекса СССР и вызвала оживленную дискуссию в научных кругах того времени. Вместе с тем теоретические основы систематизации конкретных норм уголовного права, изложенные в этой статье, не утратили своего значения и в настоящее время.

Монографическая работа «Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях» явилась основой докторской диссертации, защищенной Н. А. Беляевым в 1963 г. На базе достижений педагогики и психологии, уголовного и исправительно-трудового права того времени в ней показывается, с помощью, каких средств достигаются цели наказания в исправительно-трудовых учреждениях.

Монография «Предмет советского исправительно-трудового права», изданная в 1960 г., посвящена вопросу о месте исправительно-трудового права в системе отечественного права. Она невелика по объему, но тем не менее является весомым вкладом Н. А. Беляева в теорию исправительно-трудового права на начальном этапе ее становления в конце 50-х годов XX в. после долгих лет замалчивания. Многие теоретические положения данной монографии не утратили своего значения и в настоящее время.

В статье «Классификация преступников и ее значение», опубликованной в 1965 г., раскрываются теоретические проблемы классификации преступников и показывается ее значение для деятельности исправительно-трудовых учреждений.

Указанные работы лишь частично отражают вклад Н. А. Беляева в развитие отечественной уголовно-правовой и пенитенциарной науки. К тому же нельзя забывать о его огромной организаторской деятельности на этом поприще. С момента организации и до настоящего времени Н. А. Беляев является председателем Головного Совета по юридическим наукам Министерства образования России. Долгие годы он был ответственным редактором серии по гуманитарным наукам периодического журнала «Вестник Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета».

Неоценима роль Н. А. Беляева и в подготовке научных кадров. Под его руководством успешно защитили кандидатские диссертации более 30 человек, пять из них стали докторами юридических наук. Многие ученики Н. А. Беляева заняли высокие должности в правоохранительных органах и учебных заведениях некогда необъятного Советского Союза.

Не менее значимо участие Н. А. Беляева в судьбе сотрудников Санкт-Петербургской (Ленинградской) кафедры уголовного права юридического факультета, которую он возглавил в 1964 г. и оставался в должности заведующего ею более четверти века. За это время ему удалось сформировать коллектив, на научном потенциале которого продолжает держаться Санкт-Петербургская школа уголовного права.

Более того, высокие человеческие качества Н. А. Беляева – отзывчивость, внимание к людям, душевная щедрость, готовность в любой момент помочь словом и делом, принципиальность и честность – в решающей мере способствовали созданию удивительной атмосферы необходимой требовательности, самоотдачи и в то же время товарищеской взаимопомощи, такта и уважения друг к другу сотрудников кафедры.

В свое время успехи Н. А. Беляева в трудовой и общественной деятельности были отмечены государством орденом «Знак почета» (20 июля 1971 г.), Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР и присвоением почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (13 апреля 1999 г.). Исследовательские заслуги Н. А. Беляева, снискавшие ему авторитет в науке, по достоинству оценены коллегами «по цеху». Его педагогические усилия с признательностью будет вспоминать еще не одно поколение выпускников ЛГУ (СПбГУ). А настоящий сборник – не более чем скромный знак внимания со стороны его учеников, знак уважения, благодарности и преклонения перед своим **Учителем**.

*кандидат юридических наук Р. М. Асланов,
доктор юридических наук А. И. Бойцов,
кандидат юридических наук Н. И. Мацнев,
доктор юридических наук И. М. Рагимов*

Понятие, сущность и содержание уголовно-правовой политики¹

§ 1. Понятие уголовно-правовой политики

Советская уголовная политика – это основанное на объективных законах развития социалистического общества направление деятельности государственных и общественных органов и организаций по охране интересов трудящихся от преступных посягательств путем применения наказания или заменяющих наказание мер административного или общественного воздействия к лицам, их совершившим, а также путем предупреждения преступлений при помощи угрозы применения наказания.

Н. И. Загородников пишет, что «уголовная политика – это отношения между классами, нациями, социальными группами, обществом и личностью, имеющие своим содержанием участие советских граждан в деятельности государства в сфере борьбы с преступностью; это определение содержания, форм и задач деятельности государства и его органов, а также общественных организаций, направленной на защиту завоеваний трудящихся, интересов государства, личности и ее прав, созданного народом правопорядка от преступных посягательств».² С таким определением уголовной политики в целом можно согласиться. Однако отсутствие в определении указания на наказание, угрозу наказанием, меры административного и общественного воздействия, применяемые к преступникам вместо наказания, как на единственные средства осуществления уголовной политики, может привести к неверному выводу о сущности этой политики. Н. И. Загородников правильно считает, что уголовная политика в узком смысле слова (уголовно-правовая политика) «закрепляется и реализуется средствами уголовного права».³

Сущность советской уголовной политики состоит в том, что она определяет направление деятельности в области борьбы с преступностью путем применения наказания. Это – закономерность уголовной политики. «Ergo, закон и сущность понятия однородные (однопорядковые) или, вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений, мира etc».⁴ Сущность и закон выражают то прочное, что содержится в явлении. «Закон есть прочное (остающееся) в явлении»;⁵ «закон есть отражение существенного в движении универсума»;⁶ «несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так “плотно” держится, не так “крепко сидит”, как “сущность”».⁷

Уголовная политика как явление богаче сущности уголовной политики. В. И. Ленин писал: «Закон – спокойное отражение явлений». «Это замечательно материалистическое и замечательно меткое (словом "ruhige") определение. Закон берет спокойное – и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приближителен».⁸ «Явление богаче закона».⁹ Сущность также не

¹ Н. А. Беляев. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. © Издательство Ленинградского государственного университета, 1986.

² Загородников Н. И. Советская уголовная политика. М., 1979. С. 8.

³ Там же. С. 13.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 137.

⁷ Там же. С. 116.

⁸ Там же. С. 136.

⁹ Там же. С. 137.

тождественна явлению. Сущность – это ядро явления, постоянное, закономерное в явлении. Но явление содержит в себе элементы не постоянные, изменчивые, которые не охватываются сущностью. Например, уголовная политика лежит в основе определения перечня составов преступлений, системы наказаний, порядка назначения наказаний и т. д. Эти и многие другие элементы политики могут меняться (и фактически меняются). Постоянным остается одно – уголовная политика направляет борьбу с преступностью при помощи уголовного наказания. При ином подходе к оценке сущности уголовной политики ее предмет, а вместе с тем и понятие без достаточных к тому оснований чрезмерно расширяется.

М. И. Ковалев пишет, что «уголовная политика по своему содержанию значительно шире, чем уголовное право, поскольку она определяет не только уголовно-правовые методы и средства борьбы с преступностью, но и призвана решать проблемы, связанные с профилактикой правонарушений, ибо советской науке и практике присуще профилактическое направление в борьбе с преступностью, а оно предполагает не только правовые, но и социальные, организационные, идеологические и иные мероприятия».¹⁰ По его мысли, а равно и по мысли других авторов, придерживающихся аналогичной позиции, советская уголовная политика призвана направлять всю деятельность государства и общественности, которая хотя бы в какой-то мере способствует решению задачи предупреждения и ликвидации преступности.

Известно, что успех в борьбе с преступностью определяется прежде всего успехами в решении главных задач, стоящих перед Советским государством (создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечение безопасности страны, содействие укреплению мира и развитию международного сотрудничества). Это обстоятельство не может не учитываться при определении и реализации советской уголовной политики.

Верно также и то, что при осуществлении всех направлений политики Коммунистической партии и Советского государства должны учитываться и интересы уголовной политики. Нельзя не согласиться со справедливым замечанием о том, что «различные социально-экономические мероприятия нельзя рассматривать исключительно или даже преимущественно под углом зрения их влияния на искоренение и предупреждение преступности. Совершенно ясно, что эти преобразования преследуют цели, далеко стоящие за пределами укрепления правопорядка. Поскольку, однако, борьба с преступностью остается в современных условиях серьезной задачей, при управлении социальными процессами должно учитываться влияние социально-экономических мер на причины и условия преступности, т. е. интересы уголовной политики».¹¹

Взаимозависимость и взаимопроникновение различных направлений политики Коммунистической партии и Советского государства – явление вполне мыслимое и даже необходимое. Без этого невозможно практическое осуществление любого направления политики в целом. Объективно это объясняется взаимосвязью и взаимозависимостью всех процессов и явлений жизни социалистического общества. Нельзя, например, осуществлять борьбу с преступностью уголовно-правовыми мерами без учета влияния этих мер на всю социально-политическую жизнь нашего общества. С другой стороны, нельзя проводить экономические, социально-политические, культурные и иные мероприятия в отрыве от проблемы влияния их на преступность как социальное явление. «На содержание уголовной политики

¹⁰ Ковалев М. И. Соотношение уголовной политики и уголовного права // Советское государство и право. 1978. № 12. С. 70.

¹¹ Гальперин И. М., Курляндский В. И. Предмет уголовной политики и основные направления ее изучения // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 8–9.

конструирующее воздействие оказывает как внешняя, так и внутренняя политика разных направлений. Так, экономическая и социальная политика, политика в области отношений с другими странами и т. п. оказывают реальное воздействие на содержание уголовной политики не только при определении общих начал ответственности, но и при определении круга деяний, признаваемых преступлениями. Например, вопросы действия уголовного закона в пространстве борьбы с международным терроризмом, наказания военных преступников или угона самолетов тесно связаны с внешней политикой, вопросы ответственности за преступления против социалистической и личной собственности тесно связаны с экономической политикой и т. п.».¹²

Субъективно это обстоятельство объясняется тем, что, как уже говорилось, любое направление политики есть неотделимая составная часть единой политики, выработанной Коммунистической партией Советского Союза. Любое направление политики своими краями накладывается на края других направлений. Поэтому нельзя представлять себе единую политику как пирог, разрезанный на отдельные дольки, решительно отделенные друг от друга. Единая политика есть внутренне согласованное единство всех ее направлений.

Однако отсюда нельзя делать вывода, что все то, что способствует осуществлению определенного направления политики, входит в ее предмет и содержание. Ведь было бы нелепым утверждать, что уголовно-правовая политика направляет деятельность государства, его органов, общественности по созданию материально-технической базы коммунизма, по росту материальной обеспеченности советских граждан, их сознательности и культуры и т. д. только на том основании, что эти социально-экономические процессы способствуют борьбе с преступностью. Именно поэтому чрезвычайно важно определить сущность того или иного направления политики, которая отличает различные направления друг от друга.

Совершенно верным представляется положение, высказанное Ю. Волковым: «Рассматривая содержание, цели и основные направления политики КПСС, необходимо иметь в виду, что все сферы общественной жизни, являющиеся объектом политического руководства, теснейшим образом, органически взаимосвязаны. Они переплетаются нередко даже в каком-то одном процессе или виде человеческой деятельности. Поэтому и регулирующая их политика представляет собой единое целое, здесь фактически можно говорить лишь о социальных аспектах единой политики партии. Однако и теоретически и практически важно вычленять эти аспекты, которые в своей совокупности и составляют то, что принято называть социальной политикой».¹³ Если с этих, единственно правильных позиций посмотреть на уголовную политику, то станет совершенно ясно, что сущностью ее является борьба с преступностью при помощи уголовного наказания.

Отсюда логично вытекает, что направление деятельности государственных и общественных органов и организаций, участвующих в борьбе с преступностью не при помощи уголовного наказания или мер общественного воздействия, применяемых вместо наказания, не является уголовной политикой. Нельзя, например, признать, что меры, которые применяет Советское государство по борьбе с алкоголизмом и наркоманией (создание специальных профилакториев, принудительное лечение, ограничение дееспособности и др.), продиктованы только идеей борьбы с преступностью. Конечно, и алкоголики, и наркоманы чаще чем другие граждане совершают преступления, и их лечение содействует сокращению преступлений. Однако не следует забывать, что и в этих опустившихся людях государство видит своих граждан и поэтому принимает необходимые меры с тем, чтобы вернуть им здоровье,

¹² Загородников Н. И., Стручков Н. А. Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 49.

¹³ Волков Ю. Социальная политика КПСС. – Коммунист, 1976, № 5. С. 40.

возвратить их к нормальной человеческой жизни. Нельзя эту высокую гуманную цель, которую преследует в данном случае Советское государство, низводить до цели предупреждения преступлений. А именно к этому выводу мы должны прийти, если признать, что указанная выше деятельность направляется уголовной политикой.

То же самое можно сказать о мерах, которые применяются к несовершеннолетним, чье поведение отклоняется от общепринятых норм и свидетельствует о потенциальной возможности перерастания этого поведения в преступное, а также о мерах, направленных на борьбу с другими видами отклоняющегося поведения, не признанного законом преступным. Поэтому нельзя относить к мерам, специально направленным на борьбу с преступностью, которые вырабатываются на основе уголовной политики, меры, пресекающие менее опасные, чем преступление, правонарушения. Правонарушениями менее опасными, чем преступления, являются любые нарушения требований советского закона: административный и дисциплинарный проступки, нарушения трудового, гражданского, колхозного законодательства. Вряд ли верно с точки зрения политической и целесообразно с точки зрения практической рассматривать меры по предупреждению этих правонарушений как меры, специально направленные на борьбу с преступностью, и таким образом включать направление деятельности органов, их применяющих, в сферу уголовной политики.

Уголовная политика определяет направление деятельности соответствующих органов и организаций в трех сферах применения наказания. Это деятельность по:

- 1) быстрому и полному раскрытию преступлений, изобличению виновных и обеспечению правильного применения закона;
- 2) правильной квалификации совершенного преступления и назначению справедливого и целесообразного наказания;
- 3) исполнению назначенного судом наказания и закреплению положительных результатов воздействия наказания.

Деятельность, осуществляемая в каждой из сфер, имеет свою специфику по субъекту деятельности, по непосредственным целям и по характеру отношений, являющихся предметом регулирования. Эта специфика послужила поводом для разделения в советской юридической литературе единой политики в области борьбы с преступностью на самостоятельные уголовно-правовую политику, уголовно-процессуальную политику и исправительно-трудовую политику. При этом уголовно-правовая политика часто обозначается термином «уголовная политика». Вряд ли подобное разделение имеет под собой достаточные основания. Не всякое направление деятельности определенных органов Коммунистической партией и Советским государством можно назвать политикой. Коммунистическая партия и Советское государство направляют деятельность предприятий общественного питания и коммунального хозяйства, детских яслей, медицинских вытрезвителей и т. д. Однако вряд ли кто-нибудь назовет эти направления самостоятельными видами политики.

Выше уже говорилось, что политика есть явление, в котором отражаются интересы не отдельных лиц, органов, организаций, а интересы классов. О наличии этого признака можно говорить, когда речь идет о политике в области борьбы с преступностью в целом, но нельзя, когда речь идет только о деятельности по изобличению преступника или о деятельности по исполнению наказания, или о деятельности по назначению наказания. Все вышеуказанные сферы деятельности в области борьбы с преступностью представляют собою единство. Оно выражается в том, что: 1) все они имеют одну и ту же конечную цель – ликвидацию преступности; 2) у них единая сущность – борьба с преступностью путем применения уголовного наказания или заменяющих наказание мер общественного воздействия; 3) они не могут существовать одна без другой: нельзя назначать наказание, если преступник не изобличен, нельзя исполнять наказание, если оно не назначено, и т. д.

Поэтому направление этой единой деятельности осуществляется при помощи единой политики, которая называется уголовной. Термины «уголовно-правовая», «уголовно-процессуальная», «исправительно-трудовая» политика имеют право на существование для обозначения составных частей единой уголовной политики. Правильно замечает по этому поводу С. В. Бородин: «Такое понимание содержания уголовной политики не исключает правомерности употребления понятий: уголовно-правовая политика, уголовно-процессуальная политика, судебная политика, исправительно-трудовая политика. Однако, по нашему мнению, это лишь составные части уголовной политики, поскольку предмет каждой из них входит как неразрывная часть в предмет уголовной политики».¹⁴

Тезис о самостоятельности уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и исправительно-трудовой политики в значительной мере основывается на факте существования трех самостоятельных отраслей права: уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового. Действительно, в силу специфики предмета правового регулирования эти отрасли права имеют самостоятельный характер. Однако это ни в коей мере не опровергает положения о единстве уголовной политики, поскольку нормы этих отраслей регулируют деятельность различных субъектов в одной области жизни нашего общества – в области борьбы с преступностью.

Вместе с тем совершенно очевидно, что при научном анализе уголовной политики в статике и динамике вполне возможно ограничивать исследования рамками одной из составных частей политики, поскольку каждая из них кроме общих моментов характеризуется и присущими ей особенностями. «Как уголовная политика в узком смысле слова, так и судебная и исправительно-трудовая политика имеют единый предмет воздействия – преступность, но каждая из них располагает своими средствами, приемами и возможностями, закрепленными в законе на основе общих принципов единой политики в области борьбы с преступностью или уголовной политики в широком смысле слова».¹⁵

Н. И. Загородников в рамках единой уголовной политики различает уголовную политику в узком смысле слова, судебную политику и исправительно-трудовую политику. Он пишет: «Уголовная политика в узком смысле слова или уголовно-правовая политика (это название нам кажется менее удачным) предполагает закрепление в нормах уголовного права общих начал уголовной ответственности, ответственность за конкретные преступления в целях борьбы с преступностью и предупреждения преступлений. Судебная политика, по нашему мнению, направляет законотворческую деятельность, определяющую структуру и формы работы органов розыска, дознания, следствия и суда, и практическую деятельность этих органов и общественных организаций по борьбе с преступностью и предупреждению преступлений. Исправительно-трудовая (или уголовно-исполнительная) политика направляет законотворческую деятельность и практическую работу соответствующих органов государства и общественности по применению наказания».¹⁶

Такую классификацию подвидов уголовной политики нельзя признать удачной. Во-первых, вряд ли следует вводить в оборот термины «уголовная политика в узком смысле слова» и «уголовная политика в широком смысле слова». Наличие этих двух терминов способно лишь внести путаницу в понимание содержания уголовной политики. Тем более что в советской литературе термин «уголовная политика в широком смысле слова» иногда употребляется не в том смысле, в каком говорит о ней Н. И. Загородников, а в смысле направления деятельности всех органов государства и общественности, в какой-либо мере влияющих

¹⁴ Бородин С. В. Теоретические проблемы советской уголовной политики // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. М., 1977. С. 27.

¹⁵ Загородников Н. И. Советская уголовная политика. М., 1979. С. 13.

¹⁶ Там же. С. 14.

на состояние борьбы с преступностью (производственные коллективы, культурно-просветительные учреждения и др.). Во-вторых, вряд ли целесообразно заменять понятием «уголовная политика в узком смысле слова» понятие «уголовно-правовая политика», поскольку последнее более четко отражает специфику этого подвида уголовной политики. В-третьих, вызывает возражения разъяснение понятия «судебная политика». Сам автор пишет, что этот подвид уголовной политики направляет законодательную деятельность, определяющую структуру и формы работы органов розыска, дознания, следствия и практическую их деятельность. Совершенно очевидно, что судебная политика к этому направлению законодательной и практической деятельности отношения не имеет. В-четвертых, в классификации отождествляется исправительно-трудовая и уголовно-исполнительная политика, хотя эти явления не совпадают по содержанию.

Несколько иную классификацию подвидов уголовной политики предлагает И. А. Исмаилов. «В настоящее время, – пишет он, – могут быть выделены три элемента (подсистемы) уголовной политики: предупредительная политика, уголовно-судебная политика и исправительно-трудовая политика».¹⁷

Это предложение заслуживает внимания, однако в настоящем виде принять его трудно ввиду неясности в соотношении предупредительной и уголовно-судебной политики. Во-первых, уголовно-судебная политика при любом ее понимании выполняет и предупредительную функцию. Во-вторых, если под уголовно-судебной политикой понимать только направление деятельности судов по применению норм права, то выходит, что деятельность государственных органов и общественности по выработке основных направлений борьбы с преступностью, принципов криминализации поведения людей, принципов и общих положений уголовного права и т. д. относится к предупредительной политике. Очевидно, что это не так. Сводить решение этих вопросов только к необходимости выполнения задачи предупреждения преступлений – значит существенно заузить значение правильного теоретического и практического разрешения очень важных проблем уголовного права.

Итак, представляется теоретически и практически оправданным в настоящее время исходить из того, что существует единая уголовная политика – политика в области борьбы с преступностью при помощи уголовного наказания и три ее подвида (подсистемы, составные части): советская уголовно-правовая политика, советская уголовно-процессуальная политика и советская уголовно-исправительная политика. Определение уголовной политики было дано выше.

Уголовно-правовая политика представляет собой направление деятельности законодательных и правоприменяющих органов и организаций в выработке общих положений уголовного законодательства, установлению круга преступных деяний и системы наказаний, разработке санкций в конкретных составах преступлений и избранию справедливых и целесообразных мер воздействия (наказаний, административных или общественных мер воздействия) в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений.

Уголовно-процессуальная политика – это направление деятельности правосоздающих и правоприменяющих органов и организаций по выработке и применению форм реализации норм советского уголовного права на всех этапах осуществления уголовной ответственности и освобождения от нее.

Уголовно-исправительная политика – это направление деятельности правосоздающих и правоприменяющих органов и организаций, направленной на практическое исполнение мер уголовного наказания, назначенных судами лицам, виновным в совершении преступлений. Уголовно-исправительная политика – явление более широкое по своему содержанию.

¹⁷ Исмаилов И. А. Уголовная политика как сложная система // Учен. зап. МВ и ССО Азербайджанской ССР. Сер. «Юридические науки». 1975. № 1. С. 12.

нию, чем исправительно-трудовая политика. Последняя определяет направление деятельности законодательных и практических органов и организаций по исполнению только видов наказаний, указанных в Основах исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, в то время как первое определяет направление деятельности законодательных и практических органов и организаций по исполнению всех уголовных наказаний.

Исправительно-трудовая политика закреплена в нормах Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик 1969 г.¹⁸ исправительно-трудовых кодексах союзных республик.¹⁹ А уголовно-исправительная политика – в указанных нормативных актах, а также в Положении о порядке и условиях исполнения наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных,²⁰ и в аналогичных Положениях союзных республик.²¹

Н. А. Стручков, отмечая различия уголовно-правовой и исправительно-трудовой политики, писал: «Уголовная и исправительно-трудовая политика имеют общую цель – ликвидацию преступности. Но в то же время уголовная политика и исправительно-трудовая политика имеют свои специфические, ближайшие цели. Так, специфическими целями уголовной политики, на наш взгляд, следует признать: недопустимость осуждения невиновного, выбор справедливой меры наказания виновному с тем, чтобы она карала его и в то же время преследовала цели исправления и перевоспитания осужденного, а также предупреждения совершения нового преступления как самим осужденным, так и другими лицами. Цели же исправительно-трудовой политики ориентируют соответствующие органы государства и общественные организации на то, чтобы назначенное осужденному наказание было исполнено надлежащим образом, иными словами, чтобы оно карало преступника и в то же время, само по себе, будучи соединенным с исправительно-трудовым воздействием, достигало с наибольшей эффективностью цели исправления и перевоспитания осужденного, а также предупреждения совершения новых преступлений как самим осужденным, так и другими лицами».²²

Эта характеристика различий между уголовно-правовой и исправительно-трудовой политикой сохраняет свое значение и для разграничения уголовно-правовой и уголовно-исправительной политики с тем лишь отличием, что уголовно-исправительная политика определяет направления исполнения всех наказаний, а не только соединенных с исправительно-трудовым воздействием.

В ст. 1 Положения о порядке и условиях исполнения наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных, говорится: «В соответствии с Основами исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик порядок и условия исполнения уголовных наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных, определяется законодательством Союза ССР и законодательством союзных республик. Настоящим Положением определяется порядок и условия исполнения наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штрафа, общественного порицания, конфискации имущества, лишения воинского или специального звания».

¹⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 41. Ст. 365.

¹⁹ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. Принят 18 декабря 1970 г. (Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. № 51. Ст. 1220).

²⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1983. № 12. Ст. 175.

²¹ Положение о порядке и условиях исполнения в РСФСР уголовных наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных. Принято 16 июля 1984 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1984. № 29. Ст. 991.

²² Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. С. 126–127.

Уголовно-правовая политика Коммунистической партии и Советского государства, являясь составной частью уголовной политики, имеет определяющее значение по отношению к другим частям этой политики: уголовно-процессуальной и уголовно-исправительной политики. И это естественно, ибо уголовно-правовая политика и уголовное право, как средство ее реализации, устанавливают круг общественно опасных деяний, за совершение которых может быть назначено наказание, систему и виды наказаний, порядок назначения наказаний, уголовно-процессуальная политика и уголовно-процессуальное право вырабатывают и закрепляют форму, в какой осуществляется расследование уголовного дела, избрание виновного, рассмотрение дела в суде и избрание меры наказания. Существование уголовно-процессуальной политики без уголовно-правовой политики и уголовного права невозможно, ибо форма без содержания существовать не может. Вместе с тем нельзя недооценивать уголовно-процессуальную политику, поскольку она вырабатывает формы реализации уголовно-правовой политики и поскольку не может быть бессодержательной формы, равно не может быть и бесформенного содержания.

П. С. Элькинд, солидаризируясь с И. Сабо (ВНР), писала: «Уголовно-процессуальные отношения находятся в неразрывной связи с отношениями уголовно-правовыми... процессуальные отношения, будучи вторичными по отношению к материально-правовым отношениям, являются как бы удвоенной формой общественных отношений, ибо представляют собой форму (разумеется, содержательную) материально-правовых отношений, которые, в свою очередь, являются формой других (производственных, политических) отношений».²³ И далее: «В той мере, в какой «процесс есть только *форма жизни закона*, следовательно, проявление его внутренней жизни»,²⁴ уголовно-процессуальные отношения возникают и развиваются в связи с уголовно-правовыми и по поводу уголовно-правовых, которые, в свою очередь, могут быть реализованы только через отношения уголовно-процессуальные».²⁵

Аналогично соотношение уголовно-правовой и исправительно-правовой политики. «Советская исправительно-трудовая политика есть участие в делах государства по исполнению наказаний, она дает направление деятельности органов государства и общественных организаций в области исполнения наказаний, а также определяет формы, задачи и содержание этой деятельности».²⁶ «Исправительно-трудовая политика не представляет собой самодовлеющей политики. Ее содержание дополняет содержание так называемой уголовно-судебной политики и, в свою очередь, пополняется за счет содержания последней».²⁷ Н. А. Стручков, подчеркивая ведущее положение уголовно-правовой политики, пишет о соотношении исправительно-трудового и уголовного права, в нормах которых выражается и закрепляется политика: «Признание исправительно-трудового права самостоятельной отраслью права не исключает существования особой его связи с уголовным правом и уголовно-процессуальным правом, причем уголовное право занимает ведущее положение по отношению к двум другим названным отраслям права».²⁸ В силу своего определяющего положения уголовно-правовая политика оказывает воздействие на уголовно-процессуальную и исправительно-трудовую политику. Например, в соответствии с идеей о замене наказания мерами общественного воздействия, сформулированной уголовной политикой, уголовно-процессуальная политика пополнилась положением о порядке прекращения уголовных дел с передачей их в товарищеский суд, в комиссию по делам несо-

²³ Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 9–10.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 158.

²⁵ Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. С. 14.

²⁶ Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. С. 53.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 84.

вершеннолетних или с передачей виновного на поруки. Или на основании положения уголовно-правовой политики о постепенной замене тюрем воспитательными учреждениями исправительно-трудовая политика сформулировала идеи об исправительно-трудовых колониях как основном виде исправительно-трудовых учреждений, о целесообразности создания колоний-поселений и т. д.

В свою очередь, уголовно-процессуальная и исправительно-трудовая политика оказывает воздействие на уголовно-правовую. Например, необходимость внедрения прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы вызвала необходимость формулирования положений об условно-досрочном освобождении.

§ 2. Содержание уголовно-правовой политики

В советской уголовно-правовой литературе довольно часто отождествляются понятия предмета и содержания политики. Предмет и содержание политики – явления, тесно связанные между собой, но не тождественные. Предмет политики – это то явление общественной жизни, развитие которого должно обеспечиваться определенным направлением политики: экономика, взаимоотношения с иностранными государствами, культурно-воспитательная работа и т. д. Содержание политики определяется предметом, поскольку политика должна давать такое направление деятельности соответствующим органам и организациям, которое было бы способным по своим объективным свойствам обеспечить развитие предмета политики в определяемом Коммунистической партией Советского Союза направлении.

Содержание политики составляет теоретическая разработка практического осуществления средств и методов воздействия на предмет политики. Предметом уголовной политики является преступность. Преступность есть и предмет уголовно-правовой политики.

Ряд авторов под предметом политики понимают ее содержание. Так, В. Ключков пишет: «К предмету уголовной политики относятся такие вопросы: признание преступными определенных антиобщественных действий и исключение из разряда преступлений тех или иных деяний с учетом происходящих в процессе общественного развития изменений (криминализация и декриминализация), применение уголовной ответственности и уголовного наказания, мер общественного воздействия и административных взысканий, заменяющих наказание; обеспечение неотвратимости ответственности за каждое преступление; исполнение уголовного наказания и заменяющих его мер; исправление и перевоспитание лиц, совершивших преступления; социальная адаптация (ресоциализация) лиц, отбывших наказания, особенно в виде лишения свободы, повышение общественного воздействия наказания и заменяющих его мер».²⁹

Приведенное положение свидетельствует, что автором предпринята попытка раскрыть содержание уголовной политики, а не предмет ее. При этом раскрывается содержание уголовной политики как единой политики в области борьбы с преступностью путем применения наказаний или мер, его заменяющих.

Следует заметить, что содержание уголовной политики изложено автором недостаточно полно. Во-первых, в нем совершенно упущено содержание уголовно-процессуальной политики, которая является составной частью единой уголовной политики. Во-вторых, в определении содержания не включены очень важные направления уголовно-правовой политики, такие, как выработка основных направлений уголовно-правовой борьбы с преступностью, определение принципов и общих положений, лежащих в основе уголовно-правовой политики, создание уголовного законодательства и его совершенствование и др. В-третьих, автором иногда смешивается сама политика и средства ее практической реализации. Например, исполнение уголовного наказания и мер, его заменяющих, исправление и перевоспитание преступников есть не содержание уголовной политики, а практические средства ее реализации.

При определении содержания уголовно-правовой политики нельзя выходить за пределы ее предмета и характерных для этой политики средств и методов воздействия на него.

Для правильного понимания содержания советской уголовной, в том числе и уголовно-правовой политики, заслуживает внимания следующее положение Н. И. Загородникова: «При осмысливании понятия советской уголовной политики нужно иметь в виду три ее стороны. Первая – это выработанная КПСС и выраженная в Программе и решениях съездов

²⁹ Ключков В. Уголовная политика и уголовное право // Социалистическая законность. 1977. № 11. С. 65.

партии, в постановлениях руководящих органов партии и государства линия борьбы с преступностью средствами уголовного наказания и другими мерами государственного принуждения и общественного воздействия, воплощенная в общие принципы, на которых эта линия базируется. Вторая – конкретная деятельность государства, его органов и их представителей, общественных организаций и отдельных лиц, состоящая в проведении в жизнь выработанной линии, выражающаяся в издании уголовных и других законов в области борьбы с преступностью, применении этих законов к конкретным социальным конфликтам и разрешении их на основе действующего уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового и административного законодательства. Третья – это научное осмысливание исторической обусловленности выработанной партией линии в борьбе с преступностью, мер по ее реализации, изучение практики реализации уголовной политики, выработка рекомендаций по улучшению структуры и деятельности органов государства, их представителей, общественных организаций в области борьбы с преступностью».³⁰

Представляется, что это положение в обобщенном виде охватывает все основные направления уголовной политики, к которым относятся выработка линии в борьбе с преступностью, определение направлений деятельности законодательных и иных органов и организаций по практической реализации этой линии, определение направлений работы по совершенствованию организации борьбы с преступностью. Недостатком его является то, что автор не проводит четкой грани между политикой и средствами ее реализации. Одной из сторон политики он называет конкретную деятельность государства, его органов и их представителей, общественных организаций и отдельных лиц, состоящую в проведении в жизнь выработанной линии.

Конечно, политика без практической деятельности по ее реализации ничто. Однако политика и ее практическая реализация не одно и то же. Верная политическая линия, не подкрепленная организаторской работой по ее практическому осуществлению, может остаться нереализованной или даже искаженной.

М. И. Ковалев следующим образом представляет себе содержание советской уголовной политики: «Главная задача... состоит в том, чтобы а) определить, что должно считаться преступлением; б) сформулировать основные принципы уголовного права и уголовного правосудия, а также генеральную линию борьбы с преступностью; в) установить решающие признаки, по которым можно было бы судить о степени общественной опасности, а следовательно, и наказуемости тех или иных деяний; г) в соответствии с основными положениями Конституции СССР и признаками социалистического права очертить пределы и возможности уголовно-правового регулирования в некоторых сферах деятельности общественных учреждений, а также пределы вмешательства в жизнь частных лиц; д) определить принципы построения уголовно-правовых норм, законодательной техники, чтобы понятия и институты, составы преступления соответствовали политической сущности того или иного преступления; е) в процессе правосудия и применения норм уголовного права направлять деятельность органов правосудия в рамках изменяющихся условий социальной жизни людей; ж) в соответствии с этими условиями вносить коррективы в уголовное законодательство».³¹

С отнесением этого круга вопросов к содержанию уголовно-правовой политики можно согласиться. Вместе с тем следует отметить, что некоторые вопросы, сформулированные М. И. Ковалевым, перекрывают друг друга и поэтому лишены самостоятельности. Более кратко содержание уголовно-правовой политики можно сформулировать следующим образом: 1) определение принципов и общих положений, лежащих в основе борьбы с преступно-

³⁰ Загородников Н. И. Советская уголовная политика. С. 19.

³¹ Ковалев М. И. Соотношение уголовной политики и уголовного права // Советское государство и право. 1979. № 12. С. 67.

стью, путем применения наказания; 2) выработка основных направлений борьбы с преступностью и постановка задач в этой области в различные периоды развития нашего общества; 3) выработка критериев отнесения деяний к кругу преступлений (критерии криминализации и декриминализации деяний); 4) определение направления деятельности законодательных органов по созданию уголовного законодательства и практических органов по его применению (создание Общей части советского уголовного права, создание Особенной части советского уголовного права, деятельность правоприменяющих органов, правовое воспитание граждан).

§ 3. Принципы советской уголовно-правовой политики

Основу уголовно-правовой политики составляют принципы, на которых строится борьба с преступностью. К. Маркс, отмечая значение принципов в жизни общества, писал, что стоит только взять «в качестве исходного пункта дурные принципы, – и вы получите надежное правовое основание для дурных выводов».³²

Принципы – это объективно-субъективная категория. Объективность их заключается в том, что в них отражаются объективно действующие закономерности развития природы и общества, реально существующие общественные отношения, определяемые уровнем развития производительных сил. «Принципы, – писал Ф. Энгельс в “Анти-Дюринге”, – не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человечество соотносятся с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории».³³

Вместе с тем принципы – категория субъективная, поскольку они представляют собой продукт сознательной деятельности людей, они формулируются, проходя через сознание людей. Принципы – это часть надстройки, представляющая собой совокупность идей, которые призваны направлять развитие того или иного общественного явления. В общей форме принципы можно определить как основополагающие идеи, отражающие объективную реальность и определяющие содержание процессов, происходящих в жизни, закрепленных в различных идеологических формах (правовые нормы, партийные решения, научные работы, человеческая память и др.). Политика Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства базируется на присущих ей принципах. «Политическое руководство партии развитием социальных процессов и отношений осуществляется на базе научных марксистско-ленинских принципов, проверенных практикой социалистического и коммунистического строительства. Такими принципами являются: соответствие политического курса объективным закономерностям и потребностям развития социалистического общества, учет всей совокупности конкретных исторических условий, использование данных науки, поддержка всего нового, прогрессивного, что рождается общественной практикой, социалистический интернационализм, учет интересов всего социалистического сотрудничества, демократический централизм в выработке и реализации политических решений, опора на инициативу и поддержку масс».³⁴ Эти общеполитические принципы присущи всем частям (направлениям) политики. Естественно, что специфика области жизни общества, где осуществляется политика, отражается в общеполитических основополагающих идеях (принципах).

Кроме того, каждой области политики присущи специфические для нее основополагающие идеи (принципы). Внешняя политика, внутренняя политика, хозяйственная политика и политика в области борьбы с преступностью и т. д. базируются на общеполитических принципах и принципах, характерных только для данного (или ряда) направления политики. Таким образом, в основе уголовной политики лежат общеполитические принципы и принципы, характерные для этого направления. Эти принципы едины для всей уголовной политики, но они по особенному проявляются при направлении деятельности соответствующих органов и организаций в процессе раскрытия преступления и изобличения преступника, применения уголовно-правовых норм и исполнения наказания. Поэтому закономерно

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 151.

³³ Там же. Т. 20. С. 34.

³⁴ Волков Ю. Социальная политика КПСС // Коммунист. 1976. № 5.

и практически целесообразно говорить о принципах уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и уголовно-исправительной политики.

Принципы советской уголовно-правовой политики, будучи закрепленными в нормах права, становятся принципами уголовного права и в этом качестве направляют деятельность соответствующих органов и организаций по применению правовых норм. Никаких различий между принципами советской уголовно-правовой политики и одноименными принципами советского уголовного права не существует. Поэтому целесообразно одновременное рассмотрение вопроса об их содержании.

Выработанные Коммунистической партией Советского Союза принципы уголовно-правовой политики оказывают важное влияние на правотворческую и правоприменительную деятельность безотносительно к тому, в какой форме они выражаются и закрепляются. Однако наибольший эффект приносят они тогда, когда закрепляются нормами права. В этих случаях реализация принципов опирается не только на авторитет Коммунистической партии и других органов и организаций, проводящих в жизнь эти принципы, но и на принудительную силу государства. Закрепление той или иной руководящей идеи в праве есть обязательный признак принципа права. Поэтому нельзя признать точным утверждение Е. А. Лукашевой о том, что «правовые принципы – это объективно обусловленные начала, в соответствии с которыми строится система права, правовое регулирование в социалистическом обществе»,³⁵ поскольку в этом определении ничего не говорится о правовой форме закрепления принципов. Более правильно решает этот вопрос М. Л. Якуба, которая пишет: «Идеи, не получившие законодательного закрепления, не могут рассматриваться как принципы уголовного права, процесса. Руководящие идеи становятся принципами уголовного права или процесса лишь постольку, поскольку законодатель найдет необходимым воплотить их в законе, и лишь в тех пределах, в которых он воплотил их в правовых нормах».³⁶ Этой позиции придерживается и законодатель. Так, в ст. 2 УК РСФСР говорится, что «Уголовный кодекс РСФСР исходит из принципов и общих положений, установленных Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». Аналогичные нормы имеются и в УК других союзных республик. Это означает, что принципами права, имеющими обязательное значение для законодательства республики, признаются положения, закрепленные в законе. Совершенно очевидно, что не все идеи о праве, составляющие в своей совокупности правосознание, закрепляются в нормах права. Но от того, что та или иная идея не закреплена в праве, она не перестает быть правовой идеей. Более того, если это очень важная, руководящая идея, она не может не относиться к правовым принципам. Таким образом, правовые принципы с точки зрения формы их закрепления разграничиваются на правовые принципы, закрепленные в праве, и правовые принципы, не закрепленные в нем. И те и другие есть категории надстройки, но относятся они к разным частям ее: правовые принципы, не закрепленные в нормах права, входят в правосознание, а правовые принципы, закрепленные в нормах права, – в право. Правовые принципы, закрепленные в нормах права, становятся принципами права. Всякий принцип права есть правовой принцип, но не всякий правовой принцип есть принцип права.

Е. А. Лукашева, не проводя указанного различия, без достаточных оснований заявляет, что «правовой принцип – это категория правового сознания».³⁷ Нуждается в дополнении и следующее положение, высказанное М. Л. Якуба: «Идеи и взгляды, с одной стороны, и принципы уголовного права, процесса, как отраслей права, с другой, относятся к разным частям надстройки. Различна их юридическая природа и правовое значение. Отождествление этих

³⁵ Лукашева Е. А. Понятие принципа социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21.

³⁶ Якуба М. Л. О понятии принципа уголовного права и уголовного процесса // Правоведение. 1976. № 1. С. 56.

³⁷ Лукашева Е. А. Понятие принципа социалистического права. С. 21.

понятий противоречит интересам укрепления законности, стирает различие между значением закрепленных и незакрепленных в законе положений, умаляет роль правовой нормы, закона».³⁸ В этом в основном верном высказывании не проводится различия между правовым принципом и принципом права. Автор молчаливо исходит из того, что если та или иная идея не является принципом права, то она и не правовой принцип, а просто идея как часть общественного сознания. Вряд ли это верно. Ведь правовые идеи различны по своему значению. Есть очень важные, определяющие для права идеи, которые не закреплены в нормах права. Например, все признают, что одним из ведущих уголовно-правовых принципов является неотвратимость наказания. Но он не закреплен нормами уголовного права и, следовательно, не является принципом этой отрасли права. С позиции М. Л. Якуба неотвратимость не является и правовым принципом. С этим согласиться никак нельзя. Этот вывод опровергается и нормами уголовно-процессуального права. Там этот правовой принцип закреплен в законе («чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию») и поэтому является принципом права. Несомненно, что эта руководящая идея имеет для уголовного права не менее важное значение, чем для уголовного процесса, и поэтому нет никаких оснований не считать ее правовым принципом.

Г. А. Кригер следующим образом определяет понятие принципов права: «Принципы права, с нашей точки зрения, – это вытекающие из социально-экономической природы и закрепленные в праве идеологические и нравственные начала (руководящие идеи), направляющие регулятивную и охранительную функцию права и определяющие характер, основания и объем государственного принуждения и иных мер воздействия, необходимых для обеспечения успешного развития господствующих общественных отношений».³⁹

Таким образом, правовыми принципами можно назвать выработанные Коммунистической партией Советского Союза, определяемые закономерностями развития социалистического общества, основополагающие (руководящие) идеи относительно сущности, содержания и целей права, построения системы права и порядка его практической реализации.

Уголовно-правовые принципы – это выработанные Коммунистической партией Советского Союза, определяемые закономерностями развития социалистического общества, основополагающие (руководящие) идеи, определяющие сущность, содержание, задачи и цели уголовного законодательства и порядок его реализации в целях борьбы с преступностью путем применения уголовного наказания. Принципы уголовного права – это уголовно-правовые принципы, закрепленные уголовным законодательством.

В советской литературе имеются разные позиции по вопросу о том, какие положения можно считать закрепленными в законе. Одна позиция заключается в том, что закрепленными в законе следует считать те положения, которые «непосредственно формулируются в норме права», а также те, которые вытекают «из совокупности юридических норм... и законодательства в целом».⁴⁰

Суть второй позиции заключается в том, что «нельзя считать закрепленными в законе положения, как таковые, в нем не сформулированные, а вытекающие из ряда норм. Нормативными требованиями являются лишь те правила, из которых они вытекают, но не эти положения сами по себе».⁴¹ Вторая позиция представляется более обоснованной. Понятие «закрепление в законе» совершенно конкретно. Оно означает, что то или иное положение прямо и четко сформулировано в законе. Техника закрепления может быть различной: один

³⁸ Якуба М. Л. О понятии принципа уголовного права и уголовного процесса. С. 59.

³⁹ Кригер Г. А. Место принципов советского уголовного права в системе принципов права // Советское государство и право. 1981. № 2. С. 102.

⁴⁰ Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С. 16 и сл.

⁴¹ Якуба М. Л. О понятии принципа уголовного права и уголовного процесса. С. 61.

принцип может быть сформулирован в одной норме (что наиболее предпочтительно), в одной норме может быть закреплено несколько руководящих идей, одна руководящая идея может быть закреплена в нескольких нормах. Важно то, что принцип права сформулирован в законе, а не просто логично вытекает из анализа нормы, группы норм или всего законодательства. На основе логического анализа норм права (одной, нескольких или всех) следует лишь вывод, что законодатель сформулировал их, руководствуясь определенным правовым принципом. Но от этого правовой принцип не становится принципом права. Практическое значение рассматриваемого различия заключается в том, что нарушение самого принципа, закрепленного в законе (принципа права), есть нарушение закона, которое обязательно должно вызвать соответствующую реакцию правоприменительных органов. Например, в уголовном законе закреплён принцип ответственности только за совершение общественно опасного преступного деяния (ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик). Это означает, что любое нарушение этого принципа есть нарушение закона, которое влечет отмену всех актов правоприменительных органов по привлечению к уголовной ответственности лица, не совершившего преступления, а иногда и привлечение к уголовной ответственности лиц, принявших противоречащее закону решение (за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или за вынесение заведомо неправосудного приговора, решения, определения или постановления, или заведомо незаконный арест или задержание). Это имеет значение и для нормотворческой деятельности. От воли законодателя зависит, закрепить или не закрепить тот или иной правовой принцип в законе. Но уж когда он закреплён – законодатель связан им. Он не может принять норму права, противоречащую этому принципу. Например, закрепив принципиальное положение об ответственности только за виновное совершенное деяние, законодатель не может, предварительно не отменив его, принять норму, предусматривающую ответственность за невиновное совершенное деяние.

Нарушение же правового принципа, не закреплённого в законе, само по себе не есть нарушение закона. Оно является таковым только тогда, когда нарушаются требования, вытекающие из этого принципа и закреплённые в законе. Например, принцип интернационализма сам по себе не закреплён в законе, но в уголовном законодательстве есть нормы, закрепляющие положения, вытекающие из этого принципа: ответственность за особо опасные государственные преступления, совершенные против другого государства трудящихся (ст. 73 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), ответственность за преступления против государственной или общественной собственности других социалистических государств (ст. 101 УК РСФСР и УК других союзных республик). Это означает, что нарушение принципа интернационализма рассматривается как запрещённое законом только в случаях совершения указанных выше преступлений. Нарушение же этого принципа в других формах, т. е. самого по себе, не является правонарушением. Оно становится таковым только в случаях, когда совершенное деяние подпадает под признаки какого-либо состава преступления (убийство гражданина другого социалистического государства есть просто убийство, кража личного имущества у этих граждан есть просто кража). Различие между правовыми принципами, не закреплёнными в законе, и принципами права, равно как и практические выводы из него, ни в коей мере не снижают значения первой группы правовых принципов. Они, как и принципы права, играют роль определяющих начал в уголовной политике и в уголовном праве, определяют дух и смысл политики и права, оказывают решающее влияние на законодательную и правоприменительную деятельность соответствующих органов и организаций и на поведение советских граждан. Поэтому представляется вполне возможным анализировать правовые принципы, не подразделяя их на принципы права и правовые принципы, не закреплённые в законе, поскольку различия между ними сводятся только к изложенным выше моментам.

Правовые принципы имеют очень важное практическое значение. Прежде всего они оказывают регулирующее воздействие на поведение граждан, хотя и не предписывают каких-то конкретных действий или воздержание от действий. Действительная жизнь показывает, что советские граждане чаще соизмеряют свое поведение не с требованиями конкретных норм права вообще и уголовного права в частности, а с принципиальными установками, содержащимися в правовых принципах. «Правовая информированность свидетельствует об относительно слабом знании правовых норм и довольно прочном знании общих принципов права. Граждане обычно знакомы и хорошо усваивают общие требования права, вошедшие в правовое сознание как социальные ценности, как социальные требования, как генеральная идея, и вместе с тем частные его предписания далеко не всегда известны».⁴² Во-вторых, правовые принципы оказывают определяющее влияние на законодательную деятельность, на создание и совершенствование права. Это влияние сказывается в трех направлениях. Во-первых, правовые принципы появляются до права, выражая основополагающие взгляды Коммунистической партии Советского Союза на право. Эти взгляды усваиваются законодательными органами, и последние в соответствии с ними закрепляют в законе принципы права и строят законодательство; во-вторых, будучи закрепленными в нормах права, они определяют всю последующую деятельность законодателя по совершенствованию права, поскольку при издании всех новых норм законодатель не может выйти за пределы принципов права; в-третьих, принципы права существенно сказываются на формировании общественного мнения, которое учитывается законодателем при разработке и принятии нормативных актов; правовые принципы сказываются и в правоприменительной деятельности. Правильно писал А. М. Васильев: «Следует подчеркнуть значение правовых принципов и как направляющих общих установок и правоприменительной деятельности органов социалистического государства. Правоприменительная деятельность как часть общественной практики имеет решающее значение для реализации правовых идей-принципов и конкретизирующих их юридических норм, т. е. для формирования устойчивого и твердого правопорядка. Необходимым условием нормального процесса правового регулирования является единство идейно-теоретических установок (правовых принципов), которые развиваются в нормах социалистического права и одновременно определяют направление правоприменительной деятельности».⁴³

Наконец, правовые принципы имеют значение для правового воспитания граждан и формирования их правосознания. В этом плане они выполняют двоякую роль: общую, «когда на основе правовых идей-принципов формируется уважение к закону и его требованиям, раскрываются цели и условия установленного правопорядка», и специальную, «когда они составляют профессионально-мировоззренческую базу при законодательствовании, применении права».⁴⁴

В соответствии с принципами уголовно-правовой политики уголовное право основывается на общих и специальных правовых принципах (часть из которых закреплена в нормах права, а часть нет).

«Общеполитические принципы определяют основополагающие начала организации общественного и государственного строя, собственности, взаимоотношений различных классов, личности, общества, государства. Правовые принципы преломляют политические принципы применительно к тому кругу интересов класса (общества), которые должны быть осуществлены «в общей форме, то есть в форме, имеющей принудительную силу для всего

⁴² Социология и право / Под ред. Ю. А. Тихомирова и В. П. Казимирчука. М., 1973. С. 72–73.

⁴³ Васильев А. М. О правовых идеях-принципах // Советское государство и право. 1975. № 3. С. 18.

⁴⁴ Там же.

общества».⁴⁵ Такой формой в классовом обществе и является право, правовое регулирование с его всеобщностью и общеобязательностью.⁴⁶ Общеполитические принципы, будучи примененными в правовой сфере, становятся общеправовыми принципами. Общеправовые принципы, будучи примененными в сфере действия советского уголовного права и учитывающие специфику этой отрасли, становятся общими уголовно-правовыми принципами. Кроме общих уголовно-правовых принципов уголовное право основывается и на специальных уголовно-правовых принципах, в которых отражаются специальные (специфические) принципы уголовно-правовой политики. В советской юридической литературе имеются утверждения о том, что общеполитические принципы не следует считать принципами уголовного права. Так, М. Л. Якуба пишет: «Социалистический демократизм и другие названные начала (гуманизм, пролетарский интернационализм, патриотизм, законность. – Н. Б.) не следует рассматривать как принципы уголовного права. Они в равной мере характеризуют все отрасли советского права и, более того, все сферы социалистических общественных отношений и методы их регулирования, но не выражают специфики уголовного права и процесса... Социалистическим демократизмом, пролетарским интернационализмом, патриотизмом, интересами партийности проникнуты все принципы уголовного права и процесса».⁴⁷

С этим доводом согласиться нельзя. Действительно, общеполитические принципы пронизывают все области жизни нашего общества, в том числе и область, регулируемую нормами права вообще, – нормами уголовного права в частности. И в этом плане эти принципы предстают общими для всех областей жизни, для всех отраслей права. Однако специфика отношений, которые основываются на общеполитических принципах, не может не породить специфики в проявлении этих принципов. Совершенно очевидно, что принцип социалистического демократизма по-разному проявляется при регулировании взаимоотношений между выборными государственными органами и гражданами-избирателями (государственное право) и между соответствующими органами государства и преступниками (уголовное право, уголовный процесс, уголовно-исправительное право). То же самое можно сказать и о других общеполитических принципах. Таким образом, общеполитические принципы, сохраняя свое наименование и наиболее общие положения, получают специфичное содержание, будучи примененными к общественным отношениям, которые регулируются различными отраслями права. Эта специфика и позволяет назвать общеполитические принципы общими уголовно-правовыми принципами тогда, когда содержание их составляет основополагающие идеи общеполитического плана применительно к области борьбы с преступностью путем применения уголовного наказания. Конечно, для точности можно было бы назвать этот принцип не просто «социалистический демократизм», а «принцип социалистического демократизма в уголовном праве», «принцип социалистического демократизма в государственном управлении» и т. д. Но вряд ли в этом есть какая-то теоретическая и практическая необходимость. Значительно проще говорить об общих уголовно-правовых принципах, общих гражданско-правовых принципах, общеполитических принципах организации торговли и т. д. Тем более, что эти термины достаточно полно отражают содержание определяемых ими явлений.

По-разному в науке советского уголовного права решается вопрос о перечне уголовно-правовых принципов. Так, например, П. С. Дагель в качестве принципов советской уголовной политики и советского уголовного права называет: 1) охрану советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 283.

⁴⁶ Лукашева Е. А. Понятие принципа социалистического права // Советское государство и право. С. 23.

⁴⁷ Якуба М. Л. О понятии принципа уголовного права и уголовного процесса. С. 64.

граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств; 2) социалистическую законность; 3) социалистический гуманизм; 4) предупреждение преступлений; 5) сочетание мер уголовного наказания и мер общественного воздействия в борьбе с преступностью; 6) наказуемость общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом; 7) личную ответственность только виновного, т. е. лица, умышленно или по неосторожности совершившего преступление; 8) целесообразность наказания, 9) социалистическое правосознание; 10) индивидуализацию наказания; 11) неотвратимость наказания.⁴⁸

Г. В. Виттенберг полагает, что имеются две группы основных принципов советского уголовного права, на которых базируются нормы нового Уголовного кодекса РСФСР. К первой группе следует отнести общеправовые принципы советского уголовного права, т. е. те принципы, которые являются общими для всех отраслей советского права и которые вместе с тем получают свое развитие в нормах советского уголовного права. Ими являются: общественная опасность наказуемого деяния, законность, пролетарский интернационализм, социалистический демократизм, социалистический гуманизм. Вторую группу образуют те основные принципы, которые присущи только или главным образом советскому уголовному праву как особой отрасли советского права. В эту группу входят принципы: предупреждения преступлений, личной ответственности только виновного, всесторонней охраны личности, индивидуализации ответственности и наказания, участия общественности в борьбе с преступностью.⁴⁹

Другие авторы дают несколько иные перечни принципов. Такое положение не случайно. Ни в одном нормативном акте нет перечня основополагающих идей, которые были бы названы законодателем принципами. Более того, законодатель, как это явствует из формулировки ст. 2 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, различает «принципы» и «общие положения», ничего не говоря о различиях между ними. Поэтому в условиях, когда 1) принципами считаются основополагающие идеи; 2) многие не проводят различия между принципами, закрепленными в законе и не закрепленными в законе; 3) нет единства в понимании термина «закрепленные в законе», определение перечня принципов уголовного права в значительной мере зависит от усмотрения занимающегося этой проблемой лица.

Г. А. Кригер попытался сформулировать критерии выделения определенных идей в качестве принципов права. Он пишет: «Критериями для отбора идей, вытекающих из социально-экономической сущности социализма и определяющих организацию правового регулирования в соответствии с сформулированным выше определением понятия принципа права, являются направленность, характер, основания и объем применения государственного принуждения и иных мер воздействия, необходимых и достаточных для реализации функций права и выполнения задач правового регулирования. Именно от того, насколько удачно сочетаются различные меры воздействия на поведение людей в процессе правового регулирования тех или иных социалистических общественных отношений, в значительной мере зависят авторитет права, а также всех его институтов и установлений».⁵⁰

При определении принципов советского права следует исходить из указания В. И. Ленина, что «принципы – это не цель, не программа, не тактика и не теория».⁵¹ Не являются принципами и задачи.

⁴⁸ Дагель П. С. Роль уголовной репрессии в борьбе с преступностью в период развернутого строительства коммунизма. Л., 1961. С. 11.

⁴⁹ Виттенберг Г. В. Развитие основных принципов советского уголовного права в новом Уголовном кодексе РСФСР // Правоведение, 1962. № 4. С. 90.

⁵⁰ Кригер Г. А. Место принципов советского уголовного права в системе принципов права. С. 104.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 24.

Исходя из изложенного выше представляется, что общими уголовно-правовыми принципами являются: классовость, советский патриотизм, пролетарский интернационализм, социалистический демократизм, социалистический гуманизм, социалистическая законность, неотвратимость наказания, экономия мер уголовной репрессии. Специальными (специфическими) уголовно-правовыми принципами являются: ответственность только за совершение преступного деяния, ответственность только при наличии вины, личный характер ответственности, соответствие наказания тяжести и характеру преступления (справедливость), индивидуализация применения наказания.

Уголовно-правовые принципы, в основе которых лежат реально существующие общественные отношения, представляют собой явления с достаточно устойчивым содержанием в виде основополагающих идей по вопросам борьбы с преступностью. Однако общественные отношения – это не застывшее явление, они развиваются, совершенствуются. В частности, сейчас идет процесс перерастания социалистических отношений в коммунистические. В соответствии с ними развиваются, изменяют свое содержание и принципы. Это может выражаться в изменении содержания принципов, в отмирании одних принципов (в связи с появлением новых потребностей общества). Например, содержание принципа классовости не могло не измениться в условиях построения социализма, когда общество состоит из дружественных трудящихся классов, по сравнению с содержанием этого принципа в условиях, когда в нашем обществе еще оставались эксплуататорские классы. Еще более изменится проявление этого принципа на этапе совершенствования развитого социализма, когда будет углубляться процесс стирания граней между классами вплоть до полной ликвидации классовых различий. Постоянное развитие демократии – характерная черта развития нашего общества. Это, естественно, не может не отразиться на содержании такого уголовно-правового принципа, как социалистический демократизм и т. д. Следует согласиться с утверждением Ю. А. Демидова о том, что «закономерность находит свое проявление на каждом этапе общественного развития как состояние, устойчивость определенной законом связи уголовной ответственности и преступления, т. е. в принципах уголовного права, и в этом качестве нормативно закрепляется. Но так как развитие общественных отношений непрерывно, то противоречие между ними и содержанием принципов, закрепленных в законе, возникает и углубляется, пока не происходит закрепление в законе новых связей преступления и уголовной ответственности, т. е. разрешение противоречия. Законодательная деятельность, не являясь абсолютно свободной, определяется той же объективной необходимостью, которая выражается в принципах права. Следовательно, нормы права в тенденции должны соответствовать принципам. Если взять советское уголовное право в общем, то такое соответствие есть. В этом смысле и говорится о принципах как характеристике связи, установленной уголовным законом. Но это вовсе не означает, что каждая норма уголовного права всегда точно и безусловно отражает его принципы. Могут быть и отклонения».⁵² Принцип классовости проявляет себя в уголовном праве значительно ярче, чем в любой другой отрасли права, поскольку уголовное право используется как средство борьбы с наиболее опасными для общества деяниями. В период строительства социализма этот принцип выражался в открытой борьбе с эксплуататорскими классами с целью их ликвидации. Характерной особенностью советского социалистического уголовного права является открытое провозглашение и закрепление в законе этого принципа. Уже в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. (ст. 12) говорилось: «При определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различаться, совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, свя-

⁵² Демидов Ю. А. О закономерностях развития и принципах советского уголовного права // Правоведение. 1968. № 2. С. 84.

занной с правом собственности, или неимушим в состоянии голода или нужды; б) совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса или в интересах личных совершающего лица». Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 гг. исходили из деления всех преступлений на: а) направленные против основ советского строя, установленного в Союзе ССР властью рабочих и крестьян, и признаваемые в силу этого наиболее опасными; б) все остальные преступления. За все преступления первой категории кодексом определен предел, ниже которого суд не вправе назначить лицу меру социальной защиты судебно-исправительного характера. При этом совершение преступления в целях восстановления власти буржуазии или лицом, принадлежащим к классу, эксплуатирующему чужой труд, по закону (ст. 47 УК РСФСР 1926 г.) рассматривалось как отягчающее обстоятельство.

В уголовных кодексах был целый ряд составов преступлений, в которых в качестве субъекта предусматривался представитель эксплуататорских классов.

На необходимость четкого проведения классовой линии указывалось в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест лишения свободы». ⁵³ В частности, там отмечалось «отсутствие планомерной и достаточно выдержанной с классовой точки зрения политики в регулировании пребывания осужденных в местах заключения» и предлагалось «признать необходимость применять суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников, профессионалов и рецидивистов».

В современных условиях принцип классовости выражается в том, что советское уголовное законодательство стоит на защите интересов трудящихся масс нашей страны и всех достижений в развитии социалистического общества. «Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик, – говорится в ст. 1 Основ уголовного законодательства, – имеет задачей охрану общественного строя Союза ССР, его политической и экономической системы, социалистической собственности, личности, прав и свобод граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств».

Принцип советского патриотизма не закреплен какими-то определенными нормами уголовного права. Он проявляется в том, что ряд норм этой отрасли права направлен на защиту Советской Родины, на воспитание советских граждан в духе любви к ней. Действующее уголовное законодательство предусматривает ответственность за ряд деяний, которые непосредственно угрожают независимости нашей Родины (измена Родине, шпионаж, террористический акт). Уголовной ответственности подлежат лица, уклоняющиеся от защиты целостности и независимости Родины. Преступлениями являются уклонение от призыва на действительную военную службу (ст. 80 УК РСФСР), уклонение от призыва по мобилизации (ст. 82 УК РСФСР), дезертирство (ст. 247 УК РСФСР), самовольное оставление поля сражения или отказ действовать оружием (ст. 263 УК РСФСР), добровольная сдача в плен (ст. 264 УК РСФСР) и другие. К уголовной ответственности привлекаются лица, которые порочат наш государственный и общественный строй, унижают достоинство нашей Родины (антисоветская агитация и пропаганда – ст. 70 УК РСФСР, распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, – ст. 190 УК РСФСР, надругательство над государственным гербом или флагом – ст. 190 УК РСФСР).

Требование правового принципа социалистического демократизма выражено прежде всего в том, что в нормах уголовного права закреплена воля всех трудящихся нашей страны, что все нормы в конечном счете направлены на охрану прав и интересов советских граждан. Этот принцип проявляет себя и в том, что при практическом применении норм советского уголовного права в процессе предупреждения преступлений, расследования их, судебного разбирательства и исполнения судебных приговоров широкое участие принимает обще-

⁵³ Еженедельник советской юстиции. 1928. № 14. С. 12.

ственность (народные дружины, общественные обвинители и защитники, товарищеские суды, коллективы трудящихся, наблюдательные комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних, общественные воспитатели и др.). Мнение советской общественности учитывается при решении ряда уголовно-правовых вопросов: по ходатайству общественной организации или коллектива трудящихся преступник может быть освобожден от уголовной ответственности и передан на поруки (ст. 52 УК РСФСР), наблюдательные комиссии и комиссии по делам несовершеннолетних активно участвуют в решении вопросов условно-досрочного освобождения (ст. 53 УК РСФСР и ст. 55 УК РСФСР), по ходатайству общественных организаций суд может досрочно снять судимость (ст. 57 УК РСФСР), по ходатайству общественных организаций или коллективов рабочих, колхозников, служащих лицо может быть условно осуждено и передано общественности для перевоспитания и исправления (ст. 44 УК РСФСР), при условии добросовестной работы и примерного поведения суд после отбытия осужденным исправительных работ по ходатайству общественной организации или коллектива трудящихся может включить время отбывания исправительных работ в общий трудовой стаж (ст. 27 УК РСФСР) и др.

Его выражением является равенство всех перед уголовным законом независимо от пола, нации, расы, должностного положения. Как принцип, общий для всей уголовной политики, он нашел отражение в ст. 14 УПК РСФСР, которая гласит: «Правосудие по уголовным делам осуществляется на началах равенства перед законом и судом всех граждан, независимо от их социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности, вероисповедания».

Принцип пролетарского интернационализма не закреплен как таковой в специальных нормах уголовного права. Его требования выражаются в том, что советское уголовное право защищает не только интересы Советского Союза и советских граждан, но и интересы всех других социалистических государств. Статья 73 УК РСФСР указывает, что «в силу международной солидарности трудящихся особо опасные государственные преступления, совершенные против другого государства трудящихся», наказываются так же, как и соответствующие преступления, совершенные против СССР. Статья 101 УК РСФСР устанавливает уголовную ответственность за преступления против государственной или общественной собственности других социалистических государств. Принципом пролетарского интернационализма продиктовано также заключение договоров об оказании правовой помощи (в том числе и в области борьбы с преступностью) между СССР и другими социалистическими странами.

Принцип социалистического гуманизма, выражающийся в заботе о благе людей, человечности, уважении человеческого достоинства, находит свое выражение прежде всего в том, что советское уголовное право имеет своей целью охрану интересов советских людей, всего советского общества, что наказание применяется к отдельным преступникам во имя интересов подавляющего большинства нашего общества. Это положение закреплено в ст. 1 и 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Действие принципа гуманизма распространяется и на самого преступника. Это проявляется прежде всего в том, что преступник, какое бы тяжкое преступление он ни совершил, продолжает оставаться членом нашего общества, гражданином Советского государства. В ст. 8 Исправительно-трудового кодекса РСФСР устанавливается, что «лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, ссылки, высылки и исправительных работ без лишения свободы, несут обязанности и пользуются правами, установленными законодательством для граждан СССР, с ограничениями, предусмотренными законодательством для осужденных, а также вытекающие из приговора суда и режима...»

Принцип гуманизма закреплен также в нормах, устанавливающих, что наказание у нас не преследует цели причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства, что задачей наказания является исправление и перевоспитание преступника, возвра-

щение его в общество на путь честной трудовой жизни (ст. 20 Основ, ст. 20 УК РСФСР). Принципом гуманизма продиктовано включение в законодательство положений о том, что в ряде случаев лица, совершившие преступления, могут быть освобождены от уголовной ответственности и наказания (передача несовершеннолетних в комиссию по делам несовершеннолетних – ст. 10 УК РСФСР, передача виновного на поруки – ст. 52 УК РСФСР, передача дела в товарищеский суд – ст. 51 УК РСФСР и некоторые другие), что ограничивает применение некоторых видов наказания к несовершеннолетним, беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ст. 23, 24, 25, 26 УК РСФСР).

Этот принцип лежит в основе таких институтов советского уголовного права, как условное осуждение (ст. 44 УК РСФСР), условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду (ст. 24² УК РСФСР), условно-досрочное освобождение (ст. 53 и 55 УК РСФСР), отсрочка исполнения приговора (ст. 46 УК РСФСР) и некоторых других. Идея гуманного отношения к преступнику, постоянно присущая советскому законодательству, воплощалась во все новые и новые формы по мере развития уголовного законодательства. Так, например, если старое законодательство ставило перед наказанием задачу обезопасить общественный порядок путем приспособления преступника к данному общественному порядку (ст. 9 Руководящих начал), приспособить нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия (ст. 8 УК РСФСР 1922 г.), приспособить совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся (ст. 9 УК РСФСР 1926 г.), то ныне действующее законодательство впервые поставило перед наказанием цель исправления и перевоспитания в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития.

Принцип социалистической законности в советском уголовном праве проявляется в том, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом (ст. 3 Основ, ст. 3 УК РСФСР).

История развития советского уголовного законодательства показывает, что принцип социалистической законности все последовательнее и последовательнее проводится в жизнь в области борьбы с преступностью. В годы становления уголовного права, когда законодатель не имел возможности предусмотреть более или менее полно в законодательстве деяния, опасные для общества и требующие за их совершение применения наказания, он был вынужден дать разрешение правоприменяющим органам привлекать к уголовной ответственности лиц за совершение общественно опасных действий безотносительно к тому, было запрещено уголовным законом совершенное деяние или нет. Для этого в УК РСФСР 1922 г., в Основные начала уголовного законодательства 1924 г., в УК РСФСР 1926 г. и УК других союзных республик было включено положение о применении уголовного закона по аналогии. Например, ст. 16 УК РСФСР 1926 г. предусматривала, что «если то или иное общественно опасное действие прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления». При разработке и принятии нового уголовного законодательства в 1958 г. законодатель посчитал, что в целях дальнейшего укрепления принципа социалистической законности назрела необходимость и появилась возможность отказаться от положения об аналогии. Оно было исключено и заменено положением, что преступлением признается только деяние, прямо запрещенное законом в момент его совершения. При этом закон содержит исчерпывающий перечень таких деяний.

Принцип социалистической законности проявляется и в том, что наказание виновному может быть назначено строго в пределах санкции статьи УК, по которой осужден виновный, с соблюдением всех норм Общей и Особенной частей УК РСФСР (ст. 37 УК РСФСР). Н. А. Стручков выступает против признания социалистической законности принципом совет-

ского, следовательно, и уголовного права. Он пишет: «Вряд ли верна точка зрения представителей общей теории государства и права, которые рассматривают социалистическую законность в качестве принципа советского права. Социалистическая законность – это не принцип, а дух права, его идея».⁵⁴

При всем разнообразии в определениях принципа все сходятся на том, что это основополагающие, регулирующие идеи. Как видно из приведенного высказывания, это признает и Н. А. Стручков. Он признает и их важное практическое значение, отмечая, что «правовые идеи охватывают чисто юридическое явление – законность. С идеей законности обязаны считаться политические учреждения. С ней должны согласовываться политические идеи».⁵⁵ Не ясно поэтому, почему он не считает социалистическую законность правовым принципом. Утверждение, что это не принцип права, а дух его, не проясняет позиции Н. А. Стручкова. К тому же в другом месте работы (с. 38) он называет законность принципом.

Принцип неотвратимости ответственности за правонарушение проявляется в уголовном праве в том, что каждый совершивший преступление должен быть подвергнут наказанию. Неотвратимость наказания в советском уголовном праве – это принцип, заключающийся в неуклонном осуществлении требования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в своевременном и полном раскрытии каждого преступления с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому и целесообразному наказанию.

Это принцип не закреплен в нормах уголовного права. Это сделано в уголовно-процессуальном праве. В ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 2 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик) записано: «Задачами советского судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности». В советском уголовном праве требования принципа неотвратимости наказания отражены во всех нормах, где решаются вопросы применения наказания (ст. 1 и 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и соответствующие статьи УК союзных республик). Исходя из принципа неотвратимости наказания, законодатель установил законом твердо определенные случаи, при которых лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от наказания (ст. 10, 16, 48, 50, 50, 51, ч. 2 ст. 64, примечание к ст. 174, примечание к ч. 1 ст. 218 УК РСФСР).

В. И. Ленин писал: «Давно уже сказано, что предупредительное значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы *ни один* случай преступления не проходил нераскрытым».⁵⁶

В советской юридической литературе по поводу этого принципа высказаны три точки зрения: одна, признающая неотвратимость наказания уголовно-правовым принципом, вторая, не считающая это положение самостоятельным принципом, и третья, утверждающая, что после принятия действующего законодательства неотвратимость наказания перестала быть уголовно-правовым принципом.

Некоторые ученые не согласны с тем, что в нашем уголовном законодательстве наряду с принципом законности существует и принцип неотвратимости наказания. Совершенно очевидно, что оставление преступника безнаказанным само по себе есть грубейшее наруше-

⁵⁴ Стручков Н. А. Советская исправительно-трудоустройство и ее роль в борьбе с преступностью. С. 31.

⁵⁵ Там же. С. 21.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 412.

ние социалистической законности. Следовательно, неотвратимость наказания – одно из обязательных требований социалистической законности. Вряд ли это положение верно. Если исходить из его истинности, то следует признать, что никаких принципов права, кроме социалистической законности, вообще не существует, так как нарушение любого принципа, закрепленного в законе, есть грубейшее нарушение социалистической законности. Все основные принципы советского уголовного права находятся между собой в тесной органической связи, взаимно обуславливают и дополняют друг друга. Но это не противоречит тому, что можно и важно исследовать специфические особенности каждого из принципов в отдельности, их воплощение в нормах действующего права. Действительно, принцип социалистической законности находится в органической связи со всеми другими принципами права, но это совсем не отрицает их самостоятельности.

Сторонники третьей позиции считают, что с принятием нового уголовного законодательства, которое предоставляет довольно широкие возможности освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших преступления, неотвратимость наказания перестала быть принципом уголовного права.

Новеллы уголовного законодательства не колеблют неотвратимость наказания как принцип советского уголовного права. Совершение всякого преступления влечет определенную реакцию со стороны государства. То, что при некоторых ситуациях государство не считает целесообразным применять наказание и освобождает от него виновного или заменяет наказание другими мерами воздействия, не означает, что наказание перестало быть неотвратимым. Закон предусматривает возможность назначения реального наказания за совершение любого преступления. Принцип экономии мер уголовной репрессии проявляется в двух моментах: 1) если при привлечении виновного к ответственности и осуждении его выясняется, что в данном случае можно обойтись без применения уголовного наказания и закон позволяет это сделать, – наказание не должно применяться; 2) при назначении наказания суд должен исходить из того, что в качестве наказания должна быть избрана предусмотренная для данного случая законом мера, обладающая наименьшей репрессивностью. Единственное требование, которому всегда должна удовлетворять эта мера, заключается в том, что она должна обеспечивать в конкретном случае достижение всех целей наказания. О необходимости экономии принуждения неоднократно говорил В. И. Ленин. Ему принадлежит мысль о необходимости ограничиваться при применении принуждения «минимальнейшим минимумом».⁵⁷ Он писал, что в классовой борьбе необходимо способствовать сознательному выбору средств, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты. Принцип экономии уголовной репрессии, прямо не сформулированный в законе, находит свое выражение в ряде норм уголовного законодательства. К ним относятся нормы, позволяющие освобождать в необходимых случаях преступников от уголовной ответственности и наказания (ст. 10, 50, 50¹, 51, 52 УК РСФСР и некоторые другие), устанавливающие возможность досрочно освободить от дальнейшего отбывания наказания (ст. 53, 53², 55 УК РСФСР), дающие право судам назначать меру наказания условно (ст. 44 УК РСФСР, ст. 24² УК РСФСР) или установить отсрочку исполнения приговора (ст. 46¹ УК РСФСР). Этот общий уголовно-правовой принцип находит выражение в таких специальных уголовно-правовых принципах, как соответствие наказания тяжести и характеру преступления (справедливость) и индивидуализация наказания.

Принцип ответственности за совершение общественно опасного деяния означает, что к уголовной ответственности может быть привлечено лишь лицо, совершившее деяние, опасное для социалистического общества. Это принцип закреплен в ст. 3 Основ (ст. 3 УК

⁵⁷ Там же. Т. 39. С. 355.

РСФСР), где в качестве основания ответственности названо преступление, и в ст. 7 Основ (ст. 7 УК РСФСР), в которой преступлением признается общественно опасное деяние. При отсутствии деяния нет ни преступления, ни ответственности. Поэтому по советскому уголовному праву нет ответственности за образ мыслей, за содержание идей, за дурные склонности человека, пока эти мысли, идеи, склонности не воплотились в конкретное общественно опасное деяние.

Из этого принципа вытекает также то обстоятельство, что деяние, не обладающее признаком общественной опасности, – не преступление. В ч. 2 ст. 7 Основ (ч. 2 ст. 7 УК РСФСР) говорится, что не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Уголовному законодательству известны и иные обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, при наличии которых деяние, подпадающее под признаки преступления, не признается таковым в силу отсутствия общественной опасности: действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости и другие. Этот принцип совершенствовался по мере развития советского уголовного законодательства. Первые уголовные кодексы, в частности УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г., не предусматривали достаточно последовательного осуществления этого принципа. В этих кодексах, как и в первых кодексах других союзных республик, предусматривалась возможность применения мер социальной защиты судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера не только к лицам, совершившим общественно опасные действия, но и в отношении лиц, «представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности» (ст. 7 УК РСФСР 1926 г.). Такое решение вопроса было обусловлено влиянием буржуазной социологической школы права, которая считала основанием применения репрессии не совершение преступления, а общественную опасность личности, а видом репрессии не наказание, а меры социальной защиты. Отступление от этого принципа дало в руки врагов народа законодательное обоснование применения репрессии к лицам, не виновным в совершении общественно опасных деяний. Положение об Особом совещании при НКВД содержало правило, аналогичное правилу ст. 7 УК РСФСР 1926 г. Действие ст. 7 УК РСФСР 1926 г. в этой части было прекращено с принятием Закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г., который предусмотрел возможность применения наказания только к лицам, совершившим преступление.

Принцип ответственности только при наличии вины впервые был закреплен в качестве принципа уголовного права в УК РСФСР 1922 г., который установил, что наказанию подлежат лишь те лица, которые действовали виновно. В Руководящих началах 1919 г. этот принцип вообще не нашел отражения, поскольку из-за влияния социологической школы права они исходили из того, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник. Поэтому наказание не есть возмездие «за вину», не есть «искупление вины». Принцип ответственности за вину заключается в том, что лицо наказывается только тогда, когда общественно опасное деяние совершено им виновно. В ст. 3 Основ (ст. 3 УК РСФСР) говорится, что уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, т. е. совершившее его умышленно или по неосторожности.

Какие бы тяжкие последствия не были причинены действиями лица, оно не будет привлечено к ответственности, если не будет доказано, что оно виновно, т. е. действовало умышленно или неосторожно. В соответствии с этим принципом не несут ответственности лица, совершившие деяния в состоянии невменяемости (ст. 11 Основ, ст. 11 УК РСФСР) или в ином состоянии, исключающем вину (совершение деяния под влиянием физического или психического принуждения, под влиянием извинительной ошибки и некоторые другие).

Принцип личной ответственности заключается в том, что уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, совершившее преступление. Не могут привлекаться к уголовной ответственности иные лица, т. е. лица, которые не совершали конкретного деяния: не может быть наказан человек за деяние, которое совершено другим (за исключением случаев, когда лицо, фактически совершившее деяние, выступало лишь в качестве орудия в руках другого лица, например, когда взрослый уговаривает несовершеннолетнего нажать спусковой крючок ружья, нацеленного на другого человека). Этот принцип в действующем законодательстве закреплен в ст. 3 Основ уголовного законодательства, согласно которой уголовной ответственности подлежит только лицо, виновное в совершении преступления. Исходя из этого принципа субъектом ответственности по советскому уголовному праву может быть только физическое вменяемое лицо, достигшее указанного в законе возраста (ст. 10 Основ, ст. 10 УК РСФСР).

Не могут быть субъектом ответственности юридические лица, животные, неодушевленные предметы и т. д. Личный характер ответственности выражается также в том, что вид и мера ответственности лица, совершившего преступление, как и решение ряда уголовно-правовых вопросов, зависят от личности. По закону личность виновного учитывается при замене наказания мерами общественного или административного воздействия (ст. 10, 50, 51, 52 УК РСФСР), при назначении наказания (ст. 37 УК РСФСР), при решении вопросов об условном осуждении (ст. 44 УК РСФСР) и условно-досрочном освобождении (ст. 53 и 55 УК РСФСР) и других.

Принцип соответствия наказания тяжести совершенного преступления означает, что наказание, назначаемое за конкретное преступление, должно быть справедливым, чем более общественно опасное деяние совершено, тем более суровое наказание должно быть назначено. В советской литературе было высказано верное положение о том, что залогом воспитательного воздействия уголовного закона и конкретных актов его применения к лицам, совершившим преступления, является справедливость. Закон, устанавливающий суровое наказание за деяние, не причиняющее существенного вреда, или приговор, присуждающий к длительному лишению свободы человека, вина которого незначительна, могут утратить, могут даже в этом смысле и исправить виновного, но они никого не могут перевоспитать. Естественно, что это относится и к законам, устанавливающим несоразмерно мягкое наказание за опасное преступление, а также к приговорам, присуждающим к незначительным мерам наказания при наличии серьезной вины, с той разницей, что они и не устрашают, и не воспитывают.

Этот принцип был закреплен уже Руководящими началами 1919 г., где говорилось, что «при определении меры воздействия на совершившего преступление суд оценивает степень и характер (свойство) опасности для общества как самого преступника, так и совершенного им деяния... устанавливает, насколько само деяние в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности». В действующем уголовном законодательстве он закреплен в ст. 37 УК РСФСР, где сказано, что суд при назначении наказания «учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного». Значение этого принципа подчеркивается тем, что несоответствие назначенного судом наказания тяжести преступления и личности виновного признается основанием к отмене или изменению приговора.

Принцип соответствия наказания тяжести и характеру преступления отражается на решении ряда важных уголовно-правовых вопросов. Так, руководствуясь этим (естественно, наряду с другими) принципом, законодатель классифицирует преступления (преступления, не представляющие большой общественной опасности, тяжкие преступления и иные преступления), строит систему наказаний (ст. 21 УК РСФСР), устанавливает санкции в составах преступлений.

Принцип индивидуализации наказания есть определенная корректировка принципа соответствия наказания тяжести совершенного преступления. Конкретное наказание должно назначаться не только с учетом тяжести совершенного преступления, но и ряда других обстоятельств. Принцип индивидуализации наказания осуществлялся в законодательстве и практике правоприменительных органов с первых дней существования Советской власти, однако содержание его постепенно расширялось. Первоначально при определении меры наказания учитывались лишь «степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления» (ст. 24 УК РСФСР 1922 г.). В УК РСФСР 1926 г. говорилось уже не только о необходимости учета общественной опасности преступления и личности совершившего преступление, но и «обстоятельств дела». В действующем уголовном законодательстве содержание принципа индивидуализации назначения наказания еще более расширилось.

В соответствии со ст. 37 УК РСФСР суд назначает наказание с учетом характера и степени опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность.

Законодатель, руководствуясь этим принципом, установил в законе перечень обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность (ст. 38 и 39 УК РСФСР), особый порядок назначения наказания при совершении нескольких преступлений (ст. 40 УК РСФСР) и по нескольким приговорам (ст. 41 УК РСФСР), предоставил судам право назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 43 УК РСФСР), назначать наказание условно (ст. 44 УК РСФСР).

Кроме принципов уголовного права и требований других уголовно-правовых принципов в законодательстве закрепляются общие положения, относящиеся ко всем составам преступлений, составляющим Особенную часть уголовного законодательства.

В действующем уголовном законодательстве сформулированы следующие общие положения, относящиеся к преступлению: основания уголовной ответственности (ст. 3 УК РСФСР), пределы действия Уголовного кодекса (ст. 4, 5 и 6 УК РСФСР), понятие преступления (ст. 7 УК РСФСР), формы вины (ст. 8 и 9 УК РСФСР), субъект ответственности (ст. 10, 11, 12 УК РСФСР), обстоятельства, исключающие ответственность (ст. 13 и 14 УК РСФСР), ответственность за приготовительную деятельность (ст. 15 и 16 УК РСФСР), ответственность за соучастие в преступлении и прикосновенность к нему (ст. 17, 18 и 19 УК РСФСР).

Положения, в основе которых лежат уголовно-правовые принципы, не изменили сколько-нибудь существенно свое содержание. Вместе с тем содержание их уточнялось, формулировки совершенствовались в соответствии с изменениями содержания принципов. Появлялись и новые общие положения. Так, в новом уголовном законодательстве появилось новое положение об основании уголовной ответственности (ст. 3 Основ, ст. 3 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Положения о пределах действия Уголовного кодекса были дополнены нормами о действии уголовного закона во времени (ст. 6 УК РСФСР).

Уточнено понятие преступления за счет конкретизации объекта посягательства и включения в него признака противоправности (ст. 7 УК РСФСР). Более совершенным и точным стало понятие умышленной вины и неосторожной вины в виде самонадеянности. В определение умышленной вины дополнительно введен признак осознания общественно опасного характера совершенного действия или бездействия (ст. 8 УК РСФСР). Определение самонадеянности было уточнено указанием на то, что этот вид вины характеризуется предвидением возможности наступления общественно опасных последствий (ст. 9 УК РСФСР). Изменен и возраст субъекта преступления – 16 лет, а за отдельные преступления, специально указанные в законе, – с 14 до 16 лет (ст. 10 УК РСФСР). Действия, совершенные в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, в новом законодательстве (ст. 13 и 14

УК РСФСР) характеризуются как действия, не являющиеся преступлениями (т. е. действия общественно полезные или нейтральные), тогда как ранее (ст. 13 УК РСФСР) о них говорилось как о действиях общественно опасных, но не подлежащих наказанию. В ст. 15 УК РСФСР 1960 г. «Ответственность за приготовление к преступлению и за покушение на преступление» раскрыты понятия покушения и приготовления, чего не было в ст. 19 УК РСФСР 1926 г. Были уточнены положения, предусматривающие ответственность за соучастие: в ст. 17 УК РСФСР 1960 г. дано определение соучастия, чего не было в ст. 17 УК РСФСР 1926 г., наряду с исполнителем преступления, пособником и подстрекателем в качестве соучастника указан организатор.

§ 4. Основные направления и задачи борьбы с преступностью

Советская уголовно-правовая политика призвана определять конечные цели, к достижению которых стремится Коммунистическая партия Советского Союза в области борьбы с преступностью в конкретных исторических условиях, и, следовательно, основные направления, которыми следует идти к этим целям.

Программа Коммунистической партии Советского Союза, принятая на XXII съезде КПСС, закрепила положение о том, что в обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности и что уже на современном этапе созданы условия для ликвидации преступности и устранения всех причин, ее порождающих.

25-летний опыт реализации этих положений Программы показал, что решение такой задачи пока нереально.

В новой редакции Программы КПСС справедливо отмечается, что любые попытки забега вперед, введение коммунистических принципов без учета уровня материальной и духовной зрелости общества, как показывает опыт, обречены на неудачу, могут вызвать издержки как экономического, так и политического характера. Поэтому на этапе планомерного и всестороннего совершенствования социализма в области борьбы с преступностью поставлены задачи: укрепления правовой основы государственной и общественной жизни; неуклонного соблюдения социалистической законности и правопорядка; улучшения работы народных судов и других органов правосудия, прокурорского надзора, юстиции и милиции; обеспечения сохранности социалистической собственности, личного имущества, чести и достоинства граждан; решительной борьбы с преступностью и устранения порождающих ее причин.

Главным путем достижения этой цели является предупреждение преступлений. Главное внимание должно быть направлено на предотвращение преступности. Политика борьбы с преступностью не сводится к функционированию правоприменительных органов. Она носит комплексный и многоплановый характер. В ее основе лежит решение крупных социальных, экономических и культурно-воспитательных задач. Уголовно-правовая политика обеспечивает успех в решении задач предупреждения преступлений своими специфическими уголовно-правовыми средствами. В качестве такого средства в целях предупреждения преступлений используется угроза наказанием. Угроза наказанием, воздействуя на сознание неустойчивых граждан нашего общества, склонных к совершению преступлений, порождает у них страх перед наказанием и тем самым предотвращает преступления. Уголовно-правовым средством предупреждения повторных преступлений является исправление и перевоспитание лиц, совершивших преступления, в процессе исполнения наказаний.

Наконец, уголовное право оказывает предупредительное воздействие путем установления позитивной (перспективной) ответственности. Позитивная ответственность – это осознание гражданином чувства долга перед обществом, убежденность в необходимости строгого соблюдения законов, в недопустимости совершения общественно опасных преступных деяний и основанная на этом осознании практическая деятельность.

Все советское уголовное право, устанавливая перечень деяний, признаваемых преступлениями, воздействует на сознание советских граждан, воспитывая в них отрицательное отношение к преступлениям, к совершению поступков, подпадающих под действие уголовного закона.

В законодательстве имеются нормы, одобряющие поведение человека, внешне напоминающее преступление (необходимая оборона, крайняя необходимость, меры по задержанию преступника).

На осознание своего гражданского долга направлены многие нормы уголовного законодательства, обязывающие гражданина действовать соответствующим образом в определенной ситуации (ст. 190 УК РСФСР – ответственность за недонесение, ст. 127 УК РСФСР – ответственность за оставление в опасности и др.).

Ряд статей уголовного законодательства стимулирует желаемое с точки зрения социалистической морали поведение в ситуации, когда лицо уже встало на путь совершения преступления или даже совершило его (ст. 16 УК РСФСР – добровольный отказ, п. «б» ст. 64 УК РСФСР, примечание к ст. 173 УК РСФСР, примечание к ч. 1 ст. 218 УК РСФСР, п. 1 и 9 ст. 38 УК РСФСР). Многие нормы стимулируют социально полезное поведение лиц, осужденных за совершение преступлений (ст. 53 и 55 УК РСФСР – об условно-досрочном освобождении, ст. 53² УК РСФСР – об условном освобождении из мест лишения свободы и др.).

Наконец, само наказание одной из целей ставит исправление и перевоспитание, в том числе (даже прежде всего) воспитание позитивной ответственности.

Другими направлениями советской уголовно-правовой политики являются сужение сферы применения уголовного наказания и замена уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания, а также замена норм уголовного права правовыми нормами, не связанными с применением наказания или моральными нормами.

Выше уже отмечалось, что в современных условиях Коммунистическая партия Советского Союза и Советское государство рассматривают уголовное наказание как необходимое и полезное средство в борьбе с преступностью. Вместе с тем не следует забывать, что наказание существенно затрагивает права и интересы граждан, причиняя страдания и лишения, и что наказание приносит не только пользу, но и влечет вредные последствия как для человека, совершившего преступление, так и для общества. Лишение свободы нередко оказывается карой не только для самого осужденного, но и для ни в чем не повинных членов его семьи, разрывает не только преступные, но и социально полезные связи подвергнутого наказанию лица.

Лица, осужденные к лишению свободы, исправительным работам не по месту работы, ссылке, высылке и некоторым иным мерам, как правило, используются не по специальности и, следовательно, не приносят той пользы, которую могли бы принести, государство тратит значительные средства на организацию исполнения наказания, в частности для этого отвлекается значительное число, как правило, молодых и трудоспособных советских граждан (в особенности для работы в исправительно-трудовых учреждениях) и т. д.

Процесс исправления и перевоспитания в местах лишения свободы с точки зрения педагогической науки страдает существенными пороками: наука утверждает, что наиболее эффективным средством воспитания является убеждение, а к преступникам, которые более чем другие граждане нуждаются в воспитании, применяется принуждение; наука утверждает, что основным способом воспитания является здоровый трудовой коллектив, а осужденный вырывается из такого коллектива и помещается в окружение таких же, как он, преступников; задача исправительно-трудовых учреждений – подготовить бывшего преступника к условиям жизни в обществе свободных граждан, воспитывается же он в условиях, существенно отличающихся от условий жизни социалистического общества и т. д. Лишенные свободы вырываются из семьи, лишаются возможности заниматься воспитанием детей. Длительное лишение свободы часто ведет к распаду семей. Удержания из заработной платы при осуждении к исправительным работам, выплата штрафа, конфискация имущества причиняют страдания и лишения не только осужденному, но и его семье и т. д.

Советское государство, основываясь на этих обстоятельствах, постоянно стремится к сужению сферы применения уголовного наказания. Процесс сужения сферы применения уголовного наказания осуществляется путем:

- 1) сокращения круга деяний, которые признаются преступлениями;

2) установления санкций в нормах Особенной части, в которых наряду с наказанием предусмотрены меры общественного воздействия;

3) включения в уголовное законодательство норм, позволяющих освобождать лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности с заменой ее мерами общественного или административного воздействия.

Сокращение круга деяний, которые признаются преступлениями, осуществляется прежде всего в процессе полного или частичного пересмотра уголовного законодательства и признания не преступными деяний, которые считались преступлениями по законодательству, действовавшему до пересмотра. Так, в послевоенное время еще до принятия ныне действующих уголовных кодексов была отменена уголовная ответственность за прогул и самовольный уход с работы, за самоаборт, за самовольную остановку поезда стоп-краном и некоторые другие деяния.

Значительное количество составов было исключено из законодательства при принятии новых уголовных кодексов. Так, в УК РСФСР не вошло более 40 составов преступлений, содержащихся в УК РСФСР 1926 г., а в УК УССР 1960 г. – более 70 составов.

Круг уголовно наказуемых деяний сократился также за счет того, что многие составы преступлений хотя и сохранились в новом законодательстве, но признаки, содержащиеся в них, изменились так, что под них стало подпадать значительно меньше деяний, чем ранее. Например, в соответствии со ст. 170 УК РСФСР 1960 г. злоупотребление властью или служебным положением считается преступлением, если оно было совершено из «корыстной или иной личной заинтересованности». Такого признака в аналогичном составе в УК РСФСР 1926 г. (ст. 109 УК) не было, и всякое злоупотребление безотносительно к мотивам его совершения считалось преступлением (например, злоупотребление служебным положением из ложно понятых интересов предприятия). Исключение этого признака из состава преступления, естественно, сократило количество уголовно наказуемых злоупотреблений по должности.

Повышение возраста, с которого наступает уголовная ответственность, с 14 лет по старому законодательству до 16 лет по новому законодательству (соответственно с 12 и 14 лет – за совершение преступлений, специально предусмотренных в законе), также сократило круг уголовно наказуемых деяний.

Наконец, этот круг сузился за счет исключения из уголовного законодательства нормы, которая создавала возможность привлечения к уголовной ответственности за действия, прямо не предусмотренные законом, по статьям, которые предусматривали наиболее сходные по роду преступления (ст. 16 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Вторым направлением процесса сужения сферы применения уголовного наказания является установление таких санкций в нормах Особенной части, которые, с одной стороны, предусматривают возможность назначения уголовного наказания за предусмотренное в диспозиции общественно опасное деяние, а, с другой стороны, возможность применения за это же деяние мер общественного воздействия. Возможность применения мер общественного воздействия в альтернативе с наказанием предусмотрена в санкциях статей 123 УК РСФСР (злостное уклонение от оказания помощи родителям), 124¹ УК РСФСР (разглашение тайны усыновления), 126 УК РСФСР, ч. 1 (незаконное лишение свободы), 156 УК РСФСР (нарушение правил торговли спиртными напитками), 200 УК РСФСР (самоуправство) и др.

Деяния, предусмотренные в этих нормах Особенной части, рассматриваются по закону как преступления. Однако законодатель предоставляет право суду применить к лицу, совершившему такое деяние, вместо наказания меры общественного воздействия путем передачи дела в комиссию по делам несовершеннолетних, в товарищеский суд или передачи виновного на поруки коллективу трудящихся или организации.

В советской литературе высказывается мнение, что количество санкций такого рода будет постепенно увеличиваться, что альтернативная форма ответственности за нетяжкие преступления (либо уголовное наказание, либо общественное воздействие), очевидно, придет на смену многим санкциям, в которых ныне предусмотрено наказание не свыше одного-двух лет лишения свободы. Это мнение следует признать обоснованным. На практике расширение круга альтернативных санкций приведет к сокращению количества общественно опасных деяний, за совершение которых фактически назначается уголовное наказание. Наконец, третье направление процесса сужения сферы применений уголовного наказания – это освобождение лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности с заменой ее мерами административного взыскания или мерами общественного воздействия в случаях, когда санкциями статей Особенной части возможность такой замены не предусмотрена (см. ч. 4 ст. 10, ст. 50, 51¹, 51 и 52 УК РСФСР).

Институт освобождения от уголовной ответственности с заменой ее мерами общественного воздействия или административными взысканиями (депенализация) мог появиться только в уголовном праве социалистического общества, где отсутствуют антагонистические противоречия между государством и личностью, обществом и личностью, коллективом и личностью, где все общество в целом заинтересовано в благополучии каждого отдельного члена общества. Только в этих условиях воспитательное воздействие коллектива в целях исправления оступившегося человека может принести и, как показывает практика, приносит положительный эффект. В настоящее время меры общественного воздействия зачастую бывают более благотворны, чем меры уголовного наказания.

«Депенализация как форма освобождения от наказания за деяние, предусмотренное уголовным законом, развивается, когда, с одной стороны, еще не созрели социальные условия для декриминализации, а с другой – налицо эти условия для сравнительно широкого освобождения от наказания за преступления определенной степени общественной опасности. Меры, заменяющие наказание, должны стать на определенном этапе адекватной формой реакции государства и общества на преступления, не представляющие большой общественной опасности... Одна из коренных основ депенализации состоит в то же время в том, что отказом от наказания не создается безответственности за совершение даже незначительного по степени общественной опасности преступления».⁵⁸ Освобождение от уголовной ответственности и наказания как реакция на совершение преступления (депенализация) может иметь место только в случаях совершения лицом общественно опасного, запрещенного уголовным законом деяния и только в случаях, специально предусмотренных законом.

По мере роста культуры и сознательности граждан эта форма реакции государства на факты совершения преступлений станет еще более широкой и плодотворной. Именно из этого необходимо исходить при оценке тенденции замены уголовной ответственности и наказания мерами административного или общественного воздействия (как путем построения альтернативных санкций, так и путем создания самостоятельных институтов Общей части уголовного законодательства).

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что развитие уголовного законодательства, предусматривающего возможность замены наказания мерами общественного воздействия, должно быть более или менее длительным процессом. Необходимо подготовить к такой замене общественное сознание, подготовить коллективы трудящихся и общественные организации к реализации этих мер. Важно добиться и того, чтобы преступник, который освобождается от уголовной ответственности и наказания с заменой ее мерами общественного воздействия, правильно воспринимал этот акт, рассматривая его как продиктованную гуманностью советской уголовной политики заботу о его же будущем.

⁵⁸ Гальперин И. М. Социальные и правовые основы депенализации // Советское государство и право. 1980. № 3. С. 63.

Широкое применение мер общественного воздействия вместо наказания без всесторонней и глубокой предварительной подготовки к этому может привести к нежелательным последствиям. При всей прогрессивности самой идеи освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших преступления, с заменой ее мерами общественного воздействия следует исходить из того, что в настоящее время условия для широкого применения законодательства, в котором воплощена эта идея, еще только созревают, и поэтому от органов, применяющих эти нормы, требуется особо внимательный, строго индивидуальный подход к каждому конкретному случаю.

Правильно пишет И. М. Гальперин: «При всем значении процесса депенализации в настоящее время и его перспектив в условиях дальнейшего упрочения правопорядка уголовное наказание не перестает быть преобладающей формой принуждения при совершении преступления. Если метод принуждения по мере развития социалистического общества действительно резко сокращается, то отсюда еще не следует, что он в такой же мере утрачивает свою роль в борьбе с преступностью. Представляется, что пока существует преступность, наказание будет именно преобладающей формой принуждения за совершение общественно опасных и уголовно противоправных деяний. Разрыв некогда традиционной связи между преступлением и наказанием в то же время не означает выдвижения на первый план в борьбе с преступностью мер общественного воздействия или даже административного взыскания».⁵⁹

Повышение эффективности замены наказания мерами общественного воздействия требует определенного совершенствования соответствующего законодательства. Действующее законодательство предоставляет необоснованно широкий простор усмотрению суда, прокурора, следователя, органа дознания с согласия прокурора в решении вопроса о замене уголовной ответственности ответственностью перед общественностью. Это выражается в двух моментах:

1) в уголовных кодексах многих союзных республик не описан четкий круг общественно опасных деяний, при совершении которых возможно применение мер общественного воздействия;

2) закон лишь в самой общей форме говорит о критериях, которыми следует руководствоваться суду (или другим органам), избирая вид ответственности: уголовную или общественную. В ст. 10 Основ, ст. 51 УК РСФСР говорится о возможности назначения мер общественного воздействия, если исправление лица возможно без применения уголовного наказания. Этот критерий довольно расплывчат, что позволяет органам, применяющим нормы УК, содержащие его, относительно произвольно толковать содержание формулы «может быть исправлен без применения наказания». А это ведет к разному в практике применения указанных норм, что причиняет известный ущерб правильному проведению в жизнь уголовной политики.

Практика показывает, что, применяя эти меры, суды ссылаются, как правило, на обстоятельства, характеризующие личность правонарушителя. Вряд ли это можно признать правильным с точки зрения принципов советского уголовного права. Прав А. М. Яковлев, отмечая, что «единственным основанием ответственности служит общественно опасное и противоправное деяние, а учет свойств личности лишь помогает индивидуализировать наказание. Современный уголовный закон, конечно, не вернется к преодоленному в ходе развития советского уголовного законодательства представлению о том, что опасность личности может констатироваться как в связи с совершенным деянием, так и вне зависимости от него».⁶⁰

⁵⁹ Там же. С. 66.

⁶⁰ Яковлев А. М. Принцип социальной справедливости и основания уголовной ответственности // Советское государство

При совершенствовании уголовного законодательства вообще и в части, касающейся замены одного вида ответственности другим, необходимо исходить из того, что основанием уголовной ответственности является не личность преступника, не его вина и не какие-либо иные обстоятельства, а преступление, т. е. совершенное умышленно или по неосторожности предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние и что в силу принципа неотвратимости наказания совершение преступления должно влечь применение уголовного наказания к виновному. Отсюда с необходимостью следует, что вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания должны относиться только к компетенции суда. «Необходимость предоставления права освобождения от уголовной ответственности по всем основаниям, предусмотренным в законе, только суду вытекает из того, что это освобождение возможно при обязательном условии, что освобождаемое лицо совершило умышленно или по неосторожности общественно опасное деяние, предусмотренное в уголовном законе как преступление. Если не установлено, что лицо совершило конкретное преступление, предусмотренное статьей УК, не может быть и вопроса об освобождении такого лица от уголовной ответственности».⁶¹

В этом суть принципа социалистической законности в уголовном праве. Освобождение от уголовной ответственности и наказания как исключение из этого общего правила должно быть строго регламентировано законом. В настоящее время, когда такой строгой регламентации нет, суд и иные органы, решающие вопрос об освобождении от уголовной ответственности и наказания с заменой ее мерами общественного воздействия, выходят за пределы правоприменительной деятельности и практически выполняют функции законодателя. Для правильного решения на практике вопроса о замене уголовной ответственности другими видами ответственности представляется целесообразным:

1) совершенно конкретно в законодательстве определить деяния, которые относятся к преступлениям и за совершение которых с неотвратимостью следует назначение уголовного наказания, и преступные деяния, за которые может быть назначено либо уголовное наказание, либо меры общественного воздействия;

2) в законе определить обстоятельства, относящиеся к характеристике общественно опасного деяния как основания ответственности, при наличии которых виновный может быть освобожден от уголовной ответственности и наказания, а также предоставить суду право учитывать иные обстоятельства при решении этого вопроса;

3) в разделе «О назначении наказания» и «Об освобождении от наказания» Основ и уголовных кодексов союзных республик включить статью, предоставляющую суду право в случаях, предусмотренных законом, освобождать лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности и наказания с заменой их мерами общественного воздействия;

4) в разделы уголовных кодексов союзных республик «О принудительных мерах медицинского и воспитательного характера» включить статьи с характеристикой мер общественного воздействия, которые могут назначаться вместо уголовного наказания.

Идея постепенной замены норм уголовного права моральными нормами и мер уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания закономерно вытекает из принципиального взгляда коммунистов на исторические судьбы государства и права, на роль и место принуждения в жизни социалистического и коммунистического общества.

Положение о замене в конечном счете уголовного наказания воспитательными мерами было впервые сформулировано В. И. Лениным при составлении Программы партии и было включено в нее в качестве программного требования на VIII съезде партии в 1919 г. Там говорилось: «В области наказания организованные таким образом суды уже привели к коренному

и право. 1982. № 3. С. 89.

⁶¹ Загородников Н. И. Советская уголовная политика. С. 40.

изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, вводя как меру наказания общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов. РКП... должна стремиться к тому... чтобы система наказаний была окончательно заменена системой мер воспитательного характера».⁶² Развитие советского законодательства и практика его применения после принятия Программы РКП(б) свидетельствуют о постепенном претворении в жизнь этого программного требования. Этот процесс будет продолжаться и впредь. Вместе с тем следует иметь в виду что уголовное право, как и право вообще, отомрет вместе с отмиранием государства. Однако это процесс не скоротечный, и он завершится, когда будут созданы внутренние и внешние условия для функционирования коммунистического общества в нашей стране. При анализе путей и условий замены уголовного наказания мерами общественного воздействия и перерастания норм уголовного права в нормы морали и управлении этим процессом необходимо исходить из двух кардинальных положений:

1) нельзя форсировать этот процесс. Его течение должно соответствовать объективным и субъективным условиям, необходимым для его нормального осуществления. Пока эти условия не созрели, не реальна и постановка задачи о немедленном отказе от использования норм уголовного права и мер уголовного наказания в качестве средств борьбы с преступностью, о полной замене наказания мерами чисто воспитательного характера. Уголовное право и уголовное наказание представляют собой важное средство в руках государства в деле охраны социалистических общественных отношений. Задача государства на современном этапе развития общества заключается в дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства, повышении его эффективности, использовании всех его возможностей в решении поставленных перед этой отраслью права задач.⁶³

2) замена норм уголовного права нормами морали и уголовного наказания мерами общественного воздействия – это не единовременный акт. Нельзя представлять себе дело таким образом, что в какой-то определенный момент уголовное законодательство будет отменено и исполнение старых уголовно-правовых норм будет после этого обеспечиваться силой общественного мнения. Отмирание государства и права есть процесс, который является составной частью более общего процесса – построения коммунистического общества.

Советский народ под руководством Коммунистической партии и Советского государства уже ведет строительство коммунистического общества. Это означает, что развиваются все процессы, которые в конечном итоге приведут к построению коммунизма. Идет и процесс замены уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания.

Внутри самого уголовного права происходят изменения, которые в конечном счете приведут к перерастанию норм уголовного права в нормы морали. Этот процесс, как и вообще строительство коммунизма, должен представлять собою сознательную деятельность людей, основанную на познанных законах общественного развития. Он обязывает всех имеющих к нему отношение ясно представлять себе пути, по которым должен развиваться этот процесс.

В советской литературе высказывается мнение, что замена мер уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания будет осуществляться путем постепенного смягчения наказаний.⁶⁴ В частности, указывается на то, что развитие этого процесса включает в себя в качестве предпосылки замены наказания их постепенное смягчение, что рост культурного уровня трудящихся приводит не только к снижению преступности, не

⁶² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 81.

⁶³ Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 56–70.

⁶⁴ Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962.

только к тому, что начинается процесс замены мер наказания воспитательными мерами, но и к тому, что происходит смягчение самих мер, потому что более строгие меры во все большем числе случаев уже не нужны. Это сказывается и будет в дальнейшем сказываться и на санкциях уголовного закона, и в практике применения судами, и в практике исполнения наказания исправительно-трудовыми учреждениями.

Советское государство, исходя из принципа экономии репрессии, действительно стремится к смягчению применяемых наказаний. Эта линия будет продолжаться и впредь. Однако представлять ее как какую-то общую линию, как путь (или один из путей), предпосылку замены уголовного наказания мерами общественного воздействия вряд ли правильно.

Сторонники этой позиции утверждают, что замена мер наказания мерами общественного воздействия и воспитания будет происходить за счет постепенного превращения первых во вторые. Ход рассуждений сторонников этой позиции таков: с содержательной стороны наказание представляет собой совокупность мер убеждения и мер принуждения. В различных видах наказания или в одних и тех же видах наказания, но в разные периоды времени меняется сочетание мер убеждения и принуждения (в лишении свободы, например, мер принуждения больше, чем в других видах наказания, исправительные работы по новому законодательству – мера более мягкая, чем по старому законодательству). Это сочетание по мере продвижения к коммунизму будет все больше изменяться в сторону увеличения доли мер убеждения, вплоть до полного устранения из наказания принудительных мер. И. И. Карпец писал, что «в соответствии с совершенствованием общественных отношений, с ростом сознательности людей будет отпадать надобность в различных формах государственного принуждения. Наказание будет все более вбирать в себя черты не столько карательной меры, сколько воспитательной».⁶⁵

Некоторые советские ученые считают возможным существование наказаний, вообще лишенных карательных элементов. Прежде всего признание принципиальной возможности существования уголовных наказаний, совершенно лишенных карательных элементов, в корне противоречит марксистско-ленинскому взгляду на сущность наказания. Наказание – это кара за совершенное преступление, наказание обязательно должно причинять преступнику лишения и страдания, без карательных элементов мера, применяемая к правонарушителям, не есть наказание – такова единодушная, основанная на марксизме-ленинизме точка зрения советских ученых-юристов на содержание наказания.

Но не это главное. Если подходить к решению рассматриваемой проблемы чисто с теоретической позиции, а точнее, чисто умозрительно, то, действительно, следует признать, что таким путем (сокращением карательных элементов в содержании наказания) можно превратить наказание в ненаказание, в меру, оказывающую чисто моральное воздействие. Однако совершенно очевидно, что такой процесс изменения содержания наказаний должен проходить в неразрывной связи с процессом изменения преступников, т. е. лиц, к которым применяется наказание. Поскольку цели наказания (исправление и перевоспитание, общее и частное предупреждение, восстановление справедливости) остаются постоянными, то у государства должна быть уверенность, что меры наказания, приближающиеся по своему содержанию к мерам морального воздействия, все же способны обеспечить достижение этих целей. А такая уверенность может иметь место только тогда, когда процесс изменения наказания будет сочетаться с процессом сокращения количества тяжких преступлений и преступников, представляющих повышенную общественную опасность. Сторонники рассматриваемой позиции забывают одну очевидную истину: система, виды, характер, размеры наказаний зависят от состояния и структуры преступности, а не наоборот. Конечно, имеет место и обратная связь, но она не может рассматриваться как существенная с точки зрения

⁶⁵ Карпец И. И. Социальные и правовые аспекты учения о наказании // Советское государство и право. 1968. № 5. С. 68.

рассматриваемой проблемы. Состояние, структура и динамика преступности в нашей стране показывают несостоятельность взгляда на изложенный выше путь превращения уголовных наказаний в меры общественного воздействия.

Выше уже говорилось об успехах, достигнутых в нашей стране в области борьбы с преступностью. Вместе с тем практика показывает, что темпы снижения тяжких преступлений уступают темпам снижения преступлений, не представляющих большой общественной опасности, что в отдельные периоды и в отдельных районах имеет место рост тяжких преступлений, что велика еще рецидивная преступность, нет существенного сокращения количества преступников, признаваемых особо опасными рецидивистами. В этих условиях было бы принципиально неверным вести линию на превращение всех (по мнению сторонников рассматриваемой позиции, видимо, прежде всего наиболее суровых) видов наказания в воспитательные меры.

Некоторое время еще будут иметь место такие тяжкие преступления, как умышленное убийство, изнасилование. Пока существует мир империализма, не исключено совершение таких преступлений, как измена Родине, диверсия, террористический акт, по мере развития техники могут появиться новые виды тяжких преступлений (например, сейчас уже появился состав угона самолетов) и т. д. Очевидно, что при совершении подобных преступлений государство не может ограничиться применением к лицам, их совершившим, мер наказания, приближающихся по своему содержанию к мерам общественного воздействия и воспитания.

Заместитель председателя Верховного Суда СССР Е. А. Смоленцев, выступая на Всесоюзном научно-координационном межведомственном совещании ученых-юристов и практических работников правоохранительных органов «Связь юридической науки и практики» (13–15 ноября 1984 г.), говорил: «...значительное число осужденных наносит не только моральный, но и материальный ущерб обществу, Чрезмерная же либерализация при назначении наказания не обеспечивает должной охраны интересов общества и его членов».⁶⁶ И далее: «Назначение осужденным такого вида наказания, как лишение свободы, до последнего времени занимает в карательной практике суда значительное место. Новые указы, усиливая элемент дифференциации, отнюдь не ориентируют на какие-либо послабления, когда речь идет о злостных преступниках. Изучение объективных и субъективных свойств тяжких и повторных преступлений, равно как и свойств личности виновных, убедительно свидетельствуют о все еще существующей необходимости во многих случаях строгих мер наказания, применяемых не только к убийцам, насильникам, разбойникам, но и к злостным расхитителям и спекулянтам, взяточникам, злостным хулиганам. Линия партии, выраженная в законе, была и остается в этом отношении решительной и бескомпромиссной».⁶⁷

Опираясь на данные судебной практики и анализ состояния преступности в нашей стране, Е. А. Смоленцев подчеркнул, что применение такой суровой меры наказания, как длительное лишение свободы, не только не уменьшается, а, наоборот, увеличивается, хотя в целом количество приговоров, содержащих осуждение к лишению свободы, сокращается. Он говорил: «Сокращение объема применения лишения свободы происходит в основном за счет менее опасных преступлений и преступников, за счет обоснованного применения к осужденным иных мер наказания и воздействия... суды несколько реже стали назначать лишение свободы на краткие сроки, которое с успехом в ряде случаев заменяется не связанными с лишением свободы мерами... наряду с отмеченными тенденциями применение

⁶⁶ Смоленцев Е. А. Значение связи юридической науки и судебной практики для дальнейшего укрепления социалистической законности // Советское государство и право. 1985. № 3. С. 25.

⁶⁷ Там же. С. 26.

лишения свободы на более длительные сроки возрастает».⁶⁸ И это понятно, поскольку к лицам, совершившим тяжкие преступления или совершающим преступления неоднократно, особо злостным преступникам, особенно к особо опасным рецидивистам, не могут не применяться строгие меры наказания.

Исходя из этого представляется, что изменение содержания наказаний путем постепенного сведения к нулю всех мер принуждения в них есть мероприятие, практически несостоятельное и даже в современных условиях вредное.

Естественно, что среди преступников будет расти доля таких, которые не нуждаются в применении к ним суровых наказаний. Однако для этого не требуется превращения суровых видов наказания в более мягкие, так как действующее законодательство дает возможность судам назначать преступнику наказания, чрезвычайно близкие к мерам общественного воздействия (возложение обязанности загладить причиненный вред, общественное порицание) или даже освобождать преступника от уголовной ответственности и наказания с заменой их мерами общественного воздействия и воспитания.

Каковы же реальные пути перерастания норм уголовного права в моральные нормы и замены наказания мерами общественного воздействия и воспитания?

Непреложная истина состоит в том, что до тех пор, пока существуют преступления, до тех пор будут существовать и наказания, ибо эти два явления взаимно связаны друг с другом: наказание есть правовое последствие преступления. Не может иметь места уголовное наказание, если не совершено преступление, равно как не может считаться преступлением деяние, за которое законом не предусмотрено наказание.

Таким образом, основным путем замены наказания мерами общественного воздействия и воспитания является сокращение круга уголовно наказуемых деяний и сокращение преступности.

Это, однако, не исключает возможности и иных путей, которые являются составными частями общего процесса. Такими путями в настоящее время являются:

- а) совершенствование системы наказаний;
- б) замена уголовной ответственности иными видами правовой ответственности;
- в) повышение воспитательного значения существующих видов наказания.

Совершенствование системы наказаний происходит и будет происходить за счет появления новых видов уголовно-правового воздействия на преступников, отличающихся от ныне существующих видов наказаний и приближающихся по своему содержанию к мерам общественного воздействия, а также за счет исключения из системы наказаний таких видов, которые не соответствуют новым условиям жизни общества.

При принятии Основ уголовного законодательства 1958 г. из системы наказаний была исключена такая мера, как объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и обязательным изгнанием из его пределов, исключено такое поражение прав, как лишение активного и пассивного избирательного права при выборах в Советы и съезды Советов.

В настоящее время все более и более созревают условия для исключения или, по крайней мере, для существенного ограничения такого вида наказания, как смертная казнь. Вряд ли сейчас имеются основания для применения смертной казни за хищение государственного или общественного имущества (ст. 93¹ УК РСФСР), получение взятки (ч. 2 ст. 173 УК РСФСР), изнасилование (ч. 4 ст. 117 УК РСФСР), нарушение правил о валютных операциях (ч. 2 ст. 88 УК РСФСР) и другие деяния, не связанные с посягательством на жизнь человека.

Вместе с тем после принятия нового уголовного законодательства в системе мер уголовно-правового воздействия появились меры, которые с успехом применяются на практике. Так, Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 12 июня 1970 г. была вве-

⁶⁸ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1983. № 6. С. 10.

дена такая мера, как условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 23² УК РСФСР). Эта мера применяется к совершеннолетним трудоспособным лицам, впервые осуждаемым к лишению свободы на срок от одного года до трех лет, за исключением лиц, совершивших тяжкие преступления, указанные в законе, а также к повторно осужденным за разбой без отягчающих обстоятельств, грабеж или кражу, к лицам, которым наряду с наказанием назначается принудительное лечение от алкоголизма или наркомании, к военнослужащим срочной службы, к осуждаемым иностранцам и лицам без гражданства.

Лица, условно осужденные к лишению свободы, пользуются всеми правами граждан СССР со следующими ограничениями: а) они обязаны работать там, куда будут направлены органами, ведающими исполнением приговора; б) они обязаны являться в органы внутренних дел от одного до четырех раз в месяц для регистрации; в) им запрещается в этот период покидать пределы административного района по месту работы без специального на то разрешения; г) в необходимых случаях им может быть на срок до трех месяцев запрещен уход в установленное время из дома (общежития), а также пребывание в определенных местах.

Осужденные условно к лишению свободы с обязательным привлечением к труду по окончании определенного приговором срока привлечения к труду считаются не имеющими судимость, если в течение этого срока они не совершат нового преступления.

Эта новая мера уголовно-правового воздействия до минимума сокращает карательные меры, присущие лишению свободы, и является по существу самостоятельной мерой воздействия, близко примыкающей к мерам общественного воздействия и воспитания.

Сходным с этой мерой является условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду (ст. 53² УК РСФСР). Лица, условно освобожденные с обязательным привлечением к труду, пользуются всеми правами граждан нашей страны с незначительными ограничениями.

Другим путем сближения уголовно-правовых норм с нормами морали и замены уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания является замена уголовной ответственности другими видами правовой ответственности. Этот путь представляется целесообразным при изменениях характера общественной опасности тех или иных видов преступлений. Главное отличие преступлений от других видов правонарушений состоит в более высокой общественной опасности преступлений. Преступлением признаются наиболее общественно опасные деяния. Характер общественной опасности – величина не постоянная. Общественная опасность тех или иных видов деяний изменяется в связи с изменением социально-политических и экономических условий жизни общества, с изменением распространенности определенной категории деяний и других объективных и субъективных обстоятельств.

Если в силу уменьшения характера общественной опасности деяний отпадает необходимость и целесообразность охраны общества от них путем применения уголовного наказания, то уголовная ответственность за эти деяния законодателем отменяется и заменяется другими видами ответственности, если они продолжают быть общественно опасными: административной, дисциплинарной или гражданско-правовой. Так, после отмены в 1956 г. уголовной ответственности за прогул и самовольный уход с работы указанные деяния стали влечь ответственность в дисциплинарном порядке.

Законодатель считал целесообразным рассматривать в качестве административных правонарушений такие деяния, как мелкая спекуляция, мелкое хищение государственного и общественного имущества, скупка для скармливания или скармливание скоту или птице хлеба и других хлебопродуктов впервые, нарушение правил торговли спиртными напитками, совершенное впервые, занятие запрещенным промыслом впервые, незаконная охота впервые, мелкое хулиганство и некоторые другие деяния.

Некоторые деяния, ранее наказуемые в уголовном порядке, рассматриваются как гражданско-правовые деликты. Например, ростовщичество рассматривалось как преступление по УК РСФСР 1926 г. (ст. 173 УК РСФСР), сейчас за подобные действия наступает гражданско-правовая ответственность. Такая же ответственность наступает за присвоение найденного личного имущества (ст. 168 УК, РСФСР 1926 г.), за умышленное истребление или повреждение личного имущества граждан, не причинившего значительного ущерба потерпевшему (ст. 175 УК РСФСР 1926 г.), и некоторые другие деяния.

Наконец, меры уголовного наказания приближаются к мерам общественного воздействия путем усиления их воспитательной силы. При этом следует исходить из того, что сила воспитательного воздействия и суровость кары в наказании не всегда находятся в обратно пропорциональной зависимости. Вполне мыслимо такое положение, когда сила воспитательного воздействия наказания увеличивается при сохранении (а иногда даже при увеличении) его карательной силы. В. И. Ленин в проекте резолюции Совета Народных Комиссаров от 13 февраля (31 января) 1918 г. предлагал в адрес Народного комиссариата юстиции записать, что ему поручается принять меры к увеличению числа мест заключения, улучшению условий содержания и к усилению уголовной репрессии.⁶⁹

Таким образом, одновременное улучшение условий содержания и усиление уголовной репрессии В. И. Ленин рассматривал как вполне совместимые явления.

Лишение свободы как вид наказания за последнее десятилетие становится более суровым с точки зрения содержащихся в наказании режимных условий. Однако это совсем не означает, что воспитательная сила лишения свободы ослабла; действующее исправительно-трудовое законодательство строго регламентирует весь порядок исполнения наказания, в качестве основных средств исправления и перевоспитания осужденных кроме режима установлены общественно полезный труд, политико-воспитательная работа, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение, закреплены такие формы участия общественности в исправлении и перевоспитании осужденных, как наблюдательные комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних, шефство коллективов трудящихся и общественных организаций над исправительно-трудовой колонией и т. д. В целях развития навыков коллективизма у осужденных и использования влияния коллектива на исправление и перевоспитание в исправительно-трудовых учреждениях создаются самодеятельные организации осужденных (советы коллективов колоний и отрядов, советы бригадиров).

Все это вместе взятое обеспечило повышение эффективности воспитательного воздействия лишения свободы. Действующее исправительно-трудовое законодательство предусматривало повышение воспитательного воздействия и таких видов наказания, как ссылка, высылка, исправительные работы без лишения свободы. Претерпели определенные изменения в этом направлении и другие виды наказаний.

Так, например, если по старому законодательству (ст. 44 УК РСФСР 1926 г.) обязанность загладить причиненный вред выражалась только в том, что осужденный сам устранял последствия совершенного им правонарушения или причиненного потерпевшему ущерба, то по новому законодательству (ст. 32 УК РСФСР 1960 г.) это наказание может выразиться, кроме того, и в публичном извинении перед потерпевшим или членами коллектива в форме, устанавливаемой судом.

Широкое привлечение общественности к исполнению наказаний, характерное для современного периода применения уголовного и исправительно-трудового законодательства, прививает наказанию черты мер общественного воздействия и воспитания.

⁶⁹ Ленин В. И. Ленинский сборник. XXI. М., 1933. С. 116.

Таковы те количественные изменения, которые происходят сейчас внутри уголовного законодательства и подготавливают качественный скачок от наказания к мерам общественного воздействия и воспитания.

Правильно понимая объективные закономерности развития уголовного законодательства и сознательно направляя процесс сужения круга уголовно-наказуемых деяний, замены мер наказания мерами общественного воздействия и воспитания, перерастания норм уголовного права в моральные нормы, нельзя отвлекаться от того, что эти процессы не абсолютны. Имеет место и установление наказания за деяния, ранее не наказуемые, усиление ответственности.

Важным направлением уголовно-правовой политики продолжает оставаться применение мер уголовного наказания к лицам, совершившим преступления. Представляется, что в течение довольно длительного исторического срока вряд ли удастся решить кардинальную задачу в области борьбы с преступностью: ликвидировать преступность как социальное явление и устранить причины, ее порождающие. А пока будет преступность, будет необходимость и в уголовном законодательстве, и в наказании, как правовом последствии преступления.

§ 5. Критерии отнесения деяний к кругу преступлений (криминализация и декриминализация деяний)

Основным материальным признаком всякого преступления является общественная опасность. Однако не всякое общественно опасное деяние должно считаться преступлением и влечь уголовную ответственность и наказание.

К. Маркс писал: «...безусловный долг законодателя – не превращать в *преступление* то, что имеет характер *проступка*, и то лишь в силу обстоятельств».⁷⁰ И далее: «...*нравственный* законодатель прежде всего будет считать самым серьезным, самым болезненным и опасным делом, когда к области преступлений относят такое действие, которое до сих пор не считалось преступным».⁷¹

Отсюда важное значение принципов, которыми руководствуется законодатель при определении круга деяний, относимых к преступлениям, т. е. принципов криминализации. «Принципы криминализации (а равно и декриминализации) общественно опасных деяний представляют собой наиболее абстрактный и общий уровень научного обеспечения и обоснования уголовного нормотворчества, т. е. отправные позиции, учет которых необходим при всяком изменении действующего уголовного законодательства».⁷² Он же пишет: «На основе анализа устойчивых и типичных связей уголовного права с различными сферами социальной реальности разрабатываются принципы криминализации – научно обоснованные и сознательно применяемые общие правила и критерии оценки допустимости и целесообразности уголовно-правовой новеллы, устанавливающей или изменяющей ответственность за конкретный вид общественно опасных деяний. Принципы криминализации представляют собой отражение в общественном сознании общих структурно-функциональных свойств и отношений различных оснований криминализации как социальных фактов и тенденций развития общественных отношений. По сути дела принципы криминализации – это система правил и критериев установления уголовной ответственности».⁷³

С таким определением критериев (принципов) криминализации деяний следует согласиться. Действительно, критерии криминализации – это основополагающие идеи на уровне общественной идеологии, руководствуясь которыми законодатель определяет круг человеческих поступков, относимых в конкретных исторических условиях к преступлениям.

Правильно подчеркивая идеологический характер критериев криминализации, А. М. Яковлев пишет: «Криминализацию деяний в самой общей форме можно определять как социальный и правовой процесс выявления тех видов индивидуальных актов поведения, которые представляют опасность для господствующих общественных отношений, и отнесение их в законе к числу преступных, уголовно наказуемых, противоправных. Характер данного процесса зависит от элемента общественного (классового) сознания, который составляет социальную (общественную, государственную) шкалу ценностей».⁷⁴ В советской юридической литературе имели место довольно удачные попытки дать перечень критериев криминализации. В качестве важнейшего, всеми признаваемого критерия криминализации является оценка человеческого поведения как общественно опасного. Характер общественной опасности прежде всего зависит от ценности того блага, которому причиняется ущерб,

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 131.

⁷¹ Там же. С. 132.

⁷² Злобин Г. А. Основания и принципы уголовно-правового запрета // Советское государство и право, 1980. № 1. С. 71.

⁷³ Там же. С. 76.

⁷⁴ Яковлев А. М. Социальные функции процесса криминализации // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 95.

конкретным человеческим поступком, т. е. от ценности тех или иных общественных отношений.

При помощи норм уголовного права охраняются наиболее важные социалистические отношения, такие, как общественный строй СССР, его политическая и экономическая системы, социалистическая собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, социалистический правопорядок (ст. 7 УК РСФСР).

Другие общественные отношения охраняются при помощи других мер воздействия, а не путем применения наказания. Посягательства на них не считаются преступлениями. Например, нарушение правил уличного движения влечет административную ответственность, нарушение правил, регулирующих порядок в местах общего пользования в коммунальной квартире, – моральную или гражданско-правовую. Ценность той или иной группы общественных отношений определяется законодателем на момент принятия закона в зависимости от конкретных условий жизни общества в той или иной период. Например, до 1940 г. трудовая дисциплина на предприятиях не была объектом уголовно-правовой охраны. В предвоенные годы значение этих общественных отношений резко возросло, и поэтому законодатель считает необходимым установить уголовную ответственность за прогул и самовольный уход с предприятия.

Кроме ценности блага при решении вопроса о признании или непризнании деяния преступлением учитывается характер посягательства, т. е. способ, которым причиняется ущерб. Преступлениями признаются только такие посягательства, которые по своим объективным свойствам могут причинить существенный вред охраняемому благу. Например, имущественным правам граждан, которые рассматриваются как объект посягательства, могут причинить ущерб деяния, носящие характер кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, вымогательства, уничтожения или повреждения. Эти деяния законом признаются преступными. Но вред имущественным правам граждан может быть причинен деяниями, носящими другой характер. Например, неуплата долга, пользование имуществом без разрешения собственника, некачественное выполнение заказа и т. д. Эти и другие подобного рода деяния законодатель не считает преступлениями. Или доведение до самоубийства или покушения на него считается преступлением, если это было сделано путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства. Доведение до самоубийства иным способом (подговор, прекращение брачных отношений и т. п.) не считается преступлением.

Немаловажное значение для отграничения преступного от не преступного имеют характер и размер причиненного вреда. Например, нарушение ветеринарных правил рассматривается как преступление в том случае, когда оно повлекло распространение эпизоотии или иные тяжкие последствия, потравы посевов и повреждение ползающих и иных насаждений влечет уголовную ответственность, если эти действия причинили значительный ущерб, и т. д. При наступлении иных последствий указанные действия преступлениями не являются.

Общественная опасность есть признак, относящийся к преступлению в целом, а не только к деянию. Поэтому в качестве одного из критериев оценки степени общественной опасности используется характеристика личности преступника. Ряд признаков, относящихся к личности преступника, влияет на отграничение преступных деяний от не преступных и оценку степени опасности преступлений одного и того же вида. Такими признаками являются возраст, должностное положение, устойчивость преступной установки. Уголовно-правовая политика исходит из необходимости различать степень общественной опасности деяний, совершенных взрослыми и несовершеннолетними. Деяния, совершенные лицами, не достигшими 14-летнего возраста, не считаются преступлениями. Лица в возрасте

от 14 до 16 лет отвечают только за совершение определенных видов преступлений, и только с 16 лет наступает уголовная ответственность за все деяния, предусмотренные уголовным законом. Естественно, что это не относится к таким случаям, когда преступление может быть совершено в возрасте старше 16 лет. Например, ответственность за вынесение заведомо неправосудного приговора наступает с 25-летнего возраста, так как судьями могут избираться лица, достигшие этого возраста; за воинские преступления ответственность наступает с 18 лет, так как военнослужащими могут быть только лица в возрасте 18 лет и старше. При решении этого вопроса учитываются: 1) возможность осознавать общественную значимость совершенного деяния; 2) объективная общественная опасность того или иного вида деяния; 3) распространенность деяний; 4) целесообразность применения уголовного наказания. Должностное положение лица в ряде случаев позволяет ему совершать такое общественно опасное деяние, которое не может быть совершено лицом, не занимающим такого положения, либо, будучи совершенным, не причиняет большого вреда охраняемым законом благам.

Так, за должностные преступления могут отвечать только должностные лица, за воинские преступления – только военнослужащие, за выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции – только директор предприятия, главный инженер, начальник ОТК и т. д.

Устойчивость преступной установки внешне проявляется в неоднократном совершении преступления. Уголовная политика ориентирует на необходимость учета этого обстоятельства. Некоторые деяния признаются преступными в случаях, когда они совершаются лицом систематически, в виде промысла, повторно или повторно после наложения административного взыскания. Например, незаконная охота рассматривается как преступление, если она имела место после применения мер административного воздействия за такие же действия (ст. 166 УК РСФСР).

На оценку общественной опасности преступления оказывает влияние характер психического отношения лица к своим действиям и последствиям этих действий. Советская уголовно-правовая политика в качестве одной из основополагающих идей провозглашает ответственность только за виновно совершенное деяние. В принципе уголовной ответственности подлежит лицо, совершившее общественно опасное деяние как умышленно, так и по неосторожности. В тех случаях, когда законодатель считает преступлением деяние, совершенное только умышленно, об этом либо делается оговорка в законе, либо состав формулируется таким образом, что из его анализа можно сделать безошибочный вывод о форме вины. Например, причинение телесного повреждения или нанесение побоев, повлекшее за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, считается преступлением только тогда, когда это деяние совершено умышленно (ст. 112 УК РСФСР).

Степень общественной опасности деяния зависит не только от наличия вины и формы ее, но также от цели, которую ставил перед собой преступник, и от мотива, которым он руководствовался, совершая деяние. Поэтому одно и то же деяние в зависимости от цели и мотива может быть преступлением, а может либо не быть им, либо подпадать под признаки другого состава преступления.

Например, скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы – преступление (спекуляция), аналогичные действия без этой цели преступлением не являются. Злоупотребление властью или служебным положением считается преступлением, если оно было совершено из корыстной или иной личной заинтересованности, и дисциплинарным проступком, если оно было совершено по другим мотивам.

Общественная опасность деяния зависит и от других обстоятельств, которые сопутствуют совершению деяния. Такими обстоятельствами могут быть время, место, обста-

новка, способ, характер средств совершения преступления. Эти обстоятельства учитываются законодателем при выработке составов преступлений. Например, мародерство может быть совершено только на поле сражения, хулиганство – только в общественных местах, вымогательство личного имущества является преступлением, если оно было совершено под угрозой насилия над личностью потерпевшего или его близких, оглашения о них позорящих сведений или истребления их имущества (ст. 148 УК РСФСР). Совершение деяния вне указанных в законе времени, места, обстановки и т. д. не считается преступлением.

Характер общественной опасности является наиболее важным, но не единственным критерием криминализации. «Конечно, – пишет И. М. Гальперин, – установление объективных социальных свойств деяния, характеризующих его как в высокой степени опасное с точки зрения охраны правопорядка, является необходимой предпосылкой для оценки законодателем такого деяния в качестве преступления. Решительный отказ от формального понятия преступления и признание того, что преступление – прежде всего деяние общественно опасное, имеют принципиальное значение. Но если преступление – это деяние, характеризующееся сравнительно высокой степенью общественной опасности, то отсюда еще не следует, что всякое такое деяние может и (или) должно признаваться преступлением».⁷⁵

Эта верная мысль находит подтверждение и в уголовном законодательстве (ст. 1 Основ, ст. 1 УК РСФСР), где говорится, что не все, а только определенный круг объективно общественно опасных деяний относится к преступлениям.

При решении вопроса об отнесении того или иного общественно опасного деяния к категории преступлений необходимо учитывать целесообразность применения уголовной репрессии для борьбы с этим видом деяний. Выше уже говорилось о тех принципиальных положениях, которыми руководствуются Коммунистическая партия и Советское государство при применении мер принуждения. В частности, такими принципиальными являются положения о том, что принуждение применяется к меньшинству и только тогда, когда большинство уже убеждено, и что принуждение применяется только тогда, когда поставленную задачу нельзя решить при помощи убеждения или других средств. Именно с такой ситуацией приходится сталкиваться при организации борьбы с некоторыми нежелательными, опасными для общества явлениями. К ним относятся, например, потребление спиртных напитков, потребление наркотических средств, проституция. Советский законодатель, понимая общественную вредность этих явлений, не считал возможным устанавливать за них уголовную ответственность, руководствуясь тем, что применение уголовного наказания в этих случаях неспособно обеспечить достижение тех целей, которые перед ним ставятся. Опыт борьбы с этими явлениями показал, что значительно больший эффект, чем применение чисто административных мер, дает разумная система экономических, медицинских, воспитательных и им подобных мероприятий. Коммунистическая партия и Советское государство используют и уголовно-правовую политику в борьбе с пьянством, наркоманией, проституцией, но не путем установления ответственности лиц, злоупотреблявших алкоголем, наркотиками, занимающихся проституцией, а путем наказания лиц, способствующих сохранению и распространению этого зла.

Так, в целях борьбы с пьянством и алкоголизмом установлена уголовная ответственность за изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки, за нарушение правил торговли спиртными напитками, за доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения. Уголовно-правовая борьба с наркоманией осуществляется путем наказания лиц, занимающихся незаконным изготовлением, приобретением, хранением, перевозкой или сбытом наркотических веществ, хищением наркотических веществ, склонением к

⁷⁵ Гальперин И. М. Уголовная политика и уголовное наказание // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 48.

потреблению наркотических веществ, посевами или выращиванием запрещенных к возделыванию культур, содержащих наркотические вещества, организацией или содержанием притонов для потребления наркотических веществ.

Уголовное законодательство предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией, за содержание притонов разврата и сводничество. Вопрос о целесообразности установления уголовной ответственности возникает не только в рассмотренных случаях. Уголовно-правовая политика ориентирует законодателя на желательность и необходимость отказа от установления уголовной ответственности во всех случаях, когда наказание не способно обеспечить достижение поставленных перед ним целей или когда задачу борьбы с какими-либо нежелательными для общества явлениями можно решить не наказанием, а иными мерами государственного и общественного воздействия.

При решении вопроса об установлении уголовной ответственности должен быть принят во внимание уровень правосознания советских людей. Н. А. Стручков пишет: «Политические решения и нормы права должны еще учитывать сложившееся общественное мнение... Обращает на себя внимание то обстоятельство, что общественное мнение по-разному относится к различным преступлениям и дает разную оценку, с одной стороны, преступности вообще и, с другой стороны, тем конкретным лицам, которые совершили преступления. Подавляющее большинство граждан искренне осуждают преступления, посягающие на жизнь, здоровье и достоинство людей, разбой и грабежи, хулиганство. Но нельзя сказать, что хищение государственного и общественного имущества, спекуляция, частнопредпринимательская деятельность вызывают столь же решительное и единодушное возмущение у граждан. Граждане порой склонны осудить преступление и в то же время пожалеть того, кто совершил это преступление... хулиганство вообще каждому представляется опасным, но человек, совершивший хулиганский поступок, если он хорошо знаком, вызывает жалость и эта жалость заслоняет порой абстрактно воспринимаемые интересы общества в целом».⁷⁶

Это высказывание по существу верно. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что Н. А. Стручков, говоря о необходимости учитывать общественное мнение, не проводит различия между уровнями общественного сознания. Известно, что общественное сознание существует в трех уровнях: идеологии, общественной психологии и обыденного или индивидуального сознания. Общественное сознание на уровне идеологии представляет собою совокупность научно обоснованных идей, выработанных Коммунистической партией на основе познания объективно действующих законов развития общества и полностью соответствующих им. Общественное сознание на уровне общественной психологии – это совокупность идей, выработанных в процессе практической деятельности людей и выражающих мнение подавляющего большинства граждан. Общественная психология – это не простая совокупность сознания отдельных индивидов (обыденное, индивидуальное сознание), а обобщенное выражение идей определенного класса, слоя населения.

Бытовое, индивидуальное сознание – это идеи, имеющие место в сознании отдельного индивида.

Эти методологические положения имеют прямое отношение и к такой форме общественного сознания, как правосознание. Советская уголовная политика, а вслед за ней уголовное законодательство и практика его применения базируются на правосознании идеологического уровня. В условиях советской действительности, для которой характерно совпадение коренных интересов личности и общества, правосознание на уровне идеологии, общественной психологии и обыденного сознания, как правило, совпадает по своему существу. Однако в силу различных причин (недостаточная воспитательная работа, укоренившиеся традиции и др.) между ними могут иметь место и противоречия. В этих случаях

⁷⁶ Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. С. 40–41.

и возникает вопрос о реакции уголовной политики на эти противоречия. Должна ли она ориентировать законодателя (а затем и правоприменяющие органы) на необходимость учета бытового правосознания и правосознания на уровне общественной психологии? В нашей советской литературе довольно часто на этот вопрос дается отрицательный ответ. Основной довод в пользу такого ответа приводится следующий: противоречие между правосознанием на уровне идеологии, с одной стороны, общественно-психологическим и бытовым правосознанием, с другой, означает, что отдельные граждане (когда речь идет об индивидуальном сознании) или большинство граждан (когда речь идет об общественно-психологическом сознании) не поднялись еще до научного понимания правовых идей, что их уровень правосознания свидетельствует об отсталости их правовых взглядов от взглядов Коммунистической партии и Советского государства. «Подчинение деятельности судебных органов и органов, ведающих исправительно-трудовым делом, целям возмездия, может быть, и удовлетворит чувство справедливости людей отсталых, но не будет соответствовать понятию о справедливости социалистической морали».⁷⁷ Право же не должно опускаться до уровня сознания «отсталых» людей, а должно поднимать их сознание до уровня идеологии. В принципе это положение правильное. Право должно не просто фиксировать то, что имеется в действительности, но и вести общество вперед. Совершенно очевидно поэтому, что советская уголовная политика в процессе ее формирования и реализации не может ориентироваться на обыденное, индивидуальное правосознание, хотя бы в силу практической невозможности сделать это. Взгляды конкретных людей на правовые идеи, на организацию борьбы с преступностью, на уголовное право, на систему наказаний и т. д. настолько различны, что учесть их (даже при рассмотрении конкретного дела) совершенно невозможно.

Но как быть, если имеет место несовпадение правосознания на уровне общественной психологии и правосознания на уровне идеологии, т. е. когда идеи, соответствующие сознанию большинства советских граждан, не полностью совпадают с научно обоснованными идеями? Думается, что уголовная политика не может не учитывать этого обстоятельства.

Истории Коммунистической партии и Советского государства известны случаи, когда та или иная важная проблема решалась не так, как в принципе полагала ее решить партия, а так, как решение ее соответствовало уровню общественной психологии. Например, наша партия всегда выступала за национализацию земли и передачу ее в руки государства. Однако после революции земельная проблема была первоначально решена по-иному: была отменена помещичья собственность на землю и земля перешла в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. Это было сделано потому, что идея национализации земли в то время не поддерживалась большинством крестьян, которые стремились получить землю в свою собственность. В. И. Ленин говорил по этому поводу на II Всероссийском съезде Советов Р. и С. Д.: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но как демократическое правительство мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны».⁷⁸ Точно так же обстоит дело с учетом «отсталого» правосознания трудящихся. Мы не можем забывать, что «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества».⁷⁹ Поэтому при разработке уголовной политики Коммунистическая партия и Советское государство исходят из учета правосознания на уровне идеологии и вместе с тем реально

⁷⁷ Курс советского уголовного права. В 6 т. / Под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. М., 1970. Т. 3. С. 37.

⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 27.

⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 19.

существующего правосознания масс, т. е. правосознания на уровне общественной психологии.

М. И. Калинин писал в свое время: «Судебный приговор не должен резко расходиться с мнением и правовым чувством народа на данное преступление и данное наказание, ибо в противном случае он не окажет воспитательного и политического влияния».⁸⁰

Правовая психология трудящихся должна учитываться не только при разрешении конкретных дел, но и при конструировании законодательства, т. е. в момент, когда решается вопрос о криминализации деяний. Совершенно правильно писал И. Е. Фарбер: «Всякое наказание вызывает в общественной психологии различные правовые чувства: стыд, страх, сострадание, одобрение, осуждение и пр. При конструировании законодательной нормы надо знать, на возбуждение или массовое распространение каких именно правовых эмоций следует в первую очередь ориентироваться. Эта сторона дела при осуществлении карательной политики находится в тени, и у нас мало задумываются над тем, какую психологическую реакцию вызывают данный вид и мера наказания в массовом правосознании. Поэтому теория наказания, исключая анализ психологического, эмоционального отношения граждан к наказанию, лишает себя возможности научного обоснования конкретных мер наказания».⁸¹

В процессе криминализации учитываются и иные критерии.

В. И. Курляндский писал, что критерии криминализации относятся к характеристике общественной опасности деяния, а также к характеристике обстоятельств, не связанных с общественной опасностью человеческого поступка. «Важно выяснить, – говорил он, – каковы те критерии, которые должны учитываться законодателем при дифференциации преступления и проступка, а следовательно, уголовной и иной правовой ответственности... Большинство из таких критериев (во всяком случае наиболее значимых) непосредственно связаны с характером общественной опасности деяния...

Критерии, которые... можно именовать не связанными с общественной опасностью деяния и которые должны учитываться в правотворческой деятельности государства при принятии уголовных законов, в свою очередь, условно можно разделить на три группы: а) социальные; б) экономические; в) иные...»⁸²

Н. И. Загородников, раскрывая критерии криминализации поступков, отмечает: «При решении этих вопросов в основе лежит характер, значимость тех социальных ценностей, которым данное деяние причиняет вред. Учитываются также и реальное восприятие той или иной социальной ценности общественным правосознанием, традиционный подход к оценке того или иного социального блага...

При разрешении вопроса, почему именно в данное время, в данных исторических условиях те или иные общественные отношения должны быть поставлены под защиту не права вообще, а именно уголовного права, уголовная политика опирается на социальный опыт деятельности правоприменительных органов, учитывает потребности социалистического строительства, чутко прислушивается к общественному правосознанию».⁸³

Анализ законодательной деятельности Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик позволяет сделать вывод, что важнейшими критериями при решении вопроса об отнесении конкретного вида человеческого поведения к преступлениям являются:

⁸⁰ Калинин М. И. О социалистической законности. М., 1959. С. 87–88.

⁸¹ Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. С. 94.

⁸² Курляндский В. И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 82.

⁸³ Загородников Н. И. Советская уголовная политика. С. 52.

- 1) оценка поведения как общественно опасного;
- 2) признание поведения противоречащим социалистической морали и осуждаемым подавляющим большинством советских граждан;
- 3) констатация факта, что борьба с таким поведением возможна только путем применения уголовного наказания и использования иных мер принуждения и убеждения для этой цели недостаточно;
- 4) установление того обстоятельства, что наказание по своим объективным качествам способно обеспечить достижение целей, поставленных перед ним Советским государством.

Процесс криминализации и декриминализации не заканчивается принятием уголовного законодательства, предусмотренного Конституцией СССР и Конституциями союзных республик, т. е. Основ уголовного законодательства Союза ССР, законов об ответственности за государственные и воинские преступления, уголовных кодексов союзных республик. Он идет постоянно. Практика развития уголовного законодательства знает немало случаев, когда ранее не наказуемые в уголовном порядке деяния впоследствии признавались законодателем преступлениями. Это явление объясняется следующими причинами:

- а) повышением общественной опасности определенных деяний;
- б) необходимостью устранения пробелов законодательства;
- в) появлением новых общественных отношений, требующих охраны при помощи норм уголовного права.

Так, в УК РСФСР 1960 г. предусмотрена уголовная ответственность за такие деяния, которые не считались преступными по УК РСФСР 1926 г., как злостное уклонение от оказания помощи родителям (ст. 123), злоупотребление опекунами обязанностями (ст. 124), недобросовестное отношение к охране государственного или общественного имущества (ст. 100), пропаганда войны (ст. 71), воспрепятствование совершению религиозных обрядов (ст. 143) и др.

После принятия УК РСФСР 1960 г. были признаны преступлениями разглашение тайны усыновления (ст. 124), уклонение от лечения венерической болезни (ст. 115), действия, дезорганизующие работу ИТУ (ст. 77), преступно-небрежное использование и хранение сельскохозяйственной техники (ст. 99), приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов (ст. 152), распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190), надругательство над Государственным гербом или флагом (ст. 190²), нарушение правил торговли (ст. 156³), незаконное обучение каратэ (ст. 219) и др.

На развитие уголовного законодательства оказывают влияние не только общие закономерности, определяющие это развитие, но и те условия общественной жизни, в которых оно происходит.

Наиболее характерным явлением современного периода жизни человеческого общества является то, что развитие его происходит в условиях научно-технической революции. «За истекшую четверть века НТР проделала громадный путь, который складывается из ряда выдающихся научных открытий и технических изобретений. Из них мы выделим только четыре, как создающие целые эпохи в развитии современной науки и техники: это прорыв в мир атомного ядра и открытие способа технического использования атомной энергии (начиная с середины 90-х годов XIX века); прорыв в область самоуправляемых устройств и создание кибернетики (начиная с конца 40-х годов XX века); прорыв в космос и открытие способов овладения им (начиная с 1957 года); прорыв в мир материальных носителей наследственности и создание современной генетики (начиная с 60-х годов XX века)».⁸⁴ Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев говорил: «Ускорение научно-технического

⁸⁴ Кедров Б. О научных революциях // Наука и жизнь. 1975. № 12. С. 11.

прогресса партия рассматривает как главное направление своей экономической стратегии, основной рычаг интенсификации народного хозяйства и повышения его эффективности, и значит и решения важнейших общественных вопросов. Задачи развертывания научно-технического прогресса столь неотложны, что действовать надо не теряя времени. Они охватывают широкий круг текущих и перспективных проблем – экономических, организационных, социальных, развития культуры и образования, деятельности верхних эшелонов управления и каждого звена народного хозяйства. Они касаются каждого коллектива, каждого коммуниста, каждого советского человека».⁸⁵ Научно-техническая революция означает не просто очень быстрое по сравнению с предыдущими периодами жизни человечества развитие техники, а глубокую перестройку всей материально-технической базы общества, что сказывается на всей социальной жизни.

Если век пара, а затем век электричества привели к могучим сдвигам в жизни человечества, то неизмеримо более могучие перевороты происходят и ожидаются в век атомной энергии и развития химии. Научно-техническая революция накладывает отпечаток на все стороны социальной жизни, в том числе на деятельность государства и функционирование права.

Буржуазные социологи, криминологи и юристы, пытаясь объяснить быстрый рост преступности в развитых капиталистических странах и снять ответственность за этот рост с самого буржуазного общества, указывают как на непосредственную причину роста преступности на научно-технический прогресс и связанные с ним социальные последствия, такие, в частности, как миграция населения, рост городов, увеличение техники и т. д. Совершенно очевидна несостоятельность подобных утверждений. Научно-техническая революция, в частности выдающиеся достижения людей в области использования атомной энергии, исследования космического пространства, достижения в области химии и биологии, – это прогрессивные явления в жизни человечества, создающие замечательные перспективы для его дальнейшего развития.

Вместе с тем научно-техническая революция влечет за собой некоторые отрицательные социальные последствия, которые оказывают определенное влияние и на состояние преступности и вызывают необходимость решительной борьбы с ними. Принципиальное отличие между капиталистическим и социалистическим строем в плане организации такой борьбы заключается в том, что при социализме имеются все необходимые объективные и субъективные возможности для устранения влияния отрицательных последствий научно-технической революции, при капитализме же в силу бесплановости ведения хозяйства и действия закона, выражающегося в стремлении к получению сверхприбылей, успешная борьба с указанными последствиями практически невозможна.

Задача советского уголовного права в условиях научно-технического прогресса заключается в охране новых отношений, возникающих в новых условиях, и в борьбе с отрицательными социальными последствиями, сопровождающими научно-технический прогресс.

Устранение отрицательных последствий научно-технического прогресса не только и не столько задача уголовного права. Главное в решении этой проблемы – не применение наказания, а улучшение работы по подготовке и повышению квалификации руководителей производственных коллективов, технической грамотности лиц, чья деятельность связана с использованием новейшей техники, по организации разумного использования свободного времени, по культурному воспитанию трудящихся и т. д.

Однако и уголовное право может принести пользу в борьбе с различного рода отрицательными явлениями. В условиях научно-технического прогресса внимание органов и лиц,

⁸⁵ Коренной вопрос экономической политики партии: Доклад товарища М. С. Горбачева на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса. 11 июня 1985 года // Коммунист. 1985. № 9. С. 13.

создающих и применяющих уголовно-правовые нормы, должно быть обращено на следующие области уголовно-правовой борьбы:

- а) управление коллективами и производственными процессами;
- б) использование технических средств;
- в) производство экспериментов, связанных с возможностью причинения вреда;
- г) охрана природной среды;
- д) борьба с новыми видами преступлений.

В период бурного развития науки и техники значительно усложняется руководство коллективами и производственными процессами. В проекте новой редакции Программы партии говорится: «КПСС придает большое значение совершенствованию работы государственного аппарата, всех органов управления. Советский аппарат служит народу и подотчетен народу. Он должен быть квалифицированным и оперативным. Следует добиваться упрощения и удешевления управленческого аппарата, устранения штатных излишеств, настойчиво искоренять проявления бюрократизма и формализма, ведомственности и местничества, без проволочек освобождаться от некомпетентных и безынициативных работников. Недобросовестность, злоупотребление служебным положением, карьеризм, стремление к личному обогащению, семейственность и протекционизм должны решительно пресекаться и сурово караться».⁸⁶ Действующее законодательство предусматривает сейчас уголовную ответственность за такие деяния, как злоупотребление властью или служебным положением (ст. 170 УК РСФСР), превышение власти или служебных полномочий (ст. 171 УК РСФСР), халатность (ст. 172 УК РСФСР), приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов (ст. 152 УК РСФСР), должностной подлог (ст. 175 УК РСФСР) и др.

Очень важное значение приобретает сейчас изготовление продукции высокого качества. В новой редакции Программы КПСС (проект) говорится: «В центре экономической политики партии всегда будет находиться всемерное **повышение технического уровня и качества продукции**. Советская продукция должна воплощать в себе последние достижения научной мысли, соответствовать самым высоким технико-экономическим, эстетическим и другим потребительским требованиям, быть конкурентоспособной на мировом рынке. Повышение ее качества – надежный путь более полного удовлетворения потребностей страны в необходимых изделиях и растущего спроса населения на разнообразные товары. Низкое качество, брак – это растрата материальных ресурсов и труда народа. Партия будет активно поддерживать борьбу за честь советской марки. Качество продукции должно быть предметом профессиональной и патриотической гордости».⁸⁷

В настоящее время разработаны общие принципы комплексной системы управления качеством продукции (КСУКП) на основе стандартизации. Новая двенадцатая пятилетка должна быть пятилеткой качества продукции.

Поэтому самым решительным образом должен применяться Закон об уголовной ответственности лиц, виновных в выпуске недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции (ст. 152 УК РСФСР).

В настоящее время есть все основания отнести такие преступления, как выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции, приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов, злоупотребление властью или служебным положением при отягчающих обстоятельствах, к числу тяжких преступлений. Эти деяния представляют не меньшую общественную опасность, чем, например, умышленное уничтожение личного имущества граждан при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 149 УК

⁸⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза (новая редакция). Проект. М., 1985. С. 48.

⁸⁷ Там же. С. 28.

РСФСР), спекуляция при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 154 УК РСФСР) и некоторые другие, которые законодателем отнесены к тяжким.

При практическом применении норм, карающих за преступления в области управления, следует в качестве дополнительного наказания значительно шире, чем сейчас, применять увольнение от должности и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Одной из важных сторон научно-технической революции является бурное развитие техники во всех областях народного хозяйства. К сожалению, далеко не всегда имеются необходимые условия для использования этой техники. Например, быстрыми темпами растет в стране автомобильный парк. Безопасное использование его требует наряду с другими условиями идеального состояния дорог и дорожного хозяйства. Но даже и в этих условиях техника не перестает быть источником повышенной опасности. Задача уголовного права заключается в решительной борьбе с нарушениями в области использования техники, которые нередко связаны с причинением ущерба жизни, здоровью граждан, социалистическому и личному имуществу.

В целях борьбы с такими нарушениями установлена уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного или воздушного транспорта (ст. 85 УК РСФСР), повреждение путей сообщения и транспортных средств (ст. 86 УК РСФСР), нарушение правил охраны труда (ст. 140 УК РСФСР), нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами (ст. 211 УК РСФСР), нарушение действующих на транспорте правил (ст. 213 УК РСФСР), нарушение правил по безопасности при производстве горных, строительных работ и работ на взрывоопасных предприятиях и во взрывоопасных цехах (ст. 214, 215, 216 УК РСФСР) и некоторые другие.

Требование усиления борьбы с нарушениями в области использования техники вызвало необходимость установить уголовную ответственность за такие действия, как управление транспортными средствами в состоянии опьянения (ст. 211¹ УК РСФСР) и выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств (ст. 211²).⁸⁸

Использование этих норм позволяет успешно бороться с нарушениями в области использования технических средств. Вместе с тем необходимость повышения эффективности уголовно-правовой борьбы в этой области требует решения некоторых теоретических и практических проблем.

Прежде всего требует усовершенствования действующее законодательство. В настоящее время чрезвычайно сложной представляется задача практического отграничения состава преступления, предусмотренного ст. 140 УК РСФСР (нарушение правил охраны труда), и составов преступлений, предусмотренных ст. 214 УК РСФСР (нарушение правил безопасности горных работ), ст. 215 УК РСФСР (нарушение правил при производстве строительных работ) и ст. 216 УК РСФСР (нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах). Во всех этих статьях наряду с ответственностью за другие действия предусмотрена ответственность за нарушения правил по технике безопасности, которые повлекли гибель людей или причинили вред их здоровью. Поэтому не ясно, когда должна применяться ст. 140 УК РСФСР, а когда другие статьи. По общему правилу, когда имеется общая статья и специальная статья, то действия, подпадающие под признаки последней, должны по ней и квалифицироваться. Применение этого правила в данном случае привело бы к неясности, ибо нарушение техники безопасности, причинившее телесные повреждения, по ст. 140 УК РСФСР наказывается лишением свободы на срок до трех лет, а по ст. 214, 215 и 216 УК РСФСР – лишением свободы на срок до 1 года.

⁸⁸ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1972. № 51. Ст. 1207; 1982. № 4. Ст. 1821.

Нет необходимой ясности и в отграничении ст. 216 УК РСФСР, с одной стороны, и ст. 214, 215 УК РСФСР, с другой, поскольку взрывоопасные предприятия и цехи встречаются при производстве и горных, и строительных работ.

Вопрос о более четком отграничении этих преступлений должен быть разрешен в законодательном порядке. Требуется уточнения субъекта преступления в области использования технических средств. Статья 140 УК РСФСР в качестве субъекта нарушения правил охраны труда называет только должностных лиц, в ст. 214, 215 и 216 УК РСФСР субъект не называется, что вызывает споры при применении этих статей. Решая вопрос о субъекте этих и иных преступлений в области использования техники, необходимо учитывать, что в настоящее время управление даже очень мощными техническими агрегатами может осуществляться одним человеком (рабочим, техником, инженером), который в силу этого не может считаться должностным лицом. Поэтому целесообразно и справедливо субъектом нарушения правил безопасности пользования техническими средствами считать любое лицо (должностное и не должностное), чья деятельность связана с управлением техническими средствами.

Сложности возникают (и чем дальше, тем больше будут возникать) в связи с решением вопросов о субъекте ответственности в случае причинения ущерба техническими агрегатами, работающими в автоматическом режиме. Отклонение от режима (взрыв, пожар, внезапная остановка, утечка газа и т. д.), которое причинило вред, может находиться в очень далекой зависимости от деятельности людей, которые создавали этот агрегат, запускали его в работу, ремонтировали его, контролировали его деятельность и т. д. В каких случаях и кто должен отвечать за наступившие вредные последствия? Должен ли отвечать, например, конструктор, допустивший небольшой просчет при разработке конструкции, который в последующем привел к тяжелым последствиям? Думается, что и в этих случаях должны сохранять свою силу общие принципы уголовного права: ответственность только за виновно причиненный результат. Более четкое решение этого вопроса требует внимательного теоретического анализа.

Действующее ныне законодательство нуждается в дополнениях, поскольку оно предусматривает ответственность за нарушение только в определенных областях использования техники (транспорт, механизмы, используемые при производстве горных и строительных работ, и некоторые другие). А известно, что техника, которая может и должна быть отнесена к источникам повышенной опасности, сейчас имеется почти во всех областях народного хозяйства. Поэтому представляется целесообразным включение в главу УК РСФСР «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» (и в соответствующие главы УК других союзных республик) общей статьи, предусматривающей ответственность за нарушение правил использования технических средств, которые повлекли гибель людей, причинение вреда здоровью или иные несчастные случаи с людьми. Наконец, требует теоретического рассмотрения вопрос о субъективной стороне преступлений, выражающихся в нарушении правил использования техники; представляется, что такого рода нарушения, если они были совершены с умыслом на причинение смерти или телесных повреждений, должны рассматриваться как преступления против личности и квалифицироваться по соответствующим статьям главы третьей Особой части УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик).

Субъективная сторона нарушений правил использования технических средств должна выражаться только в неосторожности.

В советской литературе в последнее время высказывались соображения о необходимости пересмотра содержания неосторожной вины. Так, М. Д. Шаргородский предлагал, с одной стороны, сузить понятие неосторожной вины, а с другой – расширить его.

Закон (ст. 9 Основ, ст. 9 УК РСФСР) не включает в содержание неосторожности психическое отношение к действию (бездействию), ограничивая его отношением к общественно опасным последствиям.

По этому же закону ответственность за небрежность наступает только в случаях, если лицо могло и должно было предвидеть возможность наступления вредных последствий. М. Д. Шаргородский считал, что «представляется еще более обоснованной, чем ранее, необходимость определения неосторожности в форме небрежности таким образом, чтобы ответственность имела место, как в случаях, когда человек мог предвидеть наступление общественно опасных последствий, так и в случаях, когда он должен был их предвидеть».⁸⁹

Вряд ли с этими предложениями можно согласиться. Включение в содержание неосторожной вины осознания недозволённости деяния исключает ответственность за все действия, совершенные по небрежности, так как жизнь знает очень много случаев, когда лицо совершает деяние, не сознавая его недозволённости. Указанная в законе форма психического отношения человека к своим действиям и последствиям своих действий не выдумка юристов, а научная констатация реальных процессов, протекающих в сознании человека.

Оснований для исключения ответственности за действия, совершенные по небрежности, сейчас, когда больше чем ранее требуется побуждать людей к внимательному анализу своих действий, нет никаких.

С другой стороны, возлагать ответственность на лицо, когда оно должно было предвидеть возможность наступления вредных последствий, но не могло этого сделать, означает признание возможности объективного вменения. М. Д. Шаргородский, обосновывая свою позицию, писал: «Человек в современном обществе должен отвечать за то, что он принимает на себя ответственность за деятельность или действия, с последствиями которых он справиться не в состоянии».⁹⁰ Это верно. Но дело в том, что очень часто человек, принимаясь за какое-то дело, полностью убежден, что он с ним справится. Например, человек окончил курсы шоферов и успешно прошел квалификационную комиссию. Он сам был убеждён, а решение комиссии подтвердило эту убежденность, что он готов выполнять функции водителя. В чем же можно упрекать его, если он впоследствии допустил нарушение правил безопасности движения автотранспорта, не сознавая этого, не предвидя последствия своих действий и не имея возможности их предвидеть? Думается, что оснований для упрека, и тем более уголовно-правового, здесь нет.

Никакой прогресс в области науки и техники невозможен без научного эксперимента. Эксперимент – это такая деятельность, которая всегда связана с определенным риском: эксперимент может быть удачным и неудачным. Неудачный эксперимент может вызвать последствия, ответственность за причинение которых предусмотрена уголовным законодательством: смерть людей, причинение вреда здоровью, уничтожение и повреждение имущества и другие. Тяжелые последствия могут наступить при экспериментах с атомной энергией, с трансплантацией человеческих органов с исследованием химических реакций и т. д. Во имя прогресса человечества люди сознательно идут на эксперимент, сознавая возможность наступления нежелательных последствий.

Если формально подойти к оценке неудачного эксперимента, повлекшего тяжкие последствия, то его почти всегда можно оценить как преступление, совершенное по неосторожности. Действительно, всякий, ставящий эксперимент, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, но надеется на их предотвращение или не предвидит возможность их наступления, но мог и должен был их предвидеть (конечно, при научном

⁸⁹ Шаргородский М. Д. Научный прогресс и уголовное право // Советское государство и право. 1969. № 12. С. 90.

⁹⁰ Там же. С. 91.

эксперименте могут иметь место и последствия, которые невозможно было предвидеть). Очевидно, что так подходить к оценке экспериментаторской деятельности людей нельзя.

Всем понятно, что эксперимент – это общественно полезная деятельность. Но понятно также и то, что эксперимент и связанный с ним риск можно считать обоснованным только тогда, когда он базируется на глубоких теоретических знаниях, на предыдущих экспериментах. Не может быть допущен эксперимент, если надежда на его успех основана лишь на предположениях экспериментатора, не подтвержденных научными данными, если детали его не проверены на практике. Такой эксперимент, если он привел к наступлению предусмотренных уголовным законом общественно опасных последствий, не может быть признан общественно полезным, а «экспериментатор» должен отвечать в уголовном порядке.

В уголовном законодательстве (а первоначально в теории уголовного права) должен быть решен вопрос: когда эксперимент должен рассматриваться как деятельность общественно полезная и поэтому не влекущая уголовной ответственности, а когда эксперимент выходит за рамки дозволенного и лицо, причинившее в ходе эксперимента общественно опасные последствия, должно привлекаться к уголовной ответственности. Неудачный эксперимент не подпадает под признаки предусмотренных законодательством обстоятельств, исключающих общественную опасность деяния (необходимая оборона, крайняя необходимость, меры по задержанию преступника). При необходимой обороне ущерб причиняется для защиты от общественно опасного нападения, при задержании преступника – для задержания и привлечения к ответственности преступника, при крайней необходимости – для спасения блага, которому угрожает опасность). Ничего этого нет при эксперименте. Следовательно, научный эксперимент должен рассматриваться как самостоятельное обстоятельство, исключающее общественную опасность деяния. Задача сейчас заключается в том, чтобы определить, а затем законодательно закрепить пределы и условия научно обоснованного эксперимента.

В качестве одного из отрицательных последствий научно-технической революции является громадный вред, который наносится природе.

«Научно-технический прогресс должен быть нацелен на радикальное улучшение **использования природных ресурсов, сырья, материалов, топлива и энергии...** Ресурсосбережение станет решающим источником удовлетворения прироста потребностей народного хозяйства в топливе, энергии, сырье и материалах».⁹¹

Вопрос «О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов» специально обсуждался на третьей сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва (июль 1985 г.). В постановлении, принятом по этому вопросу, указывалось, что «...последовательное осуществление в нашей стране мер по выполнению требований правоохранительного законодательства позволило в целом уменьшить выброс вредных веществ в атмосферу стационарными источниками, сократить сброс в водоемы загрязненных сточных вод, увеличить объем оборотного и последовательного водоснабжения. Снизился уровень загрязнения внутренних и территориальных вод страны. Улучшились использование и охрана земли, недр, лесов и животного мира, продолжает развиваться сеть заповедников и других особо охраняемых территорий».⁹² Принимаются меры по дальнейшему совершенствованию природоохранительного законодательства: вступили в силу Основы лесного законодательства Союза ССР и союзных республик, Законы СССР об охране атмосферного воздуха, об охране и использовании животного мира. На основе законодательства Союза ССР и союзных республик приняты Земельный, Водный, Лесной кодексы, Кодекс о недрах.

⁹¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза (новая редакция). Проект. С. 28.

⁹² Ведомости Верховного Совета СССР. 1985. № 27. Ст. 479.

Вместе с тем в области охраны природы предстоит еще решить много задач. Нерациональное использование природных богатств, загрязнение атмосферы и водных бассейнов, истребление и уничтожение животного и растительного мира – таковы социально вредные последствия научно-технического прогресса. Требуются решительные меры по спасению окружающей землю природной среды. Верховный Совет СССР в постановлении от 3 июля 1985 г. признал необходимым «...принятие дополнительных экономических, организационных, правовых и иных мер по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов, улучшению окружающей человека среды и безусловному соблюдению законодательства в этой области. При решении проблем развития народного хозяйства исходить из приоритета охраны здоровья настоящего и будущего поколений советских людей, создания наилучших условий для их жизни, нацелить на это научно-технический прогресс, обеспечить переход на ресурсосберегающие технологии, наиболее полно и бережно использовать природные богатства, полученные из них сырье, материалы, продукцию».⁹³ В Советском Союзе наряду с другими мерами при решении этой задачи используется и советское уголовное право. УК РСФСР и УК других союзных республик предусматривают уголовную ответственность за нарушение ветеринарных правил (ст. 160 УК РСФСР), нарушение правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 161 УК РСФСР), незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами (ст. 163 УК РСФСР), производство лесосплава или взрывных работ с нарушением правил охраны рыбных запасов (ст. 165 УК РСФСР), незаконную охоту (ст. 166 УК РСФСР), незаконную порубку леса (ст. 169 УК РСФСР), загрязнение воздуха и водоемов (ст. 223 УК РСФСР) и ряд других действий, причиняющих ущерб природе. Уголовное законодательство в этой области постоянно развивается. Так, в 1972 г. установлена уголовная ответственность за продажу, скупку, обмен шкур пушных зверей (ст. 166 УК РСФСР), в 1974 г. – за нарушение законодательства о континентальном шельфе (ст. 167¹ УК РСФСР) и за загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря (ст. 223 УК РСФСР).

Уголовное законодательство СССР, направленное на охрану природы, достаточно обширно, однако практика его применения страдает существенными недостатками. Основной из них – недооценка общественной опасности нарушений в области охраны природы и отсюда необоснованное освобождение от уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших преступления в этой области.

Заместитель председателя Верховного Суда СССР Е. А. Смоленцев в докладе на Пленуме Верховного Суда обратил внимание «на факты недооценки мер уголовного принуждения в отношении лиц, виновных в загрязнении водоемов и воздуха, и в некоторых других преступлениях».⁹⁴

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1983 г. «О практике применения законодательства об охране природы» отмечены существенные ошибки и недостатки, которые допускались судами при применении законов, направленных на охрану природы от преступных посягательств, как-то: не всегда выявляются и привлекаются к ответственности все лица, в частности организаторы, подстрекатели и пособники, виновные в совершении таких преступлений; допускаются послабления в наказании виновных; несмотря на наличие оснований, не решается вопрос о лишении их права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.⁹⁵

Научно-техническая революция порождает новые отношения, требующие уголовно-правовой охраны, повышает общественную опасность некоторых деяний, что прак-

⁹³ Там же.

⁹⁴ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1983. № 4. С. 4.

⁹⁵ Там же. С. 7.

тически ведет к появлению новых составов преступлений в национальном законодательстве различных государств.

Программа мира, разработанная и осуществляемая КПСС, несомненно приведет к существенной разрядке международной напряженности, к установлению более добрососедских отношений между государствами с различным общественно-политическим строем. Это дает и будет давать возможность одновременно во многих странах вести уголовно-правовую борьбу с явлениями, причиняющими ущерб странам и народам. Именно поэтому новой тенденцией в развитии уголовного законодательства в нашей стране будет появление уголовных законов, принятых на основе международных конвенций. В настоящее время СССР является участником ряда международных конвенций, предусматривающих уголовно-правовую борьбу с различного рода явлениями. Например, конвенций об охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 г., о пресечении обращения порнографических изданий от 4 мая 1901 г., о борьбе с распространением и торговлей порнографическими изданиями от 7 августа 1924 г., о столкновении судов на море и оказании помощи и спасении на море от 23 сентября 1910 г., о борьбе с подделкой денежных знаков от 20 апреля 1929 г., о преступлениях против общепринятых законов и обычаев ведения войны и о наказании военных преступников, о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (ратифицирована СССР в июле 1970 г.), о пресечении преступлений апартеида и наказании за него (1975 г.), о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1975 г.), и др.

На основании международных соглашений в уголовные кодексы включены составы: запрещение пропаганды войны (ст. 71 УК), изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 87 УК), неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие (ст. 129 УК), подделка знаков почтовой оплаты (ст. 159 УК), незаконное пользование знаком Красного Креста и Красного Полумесяца (ст. 202 УК), неоказание помощи при столкновении судов или несообщение названия судна (ст. 204 УК), повреждение морского кабеля (ст. 205 УК), угон воздушного судна (ст. 228 УК) и некоторые др.

Представляется, что перечень таких составов преступлений будет постоянно расширяться. Вполне мыслимо установление уголовной ответственности в международном масштабе за такие деяния, как нарушение правил полета космических кораблей, неоказание помощи в космическом пространстве, заражение природных объектов атомной радиацией, нарушение правил захоронения отходов атомного производства, международный терроризм и т. д.

Одновременно с процессом криминализации идет процесс декриминализации определенных действий людей. «Наряду с процессом криминализации общественно опасных действий, – отмечает Н. И. Загородников, – советская уголовная политика также вырабатывает направления и пути их декриминализации. Это объясняется тем, что с изменением характера некоторых общественных отношений отпадает необходимость в их защите мерами и средствами уголовного права».⁹⁶

Процесс декриминализации не базируется на каких-либо присущих только ему критериях. Он противоположен процессу криминализации, и поэтому отпадение критериев, послуживших основанием для криминализации деяния, есть основание для его декриминализации, т. е. для признания его не преступным и не наказуемым в уголовном порядке.

Процесс декриминализации расширяется и углубляется в связи с принятием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях уже в большинстве союзных республик (в РСФСР Кодекс об административных правонарушениях вступил в силу с 1 января 1985 г.). Естественно, что ряд преступлений, не пред-

⁹⁶ Загородников Н. И. Советская уголовная политика. С. 53.

ставляющих большой общественной опасности, будет переходить в разряд административных правонарушений. Министр юстиции СССР Б. В. Кравцов в докладе на Всесоюзном совещании «Связь юридической науки и практики» говорил: «...с учетом принятия Основ и кодексов об административных правонарушениях большую пользу принесет... разработка предложений о декриминализации некоторых преступлений, не представляющих большой общественной опасности.⁹⁷ В печати уже внесен ряд предложений по этому вопросу.⁹⁸

Наблюдающееся углубление процесса декриминализации и депенализации (которая является шагом по пути к декриминализации) вызвало полемику по вопросу о классификации общественно опасных деяний».

В советской литературе высказано мнение, что все правонарушения, не влекущие уголовной ответственности, необходимо выделить в совокупность административных правонарушений и сконцентрировать их в кодексе административных правонарушений (Кодексе законов об административной ответственности).⁹⁹

Вряд ли можно согласиться с предложением о включении всех правонарушений, кроме преступлений, в одну группу – административные правонарушения. Сложившаяся практика разделения правонарушений на административные, дисциплинарные, гражданско-правовые вполне себя оправдывает. Эти группы правонарушений имеют определенную специфику, которую нельзя не учитывать при решении вопросов ответственности за них.

Предлагается также наряду с понятиями преступления и административного правонарушения выработать понятие антиобщественного поступка, влекущего только ответственность перед общественными организациями, и дать перечень этих поступков в специальном нормативном акте. Это предложение заслуживает внимания. Наконец, ряд теоретиков и практических работников считают необходимым выделить из круга преступлений «уголовные проступки» и объединить их в кодексе уголовных проступков. Эта позиция имеет сторонников и противников. Например, И. М. Гальперин следующим образом возражает против последней точки зрения: «В течение ряда лет в юридической литературе обсуждается вопрос о целесообразности выделения уголовного проступка и даже принятия кодекса уголовных проступков. На наш взгляд, такой необходимости нет. Дело ведь не в том, как именовать соответствующее правонарушение, а в тех юридических последствиях, которые должны наступать за его совершение. Включение «уголового проступка» в УК означало бы по существу лишь изменение терминологического характера, так как наличие малозначительных и не представляющих большой общественной опасности преступлений позволяет применить за их совершение наиболее мягкие наказания или вовсе освободить от уголовной ответственности. Введение в УК «уголового проступка» без уголовной ответственности с присущими ей юридическими последствиями находилось бы в прямом противоречии со ст. 1 Основ уголовного законодательства. Необоснованна и идея о «Кодексе уголовных проступков».¹⁰⁰

Автор прав, утверждая, что суть проблемы классификации правонарушений состоит в том, чтобы установить различные правовые последствия за правонарушение в зависимости от отнесения его к той или иной классификационной группе. С остальными же его суждениями трудно согласиться.

⁹⁷ Кравцов Б. В. Взаимодействие науки с практикой в области совершенствования законодательства, укрепления законности, правового воспитания граждан // Советское государство и право. 1985. № 3. С. 7.

⁹⁸ См., напр.: Мельников Ю., Носков Н., Хан-Магомедов Д. Об изменении уголовного законодательства в связи с подготовкой кодексов административных правонарушений // Социалистическая законность. 1981. № 7. С. 3.

⁹⁹ Гарбуз А. Д., Сухарев Е. А. Кодификация законодательства об ответственности за проступки // Советское государство и право. 1979. № 9. С. 122–123; Курляндский В. И. Неотвратимость наказания в борьбе с преступностью // Советское государство и право. 1972. № 9.

¹⁰⁰ Гальперин И. М. Социальные и правовые основы депенализации. С. 66.

В настоящее время все правонарушения разбиты на две большие группы: преступления, т. е. правонарушения, влекущие уголовную ответственность и применение уголовного наказания, и иные правонарушения (административные, дисциплинарные, гражданско-правовые), т. е. не влекущие уголовной ответственности. Такое разделение осуществляется исключительно законодателем на основании критериев (принципов) криминализации, рассмотренных выше.

При полной декриминализации того или иного поступка никаких проблем с позиции уголовно-правовой политики не возникает: данный поступок (правонарушение) перестает быть преступлением и переходит в разряд иных правонарушений. Естественно, что такой поступок не может называться «уголовным» и ему нет места в уголовном законодательстве.

Законодательство должно быть построено таким образом, чтобы преступление (пока оно считается таковым по закону) никогда не превращалось в иное правонарушение и, наоборот, иное правонарушение никогда не превращалось бы в преступление. Это, конечно, не относится к случаям ответственности за продолжаемые преступления, когда несколько внешне различных, но однородных и направленных к достижению единой цели административных актов составляют преступление (например, неоднократные порубки леса, объединенные единой целью).

Сложнее обстоит дело, когда полной декриминализации не наступает, т. е. когда законодатель продолжает считать то или иное поведение уголовно наказуемым, преступным и в то же время предоставляет право соответствующим государственным органам при определенных обстоятельствах освободить лицо, виновное в указанном поведении, от уголовной ответственности, заменяя ее административной ответственностью или ответственностью перед общественными организациями.

В таких случаях поведение человека стоит как бы на грани между преступным и не преступным. По закону оно является преступлением и не перестает быть таковым, если за его совершение назначено не уголовное наказание, а административное взыскание или меры общественного воздействия. Вместе с тем нельзя не видеть существенного отличия между такими деяниями и преступлениями, за совершение которых непременно назначается уголовное наказание. Поэтому граница между ними должна быть проведена законодателем и быть достаточно четкой с тем, чтобы суд мог безошибочно уяснить волю законодателя при решении конкретных дел.

В законодательстве четко решен вопрос о преступлениях, при совершении которых уголовная ответственность может быть заменена административной. Статья 50 УК РСФСР устанавливает, что такая замена может иметь место при совершении преступлений, за которые может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до одного года или иное более мягкое наказание. Вопрос же об отграничении преступлений, за совершение которых вместо наказания могут быть применены меры общественного воздействия, и преступлений, которые неотвратимо влекут применение уголовного наказания, в УК РСФСР решен неудовлетворительно. К первой группе преступлений относятся прежде всего те, в составах которых прямо указана возможность применения мер общественного воздействия. Это злостное уклонение от оказания помощи родителям (ст. 123), неоказание лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, помощи (ч. 1 ст. 127), неоказание помощи больному (ч. 1 ст. 128), клевета (ч. 1 ст. 130), оскорбление (ч. 1 ст. 131), оскорбление представителя власти или представителя общественности, выполняющего обязанности по охране общественного порядка (ст. 192), самоуправство (ст. 200), заранее необещанное приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем (ч. 1 ст. 208), угон автотранспортных средств (ст. 212), незаконное врачевание (ст. 221). В ст. 51 УК РСФСР говорится, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд в случае совершения вышеуказанных преступлений, а также умышленного

легкого телесного повреждения или нанесения побоев, не повлекших расстройства здоровья (ч. 2 ст. 112) и краж малоценных предметов потребления и быта при условии, что виновный и потерпевший являются членами одного коллектива (ч. 1 ст. 144).

А далее (п. 3) говорится, что то же самое можно сделать в отношении лица, совершившего впервые другие малозначительные преступления, если по характеру совершенного деяния и личности виновного его можно исправить без применения наказания, с помощью общественного воздействия. Применение п. 3 ст. 51 УК РСФСР вызывает на практике много трудностей и противоречий, поскольку понятие малозначительного преступления в законодательном порядке не раскрыто. Освобождение от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки (ст. 52 УК РСФСР), а также освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетнего с направлением его в комиссию по делам несовершеннолетних для рассмотрения вопроса о применении к нему принудительных мер воспитательного характера (ст. 10 УК РСФСР) возможно, в случаях совершения преступления, не представляющего большой общественной опасности. К сожалению, в законодательстве отсутствуют перечень или хотя бы общие критерии отнесения преступления к категории не представляющих большой общественной опасности. Это вызывает серьезные трудности в применении рассматриваемых норм права и порождает разнобой и ошибки при практическом разрешении дел. Устранить такое ненормальное положение возможно тремя путями:

1) в санкциях всех статей Особенной части, предусматривающих преступления, при совершении которых законодатель считает возможным применить вместо наказания меры общественного воздействия, указать: «...или влечет применение мер административного или общественного воздействия», а в статье Общей части, где будет дан перечень этих мер, указать, что они применяются только в случаях, специально указанных в статьях Особенной части;

2) в Общей части УК определить исчерпывающий круг преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Это можно сделать либо путем простого перечисления составов преступлений, либо путем выделения круга этих преступлений указанием на максимальный предел наказания, которое предусмотрено законом за их совершение;

3) выделить все составы преступлений, при совершении которых возможно применение мер административного или общественного воздействия, в отдельную группу в виде самостоятельного раздела Уголовного кодекса или в виде самостоятельного Кодекса уголовных проступков.

Последний путь представляется наиболее предпочтительным. Термин «уголовный проступок» достаточно точно отражает существо деяний, которые, с одной стороны, предусмотрены уголовным законом, а с другой – не всегда влекут за собой привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания. Создание Кодекса уголовных проступков вполне соответствует принципам советской уголовно-правовой политики и, в частности, такому принципу, как неотвратимость наказания. Оставление в уголовных кодексах только преступлений практически будет означать, что лицо, совершившее деяние, подпадающее под признаки состава преступления, с неизбежностью, неотвратимо будет подвергнуто наказанию (за исключением случаев отпадения общественной опасности деяния или лица, его совершившего, и истечения сроков давности уголовного преследования).

Такое решение вопроса в уголовном праве позволит выделить в самостоятельную группу нормы уголовно-процессуального права, в которых была бы отражена специфика расследования уголовных дел о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, а также устанавливался процессуальный порядок замены уголовной ответственности иными видами правовой ответственности и назначения мер административного взыскания и общественного воздействия вместо уголовного наказания.

Реализация уголовно-правовой политики

§ 1. Уголовное право и его совершенствование

В. И. Ленин говорил, что теоретические положения имеют ценность не сами по себе, а только тогда, когда они претворяются в практические дела. «Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко-понятой «теории» вместо того, чтобы видеть в теории прежде всего и больше всего *руководство к действию*». ¹⁰¹

Выработка правильных идей, отражающих потребности общества, в условиях реально существующей действительности имеет важнейшее значение для достижения желаемых целей. Идеи, не основанные на объективных требованиях жизни (или вообще не соответствующие им, или значительно опережающие их, или значительно отстающие от них), не могут быть реализованы и оказывать положительное влияние на жизнь общества. Но и верные идеи сами по себе не представляют собой движущую силу: *«Идеи никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка. Идеи вообще ничего не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу»*. ¹⁰²

К. Маркс говорил: «...теория становится материальной силой, как только она овладевает массами». ¹⁰³ Эти положения в полной мере относятся и к идеям, составляющим содержание советской уголовно-правовой политики. Деятельность людей по реализации уголовно-правовых идей прежде всего проявляется в создании уголовно-правовых норм, в которых закрепляются и конкретизируются эти идеи. Уголовное право – основная форма выражения, закрепления и практической реализации уголовно-правовой политики. «Все потребности гражданского общества – независимо от того, какой класс в данное время господствует, – неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение». ¹⁰⁴

С. С. Алексеев, отмечая роль социалистического права в практическом осуществлении руководящей деятельности КПСС, писал: «Решающая роль здесь принадлежит непосредственно массово-политической, организационной работе, имеющей оперативный, живой, творческий характер. Вместе с тем из самой природы руководящей и направляющей деятельности КПСС, связанной с научным управлением обществом, его целенаправленным развитием, вытекает объективная необходимость использования особых социально-политических институтов, которые обеспечили бы нормативное закрепление коренных интересов народа, проведение в жизнь долгосрочных программ социального развития, стабильность политического курса, фиксировали в качестве всеобщих условия экономической, социальной, культурной деятельности людей, их коллективов, всех социальных образований. Таким социально-политическим институтом и является право». ¹⁰⁵

Применительно к уголовному законодательству в этом же плане В. Н. Кудрявцев считает, что «специфическими средствами реализации уголовной политики являются как нормы права (уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового), так и

¹⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 44; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 132.

¹⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 132.

¹⁰³ Там же. Т. 1. С. 422.

¹⁰⁴ Там же. Т. 21. С. 310.

¹⁰⁵ Алексеев С. С. Советское право как средство осуществления политики КПСС // Правоведение. 1977. № 5. С. 18.

система органов уголовной юстиции. Уголовная политика не только определяет предназначение, содержание и форму норм права и структуру органов, но и наполняет конкретным содержанием деятельность этой системы».¹⁰⁶

Политика и закон – надстроечные категории, ближе чем другие части надстройки лежащие к базису. В них непосредственное, чем в других частях, отражаются экономические и базирующиеся на них иные потребности общества. Политика и право – продукт сознательной деятельности людей, используемый для достижения единой конечной цели. Вместе с тем политику и право нельзя отождествлять:

во-первых, политика и право не совпадают по содержанию. Содержание политики шире содержания права, ибо политика осуществляется не только через право. Право выступает одним из средств осуществления политики. Например, уголовно-правовая политика осуществляется не только через уголовно-правовые нормы, но и посредством идеологической работы с широкими народными массами, членами законодательных органов государства, работниками правоприменительных органов;

во-вторых, политика и право отличаются по форме их выражения. Право есть всегда совокупность юридических норм, изданных компетентными государственными органами. Политика выражается и закрепляется прежде всего в решениях съездов партии, постановлениях Пленумов ЦК КПСС, в совместных решениях высших руководящих партийных и советских органов и лишь после этого в необходимых случаях закрепляется в нормах права;

в-третьих, политика и право отличаются по формам и методам их обеспечения. Право всегда опирается на принудительную силу государства. Если норма права добровольно не реализуется, то вступает в действие принуждение, осуществляемое органами государства. Осуществление политических идей опирается прежде всего на авторитет Коммунистической партии, которая формулирует эти идеи; в-четвертых, политика и право отличаются по субъекту их реализации. Политика осуществляется Коммунистической партией через партийные органы и организации, через членов партии, а право реализуется правоприменительными органами государства и теми лицами (юридическими и физическими), которым оно адресовано.

Эти и некоторые другие отличия политики и права не устраняют положения о том, что политика и право – это явления однопорядковые, что право есть средство закрепления и реализации политики и что, следовательно, право есть категория политическая. «Все юридическое в основе своей имеет политическую природу».¹⁰⁷ «Закон есть мера политическая, есть политика», – писал В. И. Ленин.¹⁰⁸

В законах адекватно отражается политика, сформулированная Коммунистической партией. Это объясняется единством целей, которые ставят перед собой Коммунистическая партия и Советское государство. Коммунистическая партия выступает в нашем обществе как руководящая и направляющая сила. Она обеспечивает руководство и государством. Поэтому не может быть каких-либо политических противоречий между партией и государством и, следовательно, не может быть таких противоречий между политикой и правом. Между тем в реальной жизни встречаются расхождения между политикой и отражением ее в праве. Правильно писал по этому поводу Н. А. Стручков: «Политика формулируется у нас Коммунистической партией, в которую входят наиболее передовые представители нашего общества. Право создается государством. Оно, разумеется, отражает и закрепляет политику Коммуни-

¹⁰⁶ Кудрявцев В. Н. Эффективность закона как средства осуществления уголовной политики // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 33.

¹⁰⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 635.

¹⁰⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 99.

стической партии. Есть объективные и субъективные причины определенных расхождений между политикой и правом».¹⁰⁹

Действительно, право как элемент надстройки более консервативно, чем политика. Политика более прогрессивна в силу своей большей оперативности, подвижности. Одним из качеств права является его стабильность, так как право отражает и закрепляет существенное (прочное, остающееся) в процессах, им регулируемых. Без стабильности права невозможно осуществление принципа социалистической законности. Частые и быстрые изменения норм права, исключение одних и добавление других норм порождают неуверенность в правильности действующих законов, неуважение к закону. Поэтому вполне мыслимы случаи, когда жизнь требует изменения закона, это требование отражается в политике, а изменения в законодательстве осуществляются лишь через какое-то (иногда продолжительное) время. Так, например, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1941 г. была установлена уголовная ответственность за продажу, обмен и отпуск на сторону оборудования и материалов.¹¹⁰ Нежизненность этого закона выявилась сразу же, что внешне проявилось в почти полном отсутствии на практике уголовных дел этой категории. Более того, стало ясно, что введенное Указом запрещение оказалось тормозом на пути оперативного перераспределения основных и оборотных средств между предприятиями и, таким образом, причиняло ущерб социалистическому хозяйству. Советская уголовная политика реагировала на эту ситуацию, сдерживая применение Указа от 10 февраля 1941 г. на практике. А сам Указ был отменен лишь в 1953 г.

Кроме этой объективной причины несоответствие между политикой и правом может быть и результатом субъективных причин. П. Т. Полежай видит три разновидности ошибок субъективного характера: «Во-первых, нормы права иногда принимаются преждевременно, когда еще не созрели материальные условия для их эффективного претворения в жизнь. Во-вторых, нормы порой принимаются с опозданием, когда нужда в них уже отпала. В-третьих, нормы права принимаются с целью регулирования тех общественных отношений, которые в юридической регламентации не нуждаются».¹¹¹ Это замечание верное, но применительно к уголовно-правовой политике и уголовному праву оно заужает круг субъективных причин, вызывающих несоответствие между политикой и законом. Собственно говоря, П. Т. Полежай говорит лишь об одной причине несоответствия – неправильной оценке законодателем характера общественных отношений, в результате чего закон регулирует общественные отношения, не нуждающиеся в регламентации либо в силу их характера, либо в силу отпадения необходимости, либо в силу незрелости условий для такой регламентации. Но ведь ошибки законодателя (законодатели – это люди и они не гарантированы от ошибок) могут проистекать и из других неправильных представлений: о сущности принципов уголовно-правовой политики, о степени общественной опасности деяния, о принципах построения системы наказаний, о содержании отдельных видов наказаний и т. д.

Правильно по этому поводу заметил Г. А. Злобин: «Как показывает история развития уголовного права, создание законодательной новеллы не всегда основывается на адекватном и глубоком осознании общественной необходимости. Нередко вывод о целесообразности изменить уголовный закон основывается на восприятии и оценке отдельных событий, носящих случайный характер. Получившие широкую огласку и возбудившие общественное негодование факты единичных преступных или аморальных деяний подчас приводят к интенсивному воздействию на законодателя, к требованиям установить или усилить за соот-

¹⁰⁹ Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов. 1970. С. 39.

¹¹⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 8.

¹¹¹ Полежай П. Т. О противоречиях в правотворческой деятельности Советского государства // Научная конференция по работам, выполненным в 1965 г. профилирующими кафедрами 28 марта 1966 г. Тезисы докладов. Харьков, 1966. С. 10–13.

ветствующие действия уголовное наказание. В результате могут возникнуть и такие уголовно-правовые новеллы, которые отражают переоценку социально-регулятивных возможностей уголовного права».¹¹²

Субъективные причины несоответствия закона уголовной политике могут проистекать из неправильного понимания соответствующими органами любых положений советской уголовно-правовой политики. Эти обстоятельства требуют от законодателя постоянного внимания к вопросу соотношения законодательства и реальной жизни, с тем чтобы советские законы отражали действительно существующие общественные отношения, не отставали от них, а, наоборот, содействовали их прогрессивному развитию, но и не забегали значительно вперед, так как в этих случаях закон превращается в бессодержательную норму. Нельзя, например, уже сейчас издать закон о замене всех наказаний мерами общественного воздействия и воспитания, хотя партия и государство к этому стремятся. Принятие такого закона в современных условиях не только не содействовало бы успешному осуществлению борьбы с преступностью, а, наоборот, нанесло бы ей громадный ущерб. Неадекватное отражение в праве существа политики может быть вызвано пробелами в законодательстве. Эти пробелы могут быть вызваны некоторыми просчетами при составлении кодекса и появлением в социальной жизни общественно опасных деяний, которые ранее не могли быть и не были предусмотрены. Устранение пробелов должно осуществляться только путем дополнения законодательства новой нормой.

По вопросу о путях и средствах совершенствования уголовного законодательства, соотношения его стабильности и оперативности в настоящее время в теории советского уголовного права высказываются две точки зрения. Сторонники одной из них считают, что уголовное законодательство должно быть стабильным и различного рода новшества (дополнение новыми нормами, исключение тех или иных норм, изменение их) должны вноситься в него после продолжительной практики применения действующего законодательства, научного обобщения этой практики. Другая позиция заключается в том, что уголовное законодательство должно быть оперативно, оно должно быстрее реагировать на обнаруженные практикой недостатки законодательства (пробелы, неточные формулировки и т. д.).

Так, А. Б. Сахаров полагает, что «стабильность закона очень важна, но оправдана лишь в том случае, если закон полностью отвечает потребностям практики» и что «малейшее отставание закона от жизни снижает его силу, неизбежно влечет за собой ослабление законности».¹¹³

Представляется, что сторонники этих двух позиций говорят об одном и том же, лишь акцентируя внимание на разных сторонах одного и того же положения. Все советские ученые и практические работники понимают необходимость совершенствования уголовного законодательства. Все также понимают необходимость максимально точного отражения потребности общества в нормах права. Никто не призывает к тому, чтобы малейшие изменения в жизни немедленно влекли изменения в уголовном законодательстве. Все сходятся на том, что всякое изменение законодательства должно служить делу улучшения уголовно-правовой борьбы с преступностью, а для этого оно должно более точно, чем действовавшее до него законодательство, отражать реальные процессы, происходящие в жизни. Правильно говорил заместитель председателя Верховного Суда СССР, что «законы социалистического государства в основе своей должны быть стабильными и устойчивыми, так как частая смена юридических норм отрицательно сказывается на авторитете законодательства, создает определенные трудности во взаимоотношениях людей, государственных органов, общественных

¹¹² Злобин Г. А. Основания и принципы уголовно-правового запрета // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 76.

¹¹³ Новое уголовное законодательство РСФСР (материалы научной сессии, посвященной Закону о судостроительстве, Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексам, принятым Третьей сессией Верховного Совета РСФСР пятого созыва). М., 1961. С. 210.

организаций. . . В то же время, разумеется, законодательство не может быть слишком консервативным. Оно должно своевременно реагировать на значительные изменения общественной жизни, на новые насущные потребности, и это тоже бесспорное положение. Строгое сочетание стабильности и гибкости – вот тот баланс, который необходимо поддерживать, чтобы советское законодательство наиболее действенно служило интересам народа».¹¹⁴

Не продолжительностью времени с момента обнаружения недочета в законодательстве до момента его исправления оценивается качество работы законодателя, а тем, насколько вновь принятый (измененный) закон лучше старого регулирует уголовно-правовые отношения, содействует усилению охраны социалистических общественных отношений. При решении этого вопроса необходимо учитывать и то обстоятельство, что для внесения изменений в действующее законодательство мало обнаружить недочет в нем, нужно еще научно обоснованно определить пути и форму его устранения с тем, чтобы новая (или измененная) норма вписывалась в существующую систему законодательства. А это требует иногда немалого времени. Поэтому от выявления необходимости внесения изменений или дополнений уголовного законодательства до фактического их внесения проходит иногда довольно продолжительное время. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 октября 1975 г. была ратифицирована Международная конвенция о пресечении преступлений апартеида и наказание за него,¹¹⁵ а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1975 г. – Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов.¹¹⁶ После этого прошел значительный период времени, а уголовная ответственность, предусмотренная конвенциями, пока не установлена.

Практика свидетельствует о том, что советские законодательные органы ведут активную работу по совершенствованию уголовного законодательства. Так, в Российской Федерации за период с 1 января 1961 г. по 1 декабря 1984 г. из 63 статей Общей части УК было дополнено или изменено 32, т. е. 50 %, а из 206 статей Особенной части – 124 статьи, т. е. почти 50 %. За этот же период времени было вновь включено в Общую часть УК 8 статей и в Особенную часть УК 48 норм. Из Особенной части УК в 1968 г. была исключена статья 212¹, в 1975 г. ст. 209 (злостное уклонение от выполнения решений о трудоустройстве и прекращении паразитического существования), включенная в УК РСФСР в 1970 г., в 1977 г. – ст. 154² УК РСФСР, в 1978 г. – ч. 3 ст. 154 УК РСФСР. Внесение такого большого количества изменений и дополнений за 24 года применения – нового Уголовного кодекса вряд ли можно признать положительным явлением. Вместе с тем если необходимость этих дополнений и изменений диктовалась жизнью, то деятельность законодателя следует считать обоснованной. Анализ новелл уголовного законодательства показывает, что все они были вызваны к жизни общественными потребностями. Новые нормы были включены в УК либо потому, что уголовно-правовой охраны потребовали вновь появившиеся отношения (угон воздушного судна – ст. 213² УК РСФСР), либо потому, что повысилась общественная опасность определенных деяний (склонение к потреблению наркотиков – ст. 224² УК РСФСР, угон автотранспортных средств – ст. 212 УК РСФСР и др.), либо потому, что потребовалась конкретизация составов (сопротивление работнику милиции или народному дружиннику – ст. 191 УК РСФСР, оскорбление работника милиции или народного дружинника – ст. 192 УК РСФСР и др.), либо потому, что выявились пробелы в законодательстве (управление транспортными

¹¹⁴ Смоленцев Е. А. Значение связи юридической науки и судебной практики для дальнейшего укрепления социалистической законности // Советское государство и право, 1985. № 3. С. 21–22.

¹¹⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 43. Ст. 686.

¹¹⁶ Там же. 1976. № 1. Ст. 4.

средствами в состоянии опьянения – ст. 211¹ УК РСФСР, выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств – ст. 211² УК РСФСР и др.). Изменения вносились в целях уточнения формулировок норм Общей и Особенной частей УК с тем, чтобы они более точно отражали волю законодателя (угроза или насилие в отношении должностного лица или гражданина, выполняющего общественный долг, – ст. 193 УК РСФСР), или для приведения их в соответствие с новым решением данного вопроса законодателем (обман покупателей или заказчиков – ст. 156 УК РСФСР).

Необходимо отметить, что ряд дополнений и изменений был вызван некоторыми просчетами, допущенными при принятии Уголовного кодекса. Например, в 1969 г. УК РСФСР и УК других союзных республик были дополнены статьями, в которых раскрыто понятие особо опасного рецидивиста (ст. 24 УК РСФСР). Раньше это понятие раскрывалось по-разному в разных союзных республиках. При принятии Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик были все основания полагать, что понятие особо опасного рецидивиста должно быть единым, так как, во-первых, при решении вопроса о признании преступника особо опасным рецидивистом нужно учитывать преступления, совершенные на территории разных республик, и, во-вторых, наказание в отношении лица, признанного особо опасным рецидивистом, по законам одной республики может исполняться на территории другой союзной республики, где последствия признания лица особо опасным рецидивистом могут быть иными, чем на территории первой республики. Необходимость разработки единого понятия отмечалась в советской печати. Так, в начале 1963 г. Я. М. Брайнин писал: «До настоящего времени остаются нерешенными некоторые вопросы, которые должны быть урегулированы в общесоюзном законодательстве. К их числу относятся, например, понятия особо опасного рецидивиста... Учитывая важность борьбы с этой категорией преступников, а также необходимость единообразного применения норм, относящихся к особо опасным рецидивистам, желательно, чтобы этот вопрос был окончательно урегулирован в Основах уголовного законодательства».¹¹⁷

То же самое можно сказать по поводу дополнения Основ и УК союзных республик статьями, устанавливающими перечень тяжких преступлений (ст. 7 УК РСФСР и соответствующие статьи УК союзных республик).

Просчетами объясняются и еще некоторые дополнения и изменения. Например, в УК РСФСР 1926 г. в качестве самостоятельных преступлений предусматривались посредничество во взяточничестве (ст. 118 УК РСФСР 1926 г.), уклонение от допризывной подготовки и поверочных сборов (ст. 65 УК РСФСР), Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1941 г. предусматривал ответственность за самовольную без надобности остановку поезда стоп-краном. При принятии УК РСФСР 1960 г. посредничество во взяточничестве как самостоятельный состав было ликвидировано, была отменена уголовная ответственность за уклонение от поверочных сборов и остановку поезда стоп-краном.¹¹⁸ Очень скоро выяснилось, что это было ошибкой, и УК РСФСР в 1962 г. был дополнен ст. 174¹ (посредничество во взяточничестве), в 1965 г. – ст. 213 (самовольная без надобности остановка поезда) и в 1968 г. – ст. 198 (уклонение военнообязанного от учебных или поверочных сборов). Совершенно очевидно, что за столь короткое время никаких существенных изменений условий социальной жизни, повлиявших на изменения в оценке степени общественной опасности указанных действий, не произошло.

¹¹⁷ Брайнин Я. М. О дальнейшем развитии отдельных институтов советского уголовного права // Советское государство и право. 1963. № 4. С. 125–126.

¹¹⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 16.

Не всегда до конца продуманы и вносимые в уголовное законодательство новеллы. Так, например, в УК РСФСР была включена ст. 191², предусматривающая ответственность за посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника. Это было сделано с целью усиления ответственности за посягательство на жизнь милиционеров и дружинников. Однако при этом было нарушено требование системного подхода при дополнении законодательства, что не позволило обеспечить достижение желаемого результата. Санкция новой статьи (лишение свободы на срок от 5 до 15 лет со ссылкой на срок от 2 до 5 лет или без ссылки, а при отягчающих обстоятельствах – смертная казнь) оказалась мягче санкции ст. 102 УК РСФСР (лишение свободы на срок от 8 до 15 лет со ссылкой или без таковой или смертная казнь), по которой наказывается убийство или покушение на убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга. К тому же ответственность за умышленное убийство наступает с 14-летнего возраста, а за посягательство на жизнь милиционера или дружинника – с 16-летнего возраста.

Различного рода недостатки уголовного законодательства в большей или меньшей степени искажают уголовно-правовую политику Коммунистической партии и Советского государства и поэтому не могут быть терпимы. Заслуживают внимания предложения о путях и методах работы по совершенствованию уголовного законодательства. В частности, привлекает к себе внимание предложение о создании доктринального варианта уголовного кодекса. Е. В. Болдырев пишет: «Проблема успешного обеспечения правотворческой работы в области уголовного законодательства необходимыми исходными, достаточно разработанными материалами ставит в качестве насущной задачи подготовку и так называемого доктринального варианта уголовного кодекса. Разумеется, такой вариант кодекса не может рассматриваться в качестве проекта, ибо при его подготовке, как нам кажется, должны преследоваться несколько иные цели. Доктринальный вариант УК может носить лишь “консультативный” характер. Разработка и опубликование такого кодекса будут иметь большое значение для дальнейшего развития уголовно-правовой мысли. Предложения по совершенствованию уголовного законодательства разрозненны, далеко не все опубликованы в печати, а поэтому не становятся достоянием широких кругов юристов, хотя это является необходимым условием успешного их обсуждения, выработки коллективного мнения и принятия оптимального решения законодателем. Опубликование доктринального варианта кодекса, в котором в систематизированном “концентрированном” виде был бы обобщен коллективный опыт ученых и практиков, помогло бы решению многих уголовно-правовых вопросов, требующих законодательного регулирования».¹¹⁹

При изучении вопроса о необходимости и целесообразности принятия новой уголовно-правовой нормы, внесения изменений в действующую норму, исключения нормы из действующего законодательства в целях повышения его эффективности представляется возможным, а иногда и чрезвычайно желательным проведение уголовно-правового эксперимента. Эксперимент может выражаться в принятии на определенный срок на территории всей страны или на территории союзной республики, или на какой-то части территории новой уголовно-правовой нормы или в отмене действующей нормы. Естественно, что эксперимент может проводиться только высшими органами власти Союза ССР и союзных республик.

«Эксперимент состоит из: а) формулирования общей гипотезы экспериментального исследования; б) разработки проекта опытной уголовно-правовой нормы, определения основной цели и задач; в) составления научной программы эксперимента; г) выбора экспериментальных и контрольных объектов, изучения их предэкспериментальной деятельности;

¹¹⁹ Болдырев Е. В. Научное обеспечение совершенствования уголовного законодательства // Советское государство и право. 1975. № 9. С. 101.

д) реализации программы эксперимента, т. е. создания экспериментальной ситуации, наблюдения и контроля за деятельностью объекта в экспериментальных условиях; е) подведения итогов эксперимента (статистической обработки эмпирических данных, их теоретического истолкования и оценки)».¹²⁰

Практика пока не знает случаев проведения уголовно-правовых экспериментов. Однако теоретики науки уголовного права все чаще ставят вопрос о проведении таких экспериментов, считая их целесообразными. Так, Е. В. Болдырев в указанной выше статье пишет: «Следует признать, что экспериментальная проверка новых правовых норм получает все большее признание. Однако в области уголовно-правового регулирования она почти полностью отрицается. В юридической литературе было высказано мнение, что распространение действия экспериментальной нормы на ограниченную территорию или на ограниченный срок будет нарушением принципа равенства граждан перед уголовным законом. Это верно. Однако в тех случаях, когда возникает социальная потребность в экспериментальной проверке нормы, регулирующей наиболее важную область уголовно-правовых отношений, нам представляется допустимым правовое экспериментирование (разумеется, с определенными ограничениями), ибо это происходит в интересах самих же граждан».¹²¹ С этим положением в принципе можно согласиться. Проведение уголовно-правовых экспериментов и возможно, и целесообразно. Думается, что Е. В. Болдырев несколько робко ставит вопрос о возможности экспериментирования в области уголовно-правовой борьбы с преступностью. Дело заключается в том, что правильно организованный эксперимент не нарушает принципа законности и равенства граждан перед законом. Уголовное законодательство у нас в основном союзно-республиканское, и нередко складывается такая ситуация, когда на территории одной союзной республики действует один закон, а на территории другой республики по этому же поводу – другой. Такое положение с точки зрения суверенитета союзных республик вполне отвечает принципу равенства граждан перед законом. Законодательной практике известны случаи, когда уголовный закон действует только на части территории одной союзной республики. Так, например, в ст. 236 гл. 11 УК РСФСР «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев» говорится: «Действие настоящей главы распространяется на те автономные республики, автономные области и другие местности РСФСР, где общественно опасные деяния, перечисленные в настоящей главе, являются пережитками местных обычаев». Поэтому одно и то же деяние (например, уплата и принятие выкупа за невесту) считается преступлением на территории Дагестанской АССР и не является таковым, если оно совершено на территории Ленинградской области. И никто не считает это нарушением принципа равенства граждан перед законом.

Что касается возможности издания закона на определенное время, то решение это полностью относится к компетенции законодателя. Поэтому эксперимент по выявлению эффективности уголовно-правовых норм практически возможен, если: 1) он проводится на территории союзной республики или страны в целом; 2) он осуществляется на основании закона, принятого в установленном Конституцией порядке; 3) норма, применение которой экспериментировалось, принята на точно определенный срок; 4) одновременно с экспериментальной нормой принимается закон, разрешающий проведение эксперимента и устанавливающий порядок его проведения; 5) отсутствуют другие пути и средства выявления эффективности нормы. Думается, что некоторой робостью автора объясняется его оговорка, что «общим правилом допустимости правового эксперимента должно быть условие, что вводимая норма направлена на снижение уголовной ответственности (в любых формах) или ее дифференци-

¹²⁰ Миренский Б. А. Теоретические основы совершенствования советского уголовного законодательства. Ташкент, 1983. С. 67.

¹²¹ Болдырев Е. В. Научное обеспечение совершенствования уголовного законодательства. С. 102.

ацию. И, наоборот, исключить всякую возможность принятия в экспериментальном порядке норм, устанавливающих или усиливающих уголовную ответственность».¹²²

Если исходить из совершенно правильной посылки автора, что эксперимент «происходит в интересах самих же граждан», и из общепризнанного положения о том, что гуманизм уголовного права выражается прежде всего в том, что оно защищает интересы всех трудящихся от преступных посягательств отдельных лиц, то вряд ли можно считать обоснованной приведенную выше оговорку. Ведь интересы трудящихся защищаются и путем смягчения, и путем усиления ответственности. Смягчение наказания и усиление наказания, если это было сделано в нарушение закона, одинаково оцениваются законодателем и влекут одинаковые правовые последствия. И то, и другое признается несоответствием назначенного судом наказания тяжести преступления и личности виновного и рассматривается в качестве основания к отмене приговора (ст. 342 УПК РСФСР). В ст. 237 УПК РСФСР говорится, что «не соответствующим тяжести преступления и личности осужденного признается наказание, когда оно хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующим уголовным законом, но по своему размеру является явно несправедливым как вследствие мягкости, так и вследствие суровости». Установление же более мягкой или более суровой санкции законом не может рассматриваться как нарушение принципа законности, нарушение прав граждан. В этом плане экспериментальный закон ничем не отличается от обычного.

Совершенствованию уголовного законодательства способствуют и иные, уже проверенные формы и методы (обобщение практики, социологические исследования, изучение общественного мнения и др.).

Назрела необходимость более точной регламентации деятельности по подготовке различного рода законопроектов. В нормативных актах должны содержаться четкие положения о порядке деятельности государственных и общественных органов по осуществлению законодательной инициативы и о порядке прохождения проектов законов через законодательные органы. В этом направлении уже проделана существенная работа, о чем свидетельствует принятие таких актов, как постановление Президиума Верховного Совета СССР от 12 декабря 1977 г. «Об организации работы по приведению законодательства Союза ССР в соответствие с Конституцией СССР»,¹²³ постановление Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1979 г. «О ходе подготовки законопроектов, предусмотренных планом организации работы по приведению законодательства Союза ССР в соответствие с Конституцией СССР»,¹²⁴ постановление Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1980 г. «Об организации работы по опубликованию законов СССР, постановлений и иных актов Верховного Совета СССР»¹²⁵ и др.

Эта работа особенно важна в современных условиях, когда в общегосударственном масштабе идет глубокий процесс совершенствования всего законодательства. Совершенствование законодательства идет по трем основным направлениям: а) восполнение пробелов в законодательстве, возникших в связи с принятием новых Конституции СССР и Конституций союзных и автономных республик, что выражается в разработке и принятии новых законов, развивающих, дополняющих и конкретизирующих новые Конституции; б) приведение действующих законов в соответствие с новыми Конституциями, что обеспечивается внесением дополнений и изменений в вышеуказанные законы; в) систематизация законодательства, которая должна выразиться в создании Свода законов СССР и Сводов законов союзных республик. Такая систематизация законодательства проводится в нашей стране впервые.

¹²² Там же. С. 102.

¹²³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 51. Ст. 764.

¹²⁴ Там же, 1980. № 1. Ст. 3.

¹²⁵ Там же. № 20. Ст. 375.

«На первое место здесь выдвигаются не законодательно-технические, а в первую очередь политические цели: приблизить законодательство к народу, сделать его более доступным для граждан, повысить его стабильность, укрепить авторитет. Главным видом систематизации в современных условиях становится подготовка свода законов СССР и Сводов законов союзных республик, рассчитанных (в отличие от прежних систематизированных изданий) в первую очередь на граждан. Другим важным отличием современного этапа систематизации законодательства является то, что она не ограничивается технической, внешней обработкой систематизируемых актов, а предполагает и качественное улучшение значительной части законодательства путем его кодификации, консолидации, ликвидации имеющихся пробелов, а также внесения изменений и дополнений в частично устаревшие акты. Третье отличие проводимой систематизации – ее неразрывная связь с новым конституционным законодательством: одной из практических задач, решаемых в ходе подготовки свода законов СССР, Сводов законов союзных республик, является приведение систематизированного законодательства в соответствие с новыми Конституциями».¹²⁶

¹²⁶ Казьмин И. Ф., Пиголкин А. С. Развитие советского законодательства на современном этапе // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 19.

§ 2. Уголовно-правовая политика и вопросы общей части уголовного законодательства

Одним из общих положений уголовно-правовой политики, закрепленных в уголовном законодательстве, является определение задач этого законодательства. Уголовная политика государства определяет, а затем и реализует те цели, ради которых создается и функционирует система юстиции. Применительно к нашей системе эта основная цель указана в ст. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, текст которой приводился выше.

Действительно, если сущность уголовно-правовой политики есть борьба с преступностью при помощи уголовного наказания, то эта сущность практически реализуется в охране социалистических общественных отношений от вреда, который им может быть причинен общественно опасными действиями. «Главной функцией уголовного права является охранительная. Она выражает основное направление осуществления, реализации уголовного права. Ее значение – охрана обычных, нормальных общественных отношений от преступных посягательств».¹²⁷

В ст. 3 Руководящих начал 1919 г. говорилось, что «советское уголовное право имеет задачей посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата». УК РСФСР 1922 г. сделал некоторый шаг назад по сравнению с Руководящими началами 1919 г. в определении задач уголовного права. Он занял объект охраны: если Руководящие начала таким объектом считали «систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс», то УК РСФСР 1922 г. таковым считал «государство трудящихся». Статья 5 УК РСФСР гласила: «Уголовный кодекс РСФСР имеет своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений и общественно опасных элементов и осуществляет эту защиту путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты». Это положение было несколько исправлено при разработке Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и кодексов союзных республик. В Основных началах говорилось, что уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик имеет своей задачей судебно-правовую защиту государства трудящихся от общественно опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею правопорядок. Статья 1 УК РСФСР 1926 г. устанавливала, что уголовное законодательство РСФСР имеет задачей охрану социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка от общественно опасных действий (преступлений) путем применения к лицам, их совершающим, указанных в настоящем кодексе мер социальной защиты. В этих законодательных актах объектом защиты называется не только государство, но и установленный властью трудящихся правопорядок.

Еще более конкретизирован был объект и способ его защиты при формулировке задач уголовного законодательства в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК союзных республик 1959–1961 гг. В ст. 1 УК РСФСР 1960 г. говорится: «Уголовный кодекс РСФСР имеет задачей охрану общественного строя СССР, его политической и экономической систем, социалистической собственности, личности, прав и свобод граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств. Для осуществления этой задачи Уголовный кодекс РСФСР определяет, какие общественно опас-

¹²⁷ Кузнецов А. О социальной ценности советского уголовного права // Советская юстиция. 1979. № 13. С. 10.

ные деяния являются преступными, и устанавливает наказания, подлежащие применению к лицам, совершившим преступления».

Как явствует из текста закона, средством решения задачи, стоящей перед уголовным законодательством, является наказание. Наказание обеспечивает выполнение этой задачи путем достижения определяемых уголовно-правовой политикой, и закрепленных законодательством целей. На всех этапах развития человеческого общества уголовное наказание (как только оно появилось) использовалось господствующим классом как средство борьбы за свое господство и в первую очередь как средство закабаления эксплуатируемых классов. При неизменной сущности уголовного наказания система наказаний, виды и содержание их, порядок исполнения изменялись в зависимости от конкретной обстановки и тех целей, которых господствующий класс пытался добиться путем использования наказания. «Возникнув на сравнительно высокой ступени общественного развития, наказание в различные времена и у различных народов прошло очень сложный путь развития, претерпевая большие изменения как в своем существе, так и в формах его выражения, которые зависели от сущности политического режима, устанавливаемого господствующим классом в государственных формированиях той или иной из трех предшествовавших социализму социально-экономических формаций, знавших государство и право, – рабовладении, феодализме и капитализме. Даже в исторических пределах существования одной и той же формации наказание не оставалось неизменным. Являясь одним из самых острых орудий в руках господствующих классов, оно видоизменялось в зависимости от потребностей этих классов в удержании власти, своего господства, от методов, которыми они осуществляли свою диктатуру, свою власть, захватив ее и развиваясь по восходящей линии или уходя с исторической арены и цепляясь за то, чтобы как-то продлить свое существование».¹²⁸ В зависимости от потребностей господствующего класса, определяемых в конечном счете уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений, уровня культурного развития общества, содержания господствующих философских идей, в различные времена, в различных государствах, в различных правовых системах перед наказанием выдвигались различные цели. Такими целями были возмездие, устрашение, социальная защита, ресоциализация, предупреждение преступлений.

Советская уголовная политика исходит из того, что наказание должно применяться для достижения целей исправления и перевоспитания преступников и предупреждения совершения новых преступлений как самим преступником, так и другими неустойчивыми членами нашего общества.

Статья 20 Основ уголовного законодательства (ст. 20 УК РСФСР) гласит: «Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами». С отдельными оговорками (о соотношении целей исправления и перевоспитания, и частного предупреждения, и общего предупреждения) это положение признается всеми советскими учеными, которые высказывались по этому поводу в печати. Все признают также, что наказание является карой за совершенное преступление. Поэтому вряд ли целесообразно останавливаться в настоящей работе на анализе этих вопросов. Спорным в советской литературе остается вопрос – является ли кара одной из целей наказания. Большинство советских ученых отрицательно отвечают на этот вопрос (Н. С. Алексеев, А. А. Герцензон, М. А. Ефимов, Г. А. Левицкий, И. С. Ной, А. Л. Ременсон, К. С. Салихов, Н. А. Стручков, М. Д. Шаргородский и многие другие). Вместе с тем ряд других советских ученых исходят из того, что кара является одной из целей нака-

¹²⁸ Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. С. 108–109.

зания (И. И. Карпец, Д. О. Хан-Магомедов, М. И. Якубович). К этой группе ученых относится и автор настоящей работы. Приступая к рассмотрению этого спорного вопроса, необходимо прежде всего отметить, что, излагая свою позицию,¹²⁹ мы пользовались термином «кара» для обозначения одной из целей наказания, тогда как этот термин употребляется для обозначения содержания наказания и вряд ли годится для характеристики цели наказания. Употребление этого термина породило ряд недоразумений в споре и вызвало необоснованные упреки в адрес сторонников признания кары одной из целей наказания. Эта группа ученых (во всяком случае большинство из них), утверждая, что кара является целью наказания, имела в виду то, что наказание наряду с другими целями преследует и цель удовлетворения чувства справедливости советских граждан. Таким образом, спор сводится к решению вопроса: является ли одной из целей наказания удовлетворение чувства справедливости? Первоначально критика сторонников взгляда на кару как на цель наказания была очень простой. М. Д. Шаргородский заявлял, что «в основе взгляда на наказание как на возмездие лежат чуждые нам идеалистические, как правило, религиозные взгляды».¹³⁰

Это утверждение неверно. Оно не соответствует истории развития взгляда на наказание как на возмездие. Этот взгляд имеет совершенно земное происхождение. Он есть результат перенесения идеи справедливости, порожденной жизнью, на область борьбы с преступностью. Взгляд на наказание как на возмездие взят религией из жизни, а не наоборот.

Кроме того, взгляд на наказание как на кару, возмездие и сейчас является господствующим в советской литературе. Наказание называется карой и в действующем законодательстве. Следовательно, речь идет не о том, является ли наказание карой, а о том, является ли кара целью наказания. Вторым доводом против признания наказания возмездием и кары целью наказания являлось и является утверждение, что на этой позиции стоят современные буржуазные законодательные органы и ученые, и, следовательно, она для нас неприемлема. Однако этот довод не может быть признан убедительным, так как не менее реакционные буржуазные законодательные органы и ученые стоят на позиции признания исправления, общего и частного предупреждения в качестве целей наказания, а причиняемые страдания считают средством достижения этих целей. О такой цели наказания, как исправление преступника, еще до нашей эры говорил греческий философ Протагор. Сторонники такого толкования целей наказания были в рабовладельческом, феодальном и в буржуазном обществе. Имеются они и в современных буржуазных государствах. Третий довод против признания кары целью наказания сводится к утверждению, что кара есть содержание наказания и поэтому не может быть целью его. Такая постановка вопроса неправильна с позиции диалектического материализма. Нельзя одно явление рассматривать всегда только как средство, а другое – всегда только как цель. Диалектика заключается в том, что одно и то же явление может выступать как цель и в то же время может быть средством достижения другой цели. Например, исправление и перевоспитание преступника есть цель наказания, и одновременно исправление и перевоспитание выступают как средство достижения цели ликвидации преступности, которая в данной взаимосвязи выступает в качестве цели. Но и ликвидация преступности не самоцель, она есть одно из средств решения задачи воспитания человека будущего и т. д.

Наконец, в ходе полемики против сторонников признания кары целью наказания «противники» этой точки зрения сначала искажают критикуемую позицию, а затем критикуют эту искаженную позицию. Это искажение заключается в утверждении, что будто бы сторонники признания кары в качестве цели наказания считают, что таковой является применение наказания ради наказания, причинение преступнику страданий ради страданий. Выдвигают

¹²⁹ Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения. Л., 1963.

¹³⁰ Шаргородский М. Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 17.

нув подобное обвинение, А. А. Пионтковский затем писал: «Если ставить целью наказания возмездие, то неизбежно вся карательная система будет проникнута духом неоправданной жестокости... Признание возмездия неизбежно приведет к превалированию задач устрашения и к умалению задач исправления и перевоспитания преступника...»¹³¹ Но ведь никто и никогда из критикуемых авторов не утверждал, что наказание должно назначаться ради наказания и страдания должны причиняться ради страданий.

По нашему мнению, суть дела заключается в том, что наказание должно применяться и страдания должны причиняться преступнику не только в целях его исправления и перевоспитания и предупреждения преступлений, но и для удовлетворения чувства справедливости советских граждан, оскорбленного совершением преступления.

Таким образом, существо полемики по вопросу признания или непризнания удовлетворения чувства справедливости одной из целей наказания должно сводиться к решению следующего вопроса: нужно ли к наказанию подходить чисто утилитарно и при применении его стремиться к достижению целей исправления и перевоспитания, общего и частного предупреждения или необходимо, кроме того, учитывать чувственную, эмоциональную сторону воздействия наказания и добиваться, чтобы оно удовлетворяло чувство справедливости советского общества, возмущенного совершенным преступлением?

И. С. Ной, который более глубоко и основательно, чем все другие оппоненты, рассматривает проблему именно с этих позиций (а именно только с этих позиций она и должна рассматриваться), свою критику «противников» начинает с утверждения о неясности самого понятия «чувство справедливости членов социалистического общества». Он пишет: «Понятие же «чувство справедливости членов социалистического общества», ради которого с позиции возмездия и должны причиняться лишения и страдания преступнику, весьма расплывчато и неопределенно».¹³² Это совершенно непонятное утверждение, так как категория справедливости является одной из важнейших нравственных, этических категорий, которой пользуется человеческое общество. Нравственные категории – это наиболее абстрагированные от реальной жизни (но определяемые ею) общие понятия, в которых выражается отношение человека к обществу в целом и к другим людям. Важнейшими этическими категориями являются добро, справедливость, долг, честь, достоинство, совесть, счастье и противоположные им категории – зло, несправедливость, бесчестие, несчастье и т. д. Нравственные категории – это не просто выдумка людей, а идеи, порожденные жизнью, практической деятельностью людей. Справедливость, писал Ф. Энгельс, всегда представляет собой лишь «идеологизированное, вознесенное на небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны».¹³³ Понятие справедливости появилось в первобытнообщинном строе, которое характеризовалось полным равенством людей. Равенство было естественным представлением членов общества о взаимоотношении людей. «Идея справедливости по своему происхождению есть не что иное, как проявление духа равенства»,¹³⁴ – писал П. Лафарг. Советские философы В. Г. Иванов и Н. В. Рыбакова также пишут: «В основе справедливости заключается идея о равенстве... эта идея явилась отражением сложной практической деятельности человека родового строя, во всех своих направлениях осуществлявшей практическое равенство, частным случаем которого было воздаяние».¹³⁵ В юридической литературе также говорится: «Исторически пред-

¹³¹ Курс советского уголовного права. В 6 т. / Под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. М., 1970. Т. 3. С. 36.

¹³² Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве. Саратов, 1973. С. 82.

¹³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 273.

¹³⁴ Лафарг П. Экономический детерминизм К. Маркса. М., 1928. С. 98.

¹³⁵ Иванов В. Г., Рыбакова Н. В. Очерки марксистско-ленинской этики. Л., 1963. С. 204–205.

ставления о справедливости возникли еще в условиях доклассовой организации общества в форме чувств, эмоций, идей, оценок, норм и явились, в свою очередь, отражением в духовной сфере системы производственных и распределительных отношений, свойственных конкретной общественно-экономической формации». ¹³⁶

Равенство проявлялось прежде всего в распределении средств потребления и труда, что и привело к формированию понятия, по выражению П. Лафарга, «справедливости распределяющей». Понятие «воздающей справедливости» вырабатывалось в процессе регламентации такой естественной человеческой страсти, как месть. Наиболее четко «воздающая справедливость» выражалась в принципе талиона – «око за око – зуб за зуб». В дальнейшем на формирование понятия справедливости решающее влияние оказала частная собственность и порождаемые ею идеи и взгляды. В классовом обществе понятие «справедливость», как и вообще все нравственные (моральные, этические) категории, имеет классовый характер. В понятие равенства и, следовательно, «справедливости» разные классы вкладывали разное содержание. Понятие «воздающая справедливость» в смысле воздаяния равным за равное осложнялось тем, что при выборе меры воздаяния, равной содеянному, приходилось сравнивать трудно сравнимые ценности: с одной стороны, всегда жизнь, здоровье и другие блага преступника, а с другой – жизнь, здоровье и другие блага потерпевшего, государственная власть, нормальная деятельность аппарата управления, нормальное функционирование хозяйства и т. д. Но существо понятия справедливости сохранилось: это воздаяние равным за равное. Идея справедливости в советской уголовной политике и уголовном законодательстве выражается в принципе соответствия наказания тяжести и характеру преступления. Следовательно, справедливость вообще и в уголовно-правовом смысле в частности – это не какое-то «расплывчатое и неопределенное понятие», а понятие совершенно четкое и ясное. В. И. Ленин, отмечая значение справедливости в реальной жизни, писал: «Справедливость – пустое слово, говорят интеллигенты и те прохвосты, которые склонны объявлять себя марксистами на том возвышенном основании, что они “созерцали заднюю” экономического материализма». ¹³⁷

Таким образом, вопрос, является ли кара целью наказания, тождествен вопросу, соответствует ли с точки зрения справедливости тяжесть наказания тяжести совершенного преступления, соответствуют ли тяготы и лишения, входящие в содержание назначенного наказания, тому злу, которое преступник причинил обществу, удовлетворено ли чувство справедливости советского общества назначенным наказанием?

И. С. Ной, М. Д. Шаргородский и ряд других авторов отвечают на этот вопрос отрицательно. И. С. Ной, например, пишет: «Нельзя согласиться с высказанным Н. А. Беляевым, В. Г. Смирновым и некоторыми другими авторами мнением о необходимости при решении одного из важнейших вопросов уголовного права – вопроса о целях наказания – считаться и с “чувством справедливости членов социалистического общества”, когда под этими чувствами понимается восприятие наказания как возмездия». ¹³⁸ Какие-либо веские доводы в поддержку такой позиции не приводятся. Единственный довод, заслуживающий внимания, заключается в следующем: стремление к воздаянию, желание причинить преступнику страдания за совершенное им преступление – это низменное желание, а человек, находящий удовлетворение в причинении другому человеку страданий и лишений, не заслуживает одобрения с точки зрения нашей социалистической морали. Советское право не должно идти на

¹³⁶ *Вопленко Н. Н.* Социальная справедливость и формы ее выражения в праве // Советское государство и право. 1979. № 10. С. 40.

¹³⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 332.

¹³⁸ *Ной И. С.* Сущность и функции наказания в Советском государстве. С. 95.

поводу у таких людей, а должно воспитывать советских людей в духе коммунистической морали, которой будет чуждо такое чувство.

Вполне возможно, что такого чувства, как удовлетворение от причинения страданий человеку, причинившему вред обществу или отдельным членам его, у членов коммунистического общества не будет. Но оно есть сейчас, и не на уровне сознания отдельных лиц, а на уровне общественной психологии. Можно ли с этим не считаться?

Можно привести немало примеров, когда Коммунистическая партия стремится в современных условиях воспитывать у советских граждан такие чувства, которые являются ценными сейчас и будут отсталыми при коммунизме. Возьмем, к примеру, такое чувство, как патриотизм, любовь к Родине. Воспитание советских граждан в духе патриотизма Программа Коммунистической партии считает важнейшим элементом коммунистического воспитания. Но какова природа патриотизма? Патриотизм есть результат разобщения народов, разделения их на обособленные общности в рамках отдельных государств. «Патриотизм – одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств», – отмечал В. И. Ленин.¹³⁹

Коммунизм предполагает уничтожение государства вообще, ликвидацию государственных границ, слияние всех наций, народов и народностей в единую человеческую общность, создание единой общечеловеческой культуры. Естественно, что в этих условиях чувство патриотизма станет совершенно бессмысленным, и даже более того, стремление к обособлению народов и народностей будет рассматриваться как реакционное явление, чуждое коммунистической морали.

Аналогично обстоит дело и с таким чувством, как справедливость, применительно к причинению страданий человеку. Сугубо утилитарный, рациональный подход к определению целей и задач наказания, который пропагандируют противники признания в качестве цели наказания, удовлетворение чувства справедливости, подход, игнорирующий, сбрасывающий со счета чувственную, эмоциональную сторону этой проблемы, несмотря на кажущуюся прогрессивность, на самом деле есть отголосок ушедшего в прошлое периода развития нашего общества, когда в результате допущенных ошибок имела место недооценка личности человека как самостоятельной ценности. Наказание должно быть утилитарным, рациональным, а чувства и эмоции здесь ни при чем, рассуждают эти ученые. А вот В. И. Ленин говорил: «... без “человеческих эмоций” никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины».¹⁴⁰

Правильно писал по этому поводу И. Е. Фарбер: «Советский закон определяет уголовную ответственность за преступное деяние и наказание за него. Наказание можно изучать с различных сторон: его содержание, взаимоотношение личности и общества, его цели и пр. Важна и психологическая сторона наказания, чтобы оно воспринималось в массовом правосознании как справедливая мера общественного воздействия. Для этого нужно знать законы соразмерности наказания с преступлением, а эти законы лежат в сфере общественной психологии и, особенно, в правовых чувствах».¹⁴¹

Противники признания удовлетворения чувства справедливости в качестве цели наказания не могут отрицать значение справедливости и ее проявления в уголовно-правовой политике и уголовном праве (соответствие тяжести наказания тяжести совершенного преступления) для борьбы с преступностью. Так, в Курсе уголовного права сказано: «Марксизм никогда не отрицает роли и значения категории справедливости в борьбе за установление социалистического и коммунистического общества, но он всегда вкладывал в нее

¹³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 190.

¹⁴⁰ Там же. Т. 25. С. 112.

¹⁴¹ Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. С. 93–94.

свое особое содержание».¹⁴² И. С. Ной пишет: «Являясь важным элементом наказания, кара выступает мерилем справедливости наказания и поэтому за более опасные преступления следует и более тяжелая кара. Справедливость же наказания необходима как для достижения цели исправления и перевоспитания, так и для осуществления общей превенции».¹⁴³ И далее: «Представление о соответствии тяжести наказания тяжести преступления исторически воспринято и общественным мнением, с чем нельзя не считаться в борьбе с преступностью».¹⁴⁴ Совершенно непонятно, почему из этих правильных положений указанные авторы не делают верных выводов по рассматриваемому спорному вопросу. Ведь стремление к тому, чтобы наказание было справедливым, чтобы суровость его соответствовала тяжести совершенного преступления, и есть стремление удовлетворить чувство справедливости.

Советский законодатель в ряде нормативных актов указывал на необходимость учета чувств советских людей. Президиум Верховного Совета СССР, устанавливая, что «нацистские преступники, виновные в тягчайших злодеяниях против мира и человечности и в военных преступлениях, подлежат суду и наказанию независимо от времени, истекшего после совершения преступления», руководствовался тем, что «совесть и правосознание народов не могут мириться с безнаказанностью фашистских преступников, совершивших тягчайшие злодеяния в период Второй мировой войны».¹⁴⁵ Нельзя недооценивать при решении этой спорной проблемы и то, что удовлетворение чувства справедливости приносит и существенную практическую пользу: признание обществом наказания справедливым означает одобрение советской уголовной политики, порождает уверенность в стабильности нашего государственного и общественного строя, и в том, что государство стоит на страже прав и интересов советских граждан.

Таким образом, советская уголовно-правовая политика, направляя деятельность законодательных органов по разработке системы наказаний, исходит из того, что уголовное наказание должно обеспечить достижение целей исправления и перевоспитания осужденных, предупреждение совершения новых преступлений со стороны осужденного и других неустойчивых граждан нашего общества, удовлетворение чувства справедливости советских людей. То обстоятельство, что в действующем законодательстве прямо не говорится об удовлетворении чувства справедливости как цели наказания, не меняет существа дела. Правильно пишет в связи с этим Н. И. Загородников: «Эти цели (кроме прямо указанных в законе) не определяются в законе, они содержатся в социальных нормах, представлениях людей о добре и зле, в общественном правосознании граждан. В социальном плане целью наказания является обеспечение справедливости при разрешении каждого конкретного социального конфликта, выразившегося в совершении преступления».¹⁴⁶

В соответствии с целями, которые ставятся перед наказанием, разрабатывается и система наказаний. Наиболее точное определение системы дает Л. В. Багрий-Шахматов. Он определяет ее как «предусмотренный советским уголовным законом, исчерпывающий, не подлежащий произвольным изменениям, обязательный для судов перечень наказаний, расположенный в определенном порядке».¹⁴⁷

Вместе с тем и это определение может быть улучшено. Вряд ли в него нужно вводить такой признак, как «не подлежащий произвольному толкованию». Во-первых, не ясно, какое толкование Л. В. Багрий-Шахматов называет «произвольным». Теория права знает много

¹⁴² Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. 3. С. 36.

¹⁴³ Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве. С. 61.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 10. Ст. 123.

¹⁴⁶ Загородников Н. И. Советская уголовная политика. М., 1979. С. 61.

¹⁴⁷ Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. С. 139.

видов толкования: по объему, по субъекту и т. д. Каждый из этих видов толкования имеет право на существование, практически применяется и поэтому не может быть назван произвольным. Если в данном случае «произвольное» толкование противопоставляется «общеобязательному», то об этом вряд ли нужно указывать в определении, так как общеизвестно, что общеобязательное толкование может дать только Президиум Верховного Совета СССР и Президиум Верховного Совета союзной республики.

Во-вторых, указание на то, что это «исчерпывающий» и «обязательный для судов» перечень наказаний, означает, что он не может быть никем изменен (разумеется, кроме законодателя). Затем недостаточно четко указание на то, что система наказаний – это «перечень наказаний, расположенных в определенном порядке». В советском уголовном праве с самого начала укоренился порядок размещения наказаний в зависимости от их сравнительной тяжести: от более тяжких к менее тяжким. Об этом и следует сказать в определении системы наказаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.